

№ 8 (132)
2025

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск КОНКУРЕНТНОЕ ПРАВО

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

- 14** Пузыревский С. А.
Основные тенденции развития
конкурентного права в современных условиях

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- 25** Гаврилов Д. А.
О некоторых вопросах квалификации
положения обладателя
интеллектуальных прав на РИД
на товарном рынке
с точки зрения конкурентного права
- 35** Егорова М. А.
Современные тенденции
антимонопольного регулирования
на цифровых рынках
в российском законодательстве

№ 8 (132)
2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск
КОНКУРЕНТНОЕ ПРАВО

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — заведующий кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — директор Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюффо и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, помощник проректора по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — профессор кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ, профессор Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025

8/2025

КОМАРОВА Валентина Викторовна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Фи-

нансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — проректор Московского гуманитарно-экономического университета по научной работе и международному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ГАВРИЛОВ Денис Александрович — заместитель заведующего кафедрой конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 09.10.2025 Объем 23,10 усл. печ. л. (14,36 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева	Корректор С. И. Ершова	Компьютерная верстка Е. Г. Булычев
--------------------------------	-------------------------------	---

№ 8 (132)
2025

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

Edition
COMPETITION LAW

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors:

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure, Advocacy and Notary of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Director of the Law Institute of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Vice-Rector, Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev (RUAN), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Assistant of Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeyevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Professor, Institute of Law and National Security, RANEPA University; Professor, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index

© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2025

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Lebedev Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the

Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Vice-Rector for Research and International Cooperation of the Moscow University of Humanities and Economics, Dr. Sci. (Political Sciences), Moscow, Russia

Editors-in-Chief of the Issue:

GAVRILOV Denis Aleksandrovich — Deputy Chair of Competition Law of the Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate professor

The Journal publishes research papers written on scientific specialties of Group 5.1 «Law» (Legal Sciences)	5.1.1. Theory and History of Law. 5.1.2. Public Law and State Law. 5.1.3. Private Law (Civil Law). 5.1.4. Criminal Law. 5.1.5. International Law.
THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998 (Print), 2782-6163 (Online)
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1, Presnensky intra-urb. ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 str. 2 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	09.10.2025 Volume: 23,10 conventional printer's sheets (14,36 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor L. A. Munkueva	Proof-reader S. I. Ershova
Computer layout E. G. Bulychev	

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	8
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	10
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Пузыревский С. А. Основные тенденции развития конкурентного права в современных условиях	14
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Конкурентное право в сферах интеллектуальной собственности и цифровой экономики	
Гаврилов Д. А. О некоторых вопросах квалификации положения обладателя интеллектуальных прав на РИД на товарном рынке с точки зрения конкурентного права	25
Егорова М. А. Современные тенденции антимонопольного регулирования на цифровых рынках в российском законодательстве	35
Дударова Б. О. Манипулирование отзывами на маркетплейсах как форма недобросовестной конкуренции: российский и зарубежный опыт	43
Хохлов Е. С. Антимонопольное регулирование цифровых рынков в Республике Узбекистан в контексте российского опыта и мировых тенденций	53
Павлухина О. А. Антимонопольные иммунитеты и цифровая экономика: актуальные правовые аспекты и пределы допустимости	64
Теоретические аспекты конкурентного права	
Серегин Д. В. Понятие нарушения антимонопольного законодательства в конкурентном праве и его виды	75
Мильчакова О. В. Экономическая солидарность как принцип конкурентного права	85
Овакимян К. Б. Принцип приоритета содержания над формой в конкурентном праве ..	95
Шмелева Д. В. К вопросу о проблеме системы источников отечественного конкурентного права	106
Тесленко А. В. Преференции: неконкурентные преимущества как элемент конкурентной политики	114
Методы предупреждения и пресечения нарушений в конкурентном праве	
Ашфа Д. М. Предписание антимонопольного органа о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода: проблемы теории и правоприменения на классических и цифровых товарных рынках	123

Сегал (Решетникова) С. Б., Маслов А. О.

- Антимонопольный контроль за сделками
экономической концентрации в современных реалиях:
новеллы законодательства и правоприменительной практики 132

НАУЧНЫЙ ПОИСК

Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г.

- Развитие правовых механизмов формирования пространства
экологической и климатической безопасности
в рамках Евразийского экономического союза 143

Черкасов А. И.

- Ценности и риски современной цифровой демократии 155

Хадеева М. В., Овчинников Е. К.

- Правовые основы функционирования
антифрод-системы на финансовом рынке 164

Трибуна молодого ученого

Кадымов Ф. Ф.

- Предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода,
полученного вследствие нарушения
антимонопольного законодательства 173

Румянцева Е. М.

- Добровольные обязательства в конкурентном праве:
сравнительно-правовой анализ моделей регулирования 183

Зайцева А. О.

- Проблемы взыскания убытков, причиненных нарушением
антимонопольного законодательства 194

Силаков А. Н.

- Координация экономической деятельности хозяйствующих
субъектов в условиях цифровой трансформации:
от ассоциаций и союзов до цифровых платформ 204

Бочинин И. П.

- К вопросу о необходимости антимонопольных иммунитетов
от признания хозяйствующего субъекта занимающим
доминирующее положение 214

Право в историческом преломлении

Юридическое наследие

Шпаковский Ю. Г.

- Социалистическое соревнование 224

Из периодики прошлого

Сталин И.

- Соревнование и трудовой подъем масс.
Предисловие к книге Е. Миклулиной «Соревнование масс» 228

ПОСТСКРИПТУМ

Шпаковский Ю. Г.

- Шутки великих 230

CONTENTS

NOTE TO THE READERS	8
UNIVERSITY CHRONICLE	10
AUTHORITATIVE OPINION	
Puzyrevskiy S. A. The main trends in the development of competition law in modern conditions	14
VECTOR OF LEGAL SCIENCE	
Competition law in the fields of intellectual property and the digital economy	
Gavrilov D. A. Some issues connected with legal position of intellectual property owner on product market from competition law angle	25
Egorova M. A. Current trends in antitrust regulation in digital markets in Russian legislation	35
Dudarova B. O. Manipulation of reviews on marketplaces as a form of unfair competition: Russian and foreign experience	43
Khokhlov E. S. Antimonopoly regulation of digital markets in the republic of Uzbekistan in the context of Russian experience and global trends	53
Pavlukhina O. A. Antitrust immunities and the digital economy: topical legal aspects and the limits of permissibility	64
Theoretical aspects of competition law	
Seregin D. I. The concept of violation of antimonopoly legislation in competition law and its types	75
Milchakova O. V. Economic solidarity as a principle of competition law	85
Ovakimyan K. B. The principle of priority of content over form in competition law	95
Shmeleva D. V. On the problem of the system of sources of domestic competition law	106
Teslenko A. V. Preferences: non-competitive advantages as an element of competitive policy	114
Methods of preventing and suppressing violations of competition law	
Ashfa D. M. The antimonopoly authority's order to transfer illegally obtained income to the Federal budget: problems of theory and law enforcement in the classical and digital markets	123

Segal (Reshetnikova) S. B., Maslov A. O.

- Antimonopoly control over economic concentration in nowadays:
novelties of legislation and law enforcement 132

SCIENTIFIC SEARCH

Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G.

- Development of legal mechanisms for creating
an environment of environmental and climate security within
the framework of the Eurasian economic union 143

Cherkasov A. I.

- The values and risks of modern digital democracy 155

Khadeeva M. V., Ovchinnikov E. K.

- Legal basis for the functioning of the antifraud system
in the financial market 164

YOUNG RESEARCHERS' PERSPECTIVE

Kadymov Ph. Ph.

- Order on the transfer to the Federal budget of income received
as a result of violation of antimonopoly legislation pursuing
an effective solution 173

Rumyantseva E. M.

- Commitments in competition law:
a comparative legal analysis of regulatory models 183

Zaytseva A. O.

- Challenges regarding recovery of damages
for antitrust Infringements 194

Silakov A. N.

- Coordination of economic activities in the context
of digital transformation: from associations
and unions to digital platforms 204

Bochinin I. P.

- On the necessity of antitrust Immunities from the designation
of an undertaking as holding a dominant position 214

LAW IN HISTORICAL REFRACTION

Legal Heritage

Shpakovsky Yu. G.

- Socialist competition 224

From the Periodicals of the Past

Stalin I.

- Competition and labor upheaval of the masses.
Preface to the book by E. Mikulina «Competition of the masses» 228

POSTSCRIPT

Shpakovsky Yu. G.

- Jokes of the great ones 230

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемые читатели!

В этом году мы отмечаем тридцать пять лет антимонопольному регулированию в России.

В развитие конституционных принципов поддержки конкуренции, запрета монополизации и недобросовестной конкуренции в нашей стране сформирована система антимонопольного законодательства, направленного на защиту конкуренции.

После издания в 2006 г. Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» развитие антимонопольного законодательства было построено путем принятия нескольких антимонопольных пакетов, которыми были внесены существенные изменения в антимонопольное регулирование.

Принятие этих значимых нормативных правовых актов позволило ФАС России развиваться вместе с экономикой Российской Федерации, гибко и своевременно реагировать на меняющуюся ситуацию в стране и мире.

Развитие российского антимонопольного законодательства и рыночной экономики происходит в условиях глобальной трансформации экономики. Поэтому важным представляется дальнейшее развитие антимонопольного регулирования, которое должно адекватно отвечать на существующие экономические вызовы.

В современной рыночной экономике решающую роль играют технологии (в первую очередь цифровые технологии), информация, программы для электронных вычислительных машин, функционирующие в информационно-телекоммуникационной сети, интеллектуальная собственность.

Информация и технологии могут распространяться и использоваться среди участников экономических отношений в рамках законной кооперации или с целью недопущения, ограничения, устранения конкуренции. На практике интенсивное развитие информационных технологий, кроме благих результатов, также приводит к созданию опережающих антиконкурентных практик.

В ряде секторов новые цифровые компании заняли доминирующие позиции, имея значительное влияние на реальный сектор экономики.

Изменение структуры современных рынков потребовало реакции на законодательном уровне. В целях совершенствования антимонопольного регулирования в условиях развития цифровой экономики в 2023 г. принят пятый «цифровой» антимонопольный пакет, который обеспечил защиту конкуренции в цифровой сфере.

При этом не прекращается плановая работа по развитию конкуренции, запущенная Указом Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции». Завершается реализация Национального плана развития конкуренции на 2021—2025 годы, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.09.2021 № 2424-р. В настоящее время в Правительстве РФ обсуждается новый Национальный план развития конкуренции на 2026—2030 годы.

В сфере антимонопольного регулирования особенно важен симбиоз экономических и правовых научных исследований.

Уверен, что представленные в журнале статьи позволят читателю лучше разобраться в ключевых проблемах антимонопольного регулирования и конкурентного права и выступят основой для дальнейших правовых дискуссий, направленных на поиск оптимального регулирования экономических отношений в нашей стране.

Сергей Анатольевич Пузыревский,
статс-секретарь — заместитель руководителя ФАС России,
заведующий кафедрой конкурентного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент

Главные события месяца

В Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась ежегодная Конференция работников и обучающихся

30 августа 2025 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась ежегодная Конференция работников и обучающихся.

Мероприятие началось с поздравлений преподавателей и работников Университета, отмеченных ведомственными наградами Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: медалью К. Д. Ушинского награжден заведующий кафедрой истории государства и права Игорь Исаев, медалью «За безупречный труд и отличие» награждена профессор кафедры финансового права Ольга Болтинова.

Звание «почетный работник сферы образования Российской Федерации» присвоено профессору кафедры философии и социологии Вячеславу Артемову, заведующему кафедрой гражданского права Евгению Вавилину, заместителю директора по учебной и методической работе Северо-Западного института (филиала) МГЮА Ирине Петровой, профессору кафедры уголовного права Татьяне

¹ URL: <https://msal.ru/news/>.

Понятовской, профессору кафедры предпринимательского и корпоративного права Ольге Тарасенко, заместителю директора института юридического перевода Ольге Яшиной.

Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ награждены руководитель Центра государственной итоговой аттестации Учебно-методического управления Жанна Буряк, начальник Правового управления Светлана Стерликова. Светлана Ивановна также отмечена Почетной грамотой Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В рамках конференции ректор Университета Виктор Блажеев выступил перед научно-педагогическими работниками, руководителями самостоятельных структурных подразделений и обучающимися с докладом «Об итогах работы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в 2024—2025 учебном году и задачах на 2025—2026 учебный год».

Были отмечены ключевые аспекты образовательной и научной деятельности, тенденции развития и совершенствования образовательной системы, работа с молодежными проектами, подведены итоги приемной кампании 2025 г., а также рассмотрены вопросы формирования кадров, финансирования и материально-технического оснащения Университета.

С отчетом о работе профессионального союза Университета выступил Николай Артемов. По итогам выступления были поставлены задачи, которые предстоит решить членам профсоюза в предстоящем учебном году.

Конференция завершилась выборами членов Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

По завершении Конференции работников и обучающихся состоялось заседание Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Профессорско-преподавательский коллектив принял решения по вопросам деятельности структурных подразделений, об обновлении учебных планов основных профессиональных образовательных программ высшего образования, а также одобрил допуск отдельных преподавателей к ведению лекций.

Члены Ученого совета утвердили темы научных диссертаций и перечень программ дополнительного профессионального образования. Также Ученый совет поддержал изменения в системе образовательной деятельности филиалов, дополнения в локальные нормативные правовые акты Университета и одобрил перевод предложенных обучающихся на ускоренный курс обучения.

Развитие Университета

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и АО «Альфа-Банк» подписали соглашение о сотрудничестве

Документ подписали проректор по образовательной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Наталья Софийчук и старший вице-президент, руководитель Департамента управления сетью «Альфа-Банк» Елена Тятенкова.

Соглашение направлено на долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество в подготовке высококвалифицированных специалистов, реализации совместных проектов в области образовательной и научно-исследовательской деятельности, организации и проведении практического обучения и стажировки обучающихся, в содействии занятости и трудоустройству обучающихся и выпускников, реализации дополнительных образовательных программ.

Университет в общественной и научной жизни страны

Студенты Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) приняли участие в масштабном патриотическом флешмобе

22 августа в России отмечается День Государственного флага. В преддверии праздника студенты Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) приняли участие в масштабном патриотическом флешмобе, организованном московским отделением «Волонтерской роты» Боевого братства.

Мероприятие прошло на Северном речном вокзале Москвы и объединило сотни молодых людей, готовых выразить свою любовь к Родине и уважение к государственным символам.

В рамках праздничной программы кутафинцы прошли торжественным шествием по набережной и присоединились к акции. Участники развернули огромную ленту-триколор, исполнили гимн России, продемонстрировали традиционные русские танцы и поучаствовали в творческих интерактивах, посвященных истории российского флага.

Награждения

Проректор Сергей Игитханян удостоен знака «Почетный строитель России»

В День строителя приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ за заслуги в области строительства проректор по административной работе и информационным технологиям Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Игитханян награжден знаком «Почетный строитель России».

Под руководством Сергея Седраковича инфраструктурный комплекс Университета последовательно и динамично развивается: реализуются проекты по модернизации объектов, цифровой трансформации и созданию современной образовательной среды.

Поздравляем с заслуженной наградой и желаем дальнейших успехов!

Основные тенденции развития конкурентного права в современных условиях

**Сергей Анатольевич
ПУЗЫРЕВСКИЙ,**

статс-секретарь —
заместитель руководителя
ФАС России,
заведующий кафедрой
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент
sapuzzyrevskij@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития конкурентного права в современных условиях. Анализируется процесс трансформации предмета конкурентного права. Исследуется динамика изменения круга общественных отношений, регулируемых конкурентным правом. В рамках анализа сферы действия конкурентного права рассматривается проблема антимонопольных иммунитетов в конкурентном праве. Для устранения противоречий и обеспечения защиты конкуренции, автор предлагает исключить из действующего законодательства о защите конкуренции антимонопольные иммунитеты для действий и соглашений с использованием результатов интеллектуальной деятельности.

В статье показано, что качественное развитие конкурентного права и антимонопольного регулирования является залогом эффективного развития рыночной экономики, гарантией защиты прав и экономических интересов субъектов экономической деятельности и основой благополучия наших граждан.

Ключевые слова: конкурентное право, антимонопольное законодательство, монополистическая деятельность, предмет конкурентного права, антимонопольные иммунитеты

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.014-024

Sergey A. PUZYREVSKIY,

Chairman of Competition law chair
of the Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (law), Associate Professor,
Stats-Secretary — Deputy Head of the FAS Russia
sapuzzyrevskij@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The Main Trends in the Development of Competition Law in Modern Conditions

Abstract. The article considers the main trends of competition law development in modern conditions. Process of transformation of the subject of competition law is analyzed. Dynamics of changing social relations regulated by competition law is investigated. Issue of antimonopoly immunities in competition law is considered as part of the analysis of the scope of competition law. The author proposes, in order to eliminate contradictions and ensure the protection of competition, to exclude antitrust immunities for actions and agreements involving the use of intellectual property from the current legislation on competition protection.

The article demonstrates that the qualitative development of competition law and antitrust regulation is essential for the effective development of a market economy, the protection of the rights and economic interests of economic entities, and the well-being of our citizens.

Keywords: *competition law, antimonopoly legislation, monopolistic activity, subject of competition law, antimonopoly immunities*

Конкурентное право — относительно молодая отрасль права, процесс формирования и развития которой неразрывно связан с процессом формирования и развития антимонопольного законодательства.

Ключевой задачей антимонопольного регулирования является обеспечение добросовестной конкуренции и исключение монополизации товарных рынков в целях эффективного экономического развития нашей страны.

Современная экономика большинства государств основывается на рыночных началах, обусловленных свободой экономической деятельности. Свобода экономической деятельности трансформируется в том числе в свободу гражданско-правового договора, опосредующего товарооборот в условиях рыночной экономики. Именно гражданско-правовые договоры юридически обеспечивают функционирование товарных рынков.

При этом основой гражданско-правовых отношений является юридическое равенство участников этих отношений. Это ключевой принцип гражданского права, обеспечивающий функционирование гражданских отношений.

Однако в условиях рыночной экономики этот принцип натывается на экономическое неравенство субъектов, вступающих в гражданско-правовые отношения, обусловленное наличием рыночной власти у хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение (монополистов). Эта рыночная власть используется доминирующими хозяйствующими субъектами в целях подчинения воли контрагентов своим экономическим интересам и без жесткого антимонопольного регулирования восстановить подлинное равенство участников гражданских правоотношений невозможно.

Именно поэтому конкурентное право юридическими механизмами обеспечивает устранение экономического неравенства участников товарных рынков, восстанавливая подлинную справедливость и юридическое равенство субъектов гражданского оборота.

Отраслевая самостоятельность конкурентного права обусловлена наличием собственного предмета и метода правового регулирования.

Изначально нами было обосновано, что предметом конкурентного права являются общественные отношения по защите конкуренции, урегулированные нормами конкурентного права, которые включают в себя отношения:

- по предупреждению и пресечению монополистической деятельности;
- пресечению недобросовестной конкуренции;
- предупреждению и пресечению антиконкурентных действий органов власти;
- предоставлению государственных и муниципальных преференций;
- пресечению антимонопольных нарушений при проведении торгов;
- контролю экономической концентрации;

— привлечению к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства¹.

Дальнейшее развитие правового регулирования и научных исследований в этой сфере привело к расширению круга общественных отношений, входящих в предмет конкурентного права, и формированию логической структуры системы правоотношений.

Во-первых, отношения по защите конкуренции были разделены на три группы:

1) отношения по пресечению актов, действий и соглашений, приводящих к нарушению, ограничению, недопущению или устранению конкуренции, в том числе:

- монополистической деятельности, включая отношения по пресечению злоупотреблений доминирующим положением и антиконкурентных соглашений;
- недобросовестной конкуренции;
- антиконкурентных действий органов власти;
- антимонопольных нарушений при проведении торгов;

2) отношения по предупреждению ограничения, недопущения или устранения конкуренции, связанные:

- с направлением хозяйствующим субъектам и органам власти предостережений о воздержании от совершения действий, способных привести к нарушению антимонопольного законодательства;
- контролем предоставления государственных и муниципальных преференций;
- контролем экономической концентрации;

3) процедурно-процессуальные отношения по предупреждению и пресечению нарушений антимонопольного законодательства, включающие:

- отношения по государственному контролю и надзору за соблюдением антимонопольного законодательства;
- отношения по привлечению к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Помимо систематизации отношений по защите конкуренции, было обосновано включение в предмет конкурентного права отношений по развитию конкуренции².

Выделение указанного блока общественных отношений стало еще более актуально с принятием 21.12.2017 Указа Президента РФ № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции», утвердившего Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018—2020 годы.

¹ См.: Гаврилов Д. А., Пузыревский С. А., Серегин Д. И. Конкурентное право : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Норма ; Инфра-М, 2015. С. 31—38.

² Пузыревский С. А. Отраслевая самостоятельность конкурентного права. Конкурентное право и современная экономика : сборник научных трудов и учебно-методических материалов по итогам III Международной научно-практической конференции «Антимонопольная политика: наука, практика, образование. Цифровая экономика и конкурентная политика», г. Москва, ИЦ «Сколково», 5—6 декабря 2017 г. / отв. ред. С. А. Пузыревский ; Научно-методический совет ФАС России, Федеральная антимонопольная служба. М. : Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2018. С. 16—33.

В рамках Указа активное содействие развитию конкуренции в Российской Федерации рассматривается в качестве приоритетного направления деятельности Президента России, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, Центрального банка РФ, федеральных органов исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления.

В дальнейшем организация планирования мероприятий по развитию конкуренции перешла к Правительству РФ. Так, распоряжением Правительства РФ от 02.09.2021 № 2424-р утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2021—2025 годы. В настоящее время Федеральной антимонопольной службой готовится проект Национального плана развития конкуренции в Российской Федерации на 2026—2030 годы.

Кроме того, в рамках реализации Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», определившего в качестве национальной цели функционирование устойчивой и динамичной экономики, утвержден Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», в который включен федеральный проект «Развитие конкуренции». Федеральный проект предусматривает достижение трех общественно значимых результатов: роста уровня развития конкуренции на товарных рынках; улучшения условий функционирования товарных рынков; совершенствования системы национальных ценовых индикаторов. Для достижения этих результатов федеральный проект предусматривает комплекс мероприятий, которые должны быть реализованы до 2030 года.

Это свидетельствует о том, что отношения по развитию конкуренции активно расширяются, трансформируя предмет конкурентного права.

Кроме того, развитие антимонопольного законодательства потребовало включить в предмет конкурентного права (в группу отношений по предупреждению ограничения, недопущения и устранения конкуренции) отношения по контролю создания и осуществления деятельности государственных и муниципальных унитарных предприятий³ и отношения по созданию системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (отношения по антимонопольному комплаенсу)⁴.

Стоит отметить, что трансформация предмета конкурентного права напрямую связана с изменениями в антимонопольном регулировании, которые, в свою очередь, обусловлены развитием экономических отношений.

Одним из главных факторов мирового экономического роста на современном этапе стали цифровые преобразования. В основе современной рыночной экономики решающую роль играют технологии, информация, цифровые платформы, функционирующие в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

³ Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях” и Федеральный закон “О защите конкуренции”» // СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7803.

⁴ Федеральный закон от 01.03.2020 № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1125.

Цифровые платформы приобрели особую значимость с 2020 г. на фоне пандемии. Можно наблюдать стремительное, динамичное развитие цифровых рынков, электронная коммерция и интернет-торговля интенсивно эволюционируют. Так, объем российского рынка электронной коммерции по итогам 2024 г. достиг 9 трлн руб.⁵, что на 41 % больше по сравнению с 2023 г.

Цифровизация экономики требует кардинального пересмотра базовых категорий конкурентного права, определяющих границы товарных рынков и критериев определения доминирующего положения.

Безусловно, развитие электронной коммерции и цифровых платформ, обеспеченных хорошей логистикой, существенно расширяет географические границы большинства товарных рынков. Покупатель при приобретении товара больше не привязан к месту своего нахождения и может заказать доставку товара практически из любой точки нашей страны и мира. Эта тенденция способствует существенному развитию конкуренции за счет расширения географических границ рынков товаров, реализуемых в рамках электронной коммерции на цифровых платформах.

Однако обратной стороной медали является увеличение рыночной власти цифровых платформ. В современных условиях развития платформенной экономики все более ощущается переток рыночной власти от продавцов отдельных видов товаров к цифровым платформам.

Способны ли традиционные механизмы антимонопольного регулирования уловить эту рыночную власть, основываясь на количественных критериях доли товарного рынка? Как показала практика антимонопольных расследований в отношении таких цифровых гигантов, как Apple, Google, Microsoft, Booking, возможно и с использованием традиционных механизмов антимонопольного регулирования определять их доминирующее положение на цифровых рынках.

Однако, по сути, цифровая платформа представляет собой инфраструктуру функционирования других товарных рынков. Она обеспечивает взаимодействие продавцов и покупателей товаров, предоставляя возможность заключения сделок, хранения и доставки товаров до потребителей.

Поэтому необходимы особые критерии установления рыночной власти для цифровых платформ, которые появились в российском антимонопольном законодательстве с принятием пятого антимонопольного пакета⁶.

Так, в Законе о защите конкуренции появилась новая статья 10.1, которая распространила запрет злоупотребления доминирующим положением на хозяйствующих субъектов, владеющих цифровой платформой и обеспечивающих посредством ее использования совершение сделок между иными лицами, выступающими продавцами и покупателями определенных товаров, при наличии в совокупности следующих условий:

1) сетевой эффект дает такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном

⁵ Сводные аналитические данные // Ассоциация компаний интернет-торговли. URL: <https://akit.ru/analytics/analyt-data> (дата обращения: 18.03.2025).

⁶ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5319.

рынке, на котором совершение сделок между продавцами и покупателями осуществляется посредством цифровой платформы, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам;

2) доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35 % общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;

3) выручка такого хозяйствующего субъекта за последний календарный год превышает 2 млрд рублей.

Таким образом, в российском антимонопольном законодательстве появились специальные критерии, определяющие условия признания владельца цифровой платформы занимающим доминирующее положение. Безусловно, это учитывается в определении критериев установления доминирующего положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке в конкурентном праве.

Рассматривая вопрос о сфере действия конкурентного права, нельзя не отметить проблему так называемых «антимонопольных иммунитетов». Суть антимонопольных иммунитетов состоит в том, что из-под действия антимонопольного регулирования выводятся определенные сферы (сегменты) экономической деятельности.

Как показала практика, в большинстве случаев в сферах действия антимонопольных иммунитетов при отсутствии антимонопольного регулирования роль регулятора, определяющего правила взаимодействия с контрагентами, в полной мере берут на себя хозяйствующие субъекты, обладающие рыночной властью (субъекты, доминирующие на товарном рынке). Практически во всех случаях это приводит к увеличению количества злоупотреблений рыночной властью в отношении контрагентов и усилению монополизации товарных рынков.

Рассмотрим это на примере цифровой сферы. Как отмечалось выше, стремительное развитие электронной коммерции привело к появлению доминирующих цифровых платформ, которые, пользуясь рыночной властью, стали в отдельных случаях навязывать работающим на платформах продавцам невыгодные условия, ущемляющие их экономические интересы.

В связи с отсутствием специального антимонопольного регулирования в отношении цифровых платформ на площадке Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий были разработаны и подписаны в 2022 г. тринадцать крупнейших цифровыми платформами и ассоциациями Принципы добросовестного поведения на цифровых рынках⁷.

Предполагалось, что Принципы сработают в форме института саморегулирования, когда участники рынка добровольно не осуществляют недобросовестных практик по отношению к потребителям, конкурентам и другим лицам.

Однако, несмотря на добровольно взятые на себя обязательства, крупнейшие цифровые платформы не всегда четко следовали принципам добросовестного поведения. Ситуация усугублялась тем, что в это время был установлен полный

⁷ URL: <https://fas.gov.ru/p/protocols/1666> (дата обращения: 18.06.2025).

запрет на проверки в отношении IT-компаний⁸ и цифровые платформы находились под полным «антимонопольным иммунитетом». В этот период в адрес Федеральной антимонопольной службы поступило несколько тысяч жалоб потребителей и субъектов малого и среднего предпринимательства, касающихся действий цифровых платформ, различных спорных практик в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства.

Настоятельные обращения ФАС России в адрес цифровых платформ о прекращении недобросовестных практик не во всех случаях приводили к их исключению.

Количество обращений субъектов малого и среднего бизнеса и нежелание своевременно выполнять взятые на себя в рамках саморегулирования обязательства стали причиной исключения иммунитета на проведение антимонопольных проверок в отношении IT-компаний⁹.

Учитывая критическую массу обращений субъектов МСП, касающихся злоупотреблений цифровых платформ доминирующим положением, ФАС России практически сразу после снятия моратория выдано цифровым платформам предупреждение о прекращении нарушения антимонопольного законодательства путем навязывания предпринимателям невыгодных условий договоров, которые не позволяли продавцам планировать с надлежащей осмотрительностью собственный бизнес. Речь шла о некорректной работе механизмов блокировки, заключения и расторжения договоров, необоснованных штрафах, несогласованных изменениях стоимости доставки и хранения продаваемых товаров.

Предупреждения были исполнены цифровыми платформами в установленный ФАС России срок. Это позволило восстановить ущемленные экономические интересы участников рынка и потребителей. Угроза государственного принуждения в виде «оборотных» штрафов и антимонопольных предписаний позволила четко обеспечить реализацию антимонопольных требований на цифровых рынках, в то время как элементы «мягкого» регулирования не смогли в полной мере обеспечить баланс интересов при реализации товаров на цифровых платформах.

Это свидетельствует о том, что отсутствие антимонопольного регулирования негативно сказывается на функционировании соответствующих рынков, приводит к ограничению конкуренции и существенному ущемлению интересов малого бизнеса и потребителей.

Более серьезной продолжает оставаться проблема антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности. Она обсуждается уже не первый год¹⁰. Так, часть 4 ст. 10 Закона о защите конкуренции устанавливает, что требования указанной статьи (о запрете злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением) не распространяются на действия по

⁸ Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 448 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в отношении аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 13. Ст. 2108.

⁹ Постановление Правительства РФ от 20.03.2024 № 340 // СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1809.

¹⁰ Пузыревский С. А. Поправки в антимонопольное законодательство: содержание и ожидаемые последствия // Хозяйство и право. 2013. № 12. С. 6—10.

осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг.

Кроме того, ч. 9 ст. 11 Закона предусматривает, что требования указанной статьи (о запрете на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов) не распространяются на соглашения о предоставлении и (или) об отчуждении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг.

Вместе с тем Конституция РФ, гарантируя свободу экономической деятельности (ст. 8), запрещает экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34).

Реализация указанных конституционных норм обеспечивается положениями гражданского и антимонопольного законодательства. Так, пункт 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что не допускаются использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. К объектам гражданских прав отнесены в том числе охраняемые результаты интеллектуальной деятельности. При этом ни Конституция РФ, ни ГК РФ каких-либо изъятий для результатов интеллектуальной деятельности не содержат.

Получается парадоксальная ситуация, когда Гражданский кодекс РФ запрещает использование исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности для ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке, а Закон о защите конкуренции частью 4 ст. 10 и частью 9 ст. 11 эти запреты нивелирует.

Таким образом, положения антимонопольного законодательства, предусматривающие антимонопольные иммунитеты владельцам исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, входят в прямое противоречие с положениями Конституции РФ (ст. 34) и Гражданского кодекса РФ (ст. 10).

В результате товары, которые произведены с использованием результатов интеллектуальной деятельности или являющиеся результатами интеллектуальной деятельности, оказываются формально выведенными из-под антимонопольного регулирования и контроля¹¹.

Это позволяет правообладателям при наличии доминирующего положения устанавливать на такие товары монопольно высокие цены, навязывать невыгодные условия, отказывать в заключении договора и иным образом злоупотреблять своим доминирующим положением на соответствующем товарном рынке¹².

В качестве характерного примера такого злоупотребления можно привести ситуацию с ценообразованием на российское программное обеспечение, на

¹¹ См.: Пузыревский С. А. Актуальные вопросы антимонопольного регулирования // Антимонопольное регулирование ценообразования на товарных рынках Российской Федерации : монография / под общ. ред. Д. А. Петрова, С. А. Пузыревского. М. : Юрист, 2024. С. 49.

¹² Пузыревский С. А. К вопросу об отмене антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности // Юрист. 2024. № 11. С. 39—45.

которое в результате введения антироссийских санкций должны перейти многие стратегические отрасли нашей экономики.

Так, по информации АО «Россельхозбанк», направленной в адрес ФАС России и Государственной Думы¹³, в рамках перехода на российское программное обеспечение банковская сфера столкнулась с существенным ростом цен на продукцию ИТ-компаний. В частности, в АО «Россельхозбанк» возникали ситуации с завышением цен поставщиками программного обеспечения в 9 раз, при этом обжалование действий таких поставщиков в ФАС России не имело положительного результата в связи с наличием антимонопольных иммунитетов на результаты интеллектуальной деятельности.

Не менее показательным является и рассмотренный Конституционным Судом РФ случай явного злоупотребления правообладателем своим исключительным правом на товарный знак в рамках контроля обращения товара, реализуемого под этим товарным знаком¹⁴. ООО «ПАГ» заключило государственный контракт на поставку в ГБУЗ «Черняховская центральная районная больница» партии медицинских товаров (термочувствительной бумаги для медицинских регистрирующих приборов) производства компании Sony Corporation (Япония). Соответствующие товары были приобретены обществом у компании Meditech Sp. z o.o. (Польша), ввезены на территорию Российской Федерации и поставлены в районную больницу.

Однако по иску компании Sony Corporation ООО «ПАГ» было запрещено без разрешения истца осуществлять ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение товаров в гражданский оборот на территории Российской Федерации. Товары, ввезенные ответчиком на территорию России, на которых размещен товарный знак Sony, были изъяты из оборота и уничтожены, а в качестве компенсации за нарушение исключительного права на данный товарный знак взыскано в пользу истца 100 000 руб. В итоге государственный заказчик получил нужный ему товар по более высокой цене.

Также необходимо отметить, что наличие антимонопольных иммунитетов позволяло правообладателям и в иных случаях безнаказанно злоупотреблять своей рыночной властью, прикрывая ее защитой исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности.

Так, 01.01.2019 изменилась ставка налога на добавленную стоимость с 18 до 20 %¹⁵, вследствие чего форматы и реквизиты фискальных документов, формируемых контрольно-кассовой техникой (ККТ), также были изменены. Для применения обновленного формата фискальных документов пользователи ККТ должны были обновить программное обеспечение ККТ, которое осуществлялось производителями ККТ на платной основе.

¹³ Исх. от 29.09.2023 № 4УН-08/103.

¹⁴ См.: постановление Конституционного Суда РФ № 8-п от 13.02.2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Федеральный закон от 03.08.2018 № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5096.

В адрес ФАС России поступало большое количество заявлений субъектов малого и среднего предпринимательства о возможном нарушении антимонопольного законодательства со стороны производителей ККТ при внедрении производителями платных обновлений ККТ, необходимых указанным субъектам для соблюдения требований налогового законодательства РФ.

В рамках рассмотрения указанных заявлений ФАС России было установлено, что производители ККТ осуществляют разработку соответствующего программного обеспечения для ККТ, которое является интеллектуальной собственностью производителей. Лица, приобретающие ККТ (как напрямую у производителей, так и у их партнеров), заключают с соответствующим производителем договор купли-продажи ККТ, а также лицензионное соглашение, которым регламентирована возможность обновления программного обеспечения на платной основе, о предоставлении неисключительного права пользования указанным программным обеспечением.

Следовательно, указанные в заявлениях субъектов малого и среднего предпринимательства действия производителей по выпуску платных обновлений для ККТ являются действиями по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, на которые распространяется антимонопольный иммунитет, установленный частью 4 ст. 10 Закона о защите конкуренции. На этом основании антимонопольным органом принято решение об отказе в возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Все эти случаи свидетельствуют о том, что наличие иммунитетов используется правообладателями для контроля рынка и злоупотребления рыночной властью в своих интересах, а потребители таких товаров (услуг) не получают гарантированной Конституцией РФ защиты от монополистической деятельности¹⁶.

Кроме того, помимо противоречия Конституции РФ и Гражданскому кодексу РФ, наличие в Законе о защите конкуренции антимонопольных иммунитетов для правообладателей объектов интеллектуальной собственности не соответствует нормам международного права.

Так, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 не предусматривает исключений в применении антимонопольных правил к отношениям, связанным со злоупотреблением исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, которые приводят или могут привести к ограничению конкуренции. При этом п. 3 ст. 74 Договора, предоставляя государствам — членам Евразийского союза право устанавливать в национальном законодательстве дополнительные запреты, а также дополнительные требования и ограничения в отношении запретов, предусмотренных Договором, не предусматривает возможности государств-членов снижать уровень правовой защиты конкуренции.

Заметим, что в настоящее время многие государства положительно определились с вопросом применения антимонопольного законодательства к действиям и соглашениям, связанным с осуществлением исключительных прав на

¹⁶ Исключительные права не должны давать никаких преимуществ при обращении товара : интервью с С. А. Пузыревским // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 3.

результаты интеллектуальной деятельности, если такие права используются для ограничения конкуренции.

Такое регулирование основывается на положениях ст. 40 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS), предусматривающей право государств самостоятельно закреплять в национальном законодательстве виды лицензионной практики, которые способны выразиться в злоупотреблениях правами на результаты интеллектуальной деятельности и оказывать неблагоприятное воздействие на конкуренцию на соответствующем товарном рынке.

Для устранения противоречий и обеспечения защиты конкуренции необходимо исключить из Закона о защите конкуренции антимонопольные иммунитеты для действий и соглашений с использованием результатов интеллектуальной деятельности. Это не снизит уровень правовой защиты интеллектуальной собственности, но позволит ограничить возможности правообладателя использовать рыночную власть для контроля рынка и монополистической деятельности.

В завершение стоит отметить, что качественное развитие конкурентного права и антимонопольного регулирования является залогом эффективного развития рыночной экономики, гарантией защиты прав и экономических интересов субъектов экономической деятельности и основой благополучия наших граждан.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антимонопольное регулирование ценообразования на товарных рынках Российской Федерации : монография / под общ. ред. Д. А. Петрова, С. А. Пузыревского. — М. : Юрист, 2024.
2. Гаврилов Д. А., Пузыревский С. А., Серегин Д. И. Конкурентное право : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Норма ; Инфра-М, 2015.
3. Исключительные права не должны давать никаких преимуществ при обращении товара : интервью с С. А. Пузыревским // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2015. — № 3.
4. Пузыревский С. А. К вопросу об отмене антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности // Юрист. — 2024. — № 11.
5. Пузыревский С. А. Отраслевая самостоятельность конкурентного права. Конкурентное право и современная экономика : сборник научных трудов и учебно-методических материалов по итогам III Международной научно-практической конференции «Антимонопольная политика: наука, практика, образование. Цифровая экономика и конкурентная политика», г. Москва, ИЦ «Сколково», 5—6 декабря 2017 г. / отв. ред. С. А. Пузыревский ; Научно-методический совет ФАС России, Федеральная антимонопольная служба. — М. : Филиал Учебно-методического центра ФАС России, 2018.
6. Пузыревский С. А. Поправки в антимонопольное законодательство: содержание и ожидаемые последствия // Хозяйство и право. — 2013. — № 12.

Конкурентное право в сферах интеллектуальной собственности и цифровой экономики

О некоторых вопросах квалификации положения обладателя интеллектуальных прав на РИД на товарном рынке с точки зрения конкурентного права

Аннотация. Отечественное антимонопольное законодательство и практика вырабатывают подходы к пресечению антиконкурентных практик операторов цифровых платформ. Такие платформы относятся к программам для ЭВМ, т.е. объектам интеллектуальной собственности. Однако до сих пор вопросы применения запретов монополистической деятельности к отношениям по реализации интеллектуальных прав в предпринимательской деятельности не разрешены законодательно. Сохраняются искусственно созданные коллизии. В статье автор предлагает посмотреть на некоторые первопричины такой коллизии. Имеется в виду правовой статус правообладателя и его соотношение со статусом компании, обладающей монопольным положением.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, лицензионные соглашения, монополистическая деятельность, обеспечение конкуренции

**Денис Александрович
ГАВРИЛОВ,**
заместитель
заведующего кафедрой
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических
наук, доцент,
докторант Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)
dagavrilov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.025-034

Denis A. GAVRILOV,

Deputy Chair of Competition Law

of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law), Associate professor,

Doctoral student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

dagavrilov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Some Issues Connected with Legal Position of Intellectual Property Owner on Product Market from Competition Law Angle

Abstract. *Russian antitrust regulation and practice form legal ways to investigate anticompetitive practice by digital platforms operators. Such platforms are digital software and subject to intellectual property rights. Meanwhile the issues connected with application of unilateral conduct restrictions to the use of intellectual property rights still have not been resolved from antitrust regulation perspective. Artificially created collisions still exist. Author analyses some of the basic backgrounds of this collision. Meaning comparison of the legal status of the intellectual property owner the status of the company with monopolistic position on the market.*

Keywords: *intellectual property, license agreements, monopolistic practice*

Значительное время в отечественной правовой науке и экспертном сообществе продолжается дискуссия о возможности применения запретов монополистической деятельности к отношениям, связанным с распоряжением интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности. Рассмотрим некоторые компоненты такой дискуссии и предложим аргументацию, а равно пути ее разрешения, которые, на наш взгляд, представляются рациональными.

1) Интеллектуальная собственность — «легальная монополия»?

По нашему мнению, одним из элементов дискуссии служит достаточно распространенное в отечественной науке отождествление терминов «интеллектуальная собственность» и «легальная монополия».

В частности, В. И. Еременко указывал на легальную монополию как на монополию, основанную на исключительных правах¹. К данному термину обращается и О. А. Городов, указывая на то, что гражданским законодательством определяются границы легальной монополии в виде объема охраны интеллектуальных прав².

Приведенные точки зрения вторят некоторым позициям еще дореволюционных юристов, а в частности А. А. Пиленко. Он утверждал, что исключительное право

¹ Еременко В. И. Правовое регулирование конкурентных правоотношений в России и за рубежом : дис. д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 10.

² Городов О. А. О патентной монополии на использование изобретений // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 3—8.

предоставляет патентообладателю монопольное положение, т.е. возможность извлекать выгоду в виду прибыли от введения в оборот товаров с теми улучшенными свойствами и качествами, которые содержатся в патенте³.

Данное отождествление, по мнению исследователей, имеет также определенный генезис с учетом становления регулирования в зарубежном правовом порядке. Так, А. П. Сергеев ссылался на принятый в 1623 г. в Англии Статут о монополиях, в соответствии с которым создателям технического новшества гарантировалось право монопольно получать из этого выгоду в течение определенного количества календарных лет⁴.

Соответствующий термин «легальная монополия» применительно к интеллектуальной собственности весьма распространен и среди зарубежных исследователей⁵.

Предлагая свое видение истории и эволюции промышленной собственности, ВОИС указывает на практику выдачи «патентных» грамот, квалифицируя их термином «привилегия», предоставляемая королевской властью отдельным лицам для защиты их во время основания новых производств, основанных на импортированных технологиях⁶.

В этом контексте полагаем важным посмотреть на то, какой все-таки смысл вкладывается в термин «легальная монополия» применительно к интеллектуальным правам, не ведет ли частота его использования к несоразмерно большему, чем изначально было принято в науке, его восприятию, возможно ли отказаться или ограничить его использование или по крайней мере четко определить границы смыслов.

На наш взгляд, использование термина «легальная монополия» в отношении интеллектуальных прав изначально преследовало цель подчеркнуть, что, несмотря на специфическую природу объектов, зачастую не имеющих изначально материальную форму, на них возникает соответствующий объем имущественных прав, которые отличаются от прав вещных тем, что в них не входит лишь правомочие по владению, поскольку владеть самой идеей нельзя⁷. К особенностям можно также отнести и личное неимущественное право авторства.

Право интеллектуальной собственности, или интеллектуальные права, и права собственности на имущество весьма близки, но, конечно, не тождественны. Более того, если вновь обратиться к генезису в контексте зарубежных правовых порядков, то можно привести такой пример: Р. Дюма отмечал рассмотрение во французском

³ Пиленко А. А. Право изобретателя. М. : Статут, 2005. С. 67.

⁴ Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М. : Велби ; Проспект, 2005. С. 12.

⁵ См., например: *Roger D. Blair, Wenche Wang*. The Cambridge Handbook of Antitrust, Intellectual Property, and High Tech. Cambridge University Press. P. 204 ; *Cecilia Rikap*. Intellectual monopolies as a new pattern of innovation and technological regime Open Access. Industrial and Corporate Change. Vol. 33. Is. 5. October 2024 P. 1037—1062.

⁶ Introduction to Intellectual Property. Wipo Publication. No. 478@. Wipo, 1998. С. 17—18.

⁷ Гаврилов Э. П. О лицензии / лицензионном договоре в ГК РФ: пути совершенствования законодательства // Хозяйство и право. 2021. № 4. С. 29.

правопорядке в XVIII в. интеллектуальной собственности применительно к авторским правам как подлинной собственности⁸.

На «соседство» интеллектуальных прав и прав вещных обращал внимание и Г. Ф. Шершеневич, который указывал на наличие у обладателя вещными правами возможности пользоваться материальными вещами и запрещать их использование другим, аналогично тому, как исключительные права дают возможность запретить «подражание» другим⁹.

Приведя признанные точки зрения ученых-юристов на сущность интеллектуальных прав, их сходство (но не тождественность) с вещными правами, вернемся к вопросу о дискуссионности использования термина «легальная монополия». Действительно, если под легальной монополией понимать гарантированное законом право использования и распоряжения исключительными правами любым не противоречащим закону способом (ст. 1226 ГК РФ), то возникает вопрос, почему не признать легальную монополию за любым обладателем вещных прав.

Следуя подобному терминологическому приему, собственника любого движимого или недвижимого имущества, на наш взгляд, аналогично надо наделить статусом обладателя легальной монополии на принадлежащую ему вещь. Ведь, как и любому собственнику, ему должно быть гарантировано право владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему имуществом, т.е. правом, которое даже шире по объективным причинам, чем имущественный характер интеллектуальных прав. Здесь следует привести точку зрения В. А. Дозорцева, который указывал, что исключительное право выполняет в отношении нематериальных объектов ту же функцию, что и право собственности в отношении материальных¹⁰.

В ином случае сужение сферы использования термина «легальная монополия» до интеллектуальных прав вызывает дискуссию в контексте обоснованности подобного ограничения. Во-первых, это влечет риск придания интеллектуальным правам преимущественного или более высокого статуса, нежели праву собственности на вещь, а не равного статуса, что едва ли обоснованно, например с точки зрения положений Конституции России (ст. 33 и 44). Во-вторых, использование термина «легальная монополия» в отношении интеллектуальных прав, относящихся обобщенно к правам гражданским, может создать впечатление об их некой незыблемости и непоколебимости, в том числе в контексте общих пределов осуществления гражданских прав, включая запрет на их использование в целях ограничения конкуренции (ст. 10 ГК РФ).

Однако очевидно, что никаких исключений из применения установленных законом пределов осуществления гражданских прав применительно к правам исключительным нет и быть не может. Наоборот, следует говорить о подходах к применению таких пределов с учетом не столько специфики интеллектуальных прав как таковых, сколько случаев пользования и распоряжения ими,

⁸ Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции / пер. с фр. М., 1989. С. 17—18.

⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 254.

¹⁰ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие. Система. Задачи кодификации : сб. статей. М., 2005. С. 37.

представляющих собой злоупотребление правом, в том числе чтобы пресекать поведение, направленное на получение преимуществ от попыток обхода антимонопольных требований.

Указанная позиция неоднократно была выражена Конституционным Судом РФ¹¹. Более того, помимо пределов осуществления интеллектуальных прав, выход за которые должен влечь гражданско-правовые и административно-правовые механизмы «возвращения их в необходимое русло», включая пресечение недобросовестного поведения или поведения, направленного на ограничение конкуренции, законодательством предусмотрены основания и для досрочного прекращения их правовой охраны, т.е. лишение титула применительно к объектам патентного права и соответствующим средствам индивидуализации, а равно случаи принудительного лицензирования.

В этой связи среди ученых-юристов встречаются и полные противники использования термина «легальная монополия». Так, по мнению О. А. Сеницына, наиболее точно будет рассматривать интеллектуальные права в контексте особого рода прав с индивидуальным режимом объектов, особенностями осуществления и правовой защиты и не ассоциировать их с абстрактным представлением о легальной монополии¹². Заслуживающей внимание, на наш взгляд, представляется точка зрения А. Ю. Иванова, который выступает против использования термина «монополия» применительно к интеллектуальным правам, поскольку их предоставление правообладателю автоматически не влечет появление у него соответствующего положения на товарном рынке¹³. С. А. Пузыревским подчеркивается недопустимость использования термина «легальная монополия» для оправдания экономического господства правообладателя на товарном рынке, а тем более для выведения его из-под антимонопольного регулирования¹⁴.

Обратимся к экспертной точке зрения ведущих отечественных экономистов. А. Е. Шаститко обращает внимание на затруднительность использования термина «легальная монополия», поскольку экономисты справедливо рассматривают понятие «монополия» в контексте структуры рынка, на котором есть один продавец и множество покупателей товара, не имеющего близких заменителей¹⁵.

Исходя из изложенного, нам представляется, что термин «легальная монополия» в его общем понимании на сегодняшний день весьма эволюционировал,

¹¹ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П ; от 08.07.2025 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Сеницын С. А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 8—15.

¹³ Иванов А. Ю. Мифы о легальной монополии, или Сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности // Закон. 2020. № 2. С. 86—102.

¹⁴ Пузыревский С. А. К вопросу об отмене антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности // Юрист. 2024. № 11. С. 39—45.

¹⁵ Шаститко А. Е. Защита конкуренции и интеллектуальной собственности: прагматические фильтры в междисциплинарном дискурсе // Актуальные вопросы современного конкурентного права : сборник научных трудов / А. В. Белицкая, В. А. Вайпан, О. А. Гордодов [и др.] ; отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2018. Вып. 2. С. 45.

отдалившись от своего первоначального смыслового содержания. В этой связи можно сказать, что данный термин, не является точным для характеристики сущности интеллектуальных прав, а, напротив, может привести к ее искажению.

2) Интеллектуальная собственность — экономическая монополия, или Возникает ли презумпция доминирования?

В развитие приведенных рассуждений мы вновь считаем важным подчеркнуть главное, а именно то, что возникновение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, предназначенные для последующего использования при введении в оборот товаров, не презюмирует возникновение у правообладателя такого положения на товарном рынке, которое даст ему возможность в одностороннем порядке оказывать на него влияние, получать необоснованные преимущества и повлечь ограничение конкуренции.

Иными словами, представляется неопровержимым постулатом то, что не может быть признано доминирующим положение хозяйствующего субъекта и не могут быть применены антимонопольные запреты на злоупотребление доминирующим положением только на основании наличия у такого хозяйствующего субъекта исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а тем более на приравненные к ним средства индивидуализации.

В то же время наличие исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности может быть учтено антимонопольным органом среди прочих факторов при проведении анализа соответствующих товарных рынков, в том числе в рамках определения границ рынка и барьеров входа на него (например, издержек доступа к интеллектуальной собственности), но не являться предопределяющим фактором *per se* для выводов о доминировании.

Так, например, товарные рынки лекарственных препаратов определенного терапевтического свойства в силу отечественной правоприменительной практики и отраслевого регулирования¹⁶ определяются в том числе исходя из качественных и количественных характеристик фармацевтических субстанций и их международное непатентованное наименование. При этом соответствующая фармацевтическая субстанция может быть защищена патентом на изобретение, принадлежащим конкретному производителю лекарственного препарата, что в совокупности с другими факторами может иметь существенное значение при комплексных выводах о границах рынка и барьерах входа на него, наличии доминирующего положения хозяйствующего субъекта — правообладателя¹⁷.

В рассматриваемых ситуациях наличие патента на изобретение в виде фармацевтической субстанции с формальной точки зрения действительно может являться одним из существенных барьеров входа на рынок новых продавцов, что во многом зависит от того, насколько такой правообладатель согласится на заключение лицензионного договора. В ином случае государственная регистрация воспроизведенного лекарственного препарата хозяйствующего субъекта — конкурента

¹⁶ См.: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». Ст. 27.1 // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

¹⁷ См., например: постановление Президиума Верховного Суда РФ № 305-КГ15-7123 по делу № А40-42997/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

возможна¹⁸, но введение его в оборот будет обоснованно квалифицировано как нарушение исключительных прав патентообладателя, в том числе через применение запрета на недобросовестную конкуренцию¹⁹.

Таким образом, если антимонопольным органом будет установлено наличие доминирующего положения хозяйствующего субъекта на рынке соответствующих лекарственных препаратов, то антимонопольные запреты на злоупотребление доминирующим положением подлежат применению именно к практикам, связанным с введением таких лекарственных препаратов в оборот, включая ценообразование (при условии если отпускная цена не подлежит государственному регулированию)²⁰, а также к условиям поставок данных препаратов и отбору контрагентов-дистрибьюторов²¹.

Наличие интеллектуальных прав на патент, используемый при производстве данного лекарственного препарата, т.е. товара, в определенной степени являющегося материальным обликом данного результата интеллектуальной деятельности, при установлении доминирующего положения не может являться препятствием для применения надлежащих мер антимонопольного реагирования к отношениям по поставке такого препарата, а также гражданско-правовой защиты контрагента-дистрибьютора от причиненных ему убытков, в том числе связанных с экономически необоснованным отказом от поставки такого препарата.

Однако это не означает и не должно означать, что при установлении положения такого хозяйствующего субъекта — правообладателя как доминирующего в качестве злоупотребления доминирующим положением может быть рассмотрен отказ в заключении лицензионного договора, предоставляющего потенциальному лицензиату право собственного производства взаимозаменяемого лекарственного препарата с использованием такого патента. Логика проста: товаром в данном случае выступает не результат интеллектуальной деятельности, а лекарственный препарат, обращающийся на товарном рынке, продуктовые границы которого включают этот препарат. В таком случае антимонопольные запреты злоупотребления доминирующим положением охватывают только правоотношения по введению в оборот самого лекарственного препарата.

В то же время к спорным правоотношениям, связанным с заключением либо отказом от заключения лицензионного договора на право использования патента на изобретение, базово могут применяться правовые институты принудительной лицензии, предусмотренные гражданским законодательством.

Вместе с тем следует констатировать наличие товарных рынков, продуктовые границы которых включают товары, сами по себе представляющие собой результаты интеллектуальной деятельности, включая (но не только), рынок

¹⁸ Постановление СИП от 24.04.2018 по делу № А41-85807/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление СИП от 28.09.2022 по делу № А40-200302/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Постановление 9ААС от 08.11.2018 по делу № А40-91633/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См., например: постановление АС МО от 29.10.2015 по делу № А40-204844/14 // СПС «КонсультантПлюс».

операционных систем для персональных компьютеров²², рынок предустанавливаемых магазинов приложений для операционной системы мобильного устройства²³, рынок отдельных приложений и сервисов, разрабатываемых для мобильных устройств независимо от операционной системы.

В приведенных случаях также не представляется возможной констатация факта доминирующего положения только исходя из наличия у хозяйствующего субъекта исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, в частности прав на программу для ЭВМ. Надлежит исходить, в частности, из наличия такого товара в гражданском обороте, его использования в рамках осуществления хозяйствующим субъектом предпринимательской деятельности на товарном рынке.

Таким образом, для признания результата интеллектуальной деятельности товаром необходимы в том числе направленность на совершение с ним сделок, фактическое участие в гражданском обороте, а также выявление потребительских свойств, функционального назначения и применения, качественных и технических характеристик для выделения из группы однородных товаров, определение наличия у данного товара свойств необходимой инфраструктуры для множества иных товаров, использование и функционирование которых возможны только при доступе к рассматриваемому товару.

При этом мы исходим из того, что в силу отмеченной специфики подобных товаров их гражданский оборот осуществляется, в частности, путем заключения лицензионного договора, где лицензиаром выступает правообладатель, а лицензиатами в зависимости от специфики могут быть в соответствующих случаях разработчики смежного программного обеспечения либо конечные потребители (в таком случае зачастую лицензионное соглашение могут называть пользовательским).

В этой связи и при условии установления доминирующего положения хозяйствующего субъекта, обладателя интеллектуальных прав на программу для ЭВМ, действия по введению в оборот таких программ для ЭВМ (экземпляров), на наш взгляд, должны не нарушать установленные антимонопольным законодательством запреты на злоупотребление.

В частности, в предмет антимонопольного контроля при указанных условиях должны входить:

- во-первых, случаи создания экономически необоснованного дискриминационного доступа к такому товару и навязывание невыгодных условий доступа, в том числе практика так называемого связывания условий доступа обязанностью приобрести иные услуги или товары;
- во-вторых, экономически необоснованный отказ от заключения лицензионного договора, т.е. предоставления к нему доступа также должно быть рассмотрено на предмет злоупотребления доминирующим положением;

²² Решение ФАС России от 15.08.2017 по делу 1-00-168/00-11-16 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Решение ФАС России по делу № 1-14-21/00-11-15 от 18.09.2015 ; постановление 9ААС № 09АП-20740/2016 от 17.08.2016 по делу № А40-240628/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

— в-третьих, установление размера вознаграждения (лицензионных платежей) в рамках лицензионного договора. Оно также должно входить в предмет антимонопольного контроля, при этом имеется в виду возможность признания суммы такого вознаграждения допустимой на определенный период в случае, если соответствующий товар является инновацией (как стимул к его внедрению в целях развития экономики)²⁴.

Резюмируя, отметим, что целями настоящей статьи было вновь рассмотреть некоторые базовые предпосылки дискуссии о применении антимонопольного законодательства к отношениям в сфере интеллектуальной собственности и показать, что при всестороннем взгляде на такие предпосылки становится ясно, когда применение антимонопольных норм вполне гармонично, исходя из сути возникающих правоотношений на товарном рынке, а не в силу одного лишь наличия интеллектуальных прав у правообладателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. — М., 2005.
2. Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции / пер. с фр. — М., 1989.
3. Гаврилов Э. П. О лицензии/лицензионном договоре в ГК РФ: пути совершенствования законодательства // Хозяйство и право. — 2021. — № 4.
4. Городов О. А. О патентной монополии на использование изобретений // Конкурентное право. — 2020. — № 4.
5. Еременко В. И. Правовое регулирование конкурентных правоотношений в России и за рубежом : дис. д-ра. юрид. наук. — М, 2001.
6. Иванов А. Ю. Мифы о легальной монополии, или Сказ о том, почему в России не развиваются инновации при упорной охране интеллектуальной собственности // Закон. — 2020. — № 2.
7. Пиленко А. А. Право изобретателя. — М. : Статут, 2005.
8. Пузыревский С. А. К вопросу об отмене антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности // Юрист. — 2024. — № 11.
9. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. — М. : Велби ; Проспект, 2005.
10. Сеницын С. А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. — 2021. — № 1.
11. Шаститко А. Е. Защита конкуренции и интеллектуальной собственности: прагматические фильтры в междисциплинарном дискурсе // Актуальные вопросы современного конкурентного права : сборник научных трудов. — Вып. 2 / А. В. Белицкая, В. А. Вайпан, О. А. Городов [и др.] ; отв. ред. М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2018.

²⁴ См.: Intellectual property and antitrust handbook. American bar association, 2007. P. 278.

12. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). — М., 1995.
13. *Cecilia Rikap.* Intellectual monopolies as a new pattern of innovation and technological regime Open Access // Industrial and Corporate Change. — Vol. 33. — Is. 5. — October 2024.
14. Introduction to Intellectual Property. — Wipo Publication. — No. 478®. — Wipo, 1998.
15. *Roger D. Blair, Wenche Wang.* The Cambridge Handbook of Antitrust, Intellectual Property, and High Tech. — Cambridge University Press, 2019.

Современные тенденции антимонопольного регулирования на цифровых рынках в российском законодательстве

Аннотация. Автор анализирует особенности антимонопольного регулирования на цифровых рынках и с использованием цифровых технологий. На базе теоретического анализа и правоприменительной практики автор подробно останавливается на примерах контроля за экономической концентрацией и актах монополистической деятельности, затрагивавших товарные рынки Российской Федерации, обращая внимания на особенности анализа товарных рынков антимонопольным органом, а также тенденцию сближения антимонопольного регулирования и регулирования оборота данных.

Ключевые слова: конкурентное право, антимонопольное регулирование, цифровые рынки, цифровые платформы, антимонопольное регулирование цифровых рынков, монополистическая деятельность, контроль за экономической концентрацией, сетевые эффекты, оборот данных

**Мария Александровна
ЕГОРОВА,**

профессор кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
maegorova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.035-042

Maria A. EGOROVA,

Professor of Competition Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr. Sci. (Law), Professor
maegorova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Current trends in antitrust regulation in digital markets in Russian legislation

Abstract. In this article, the author analyzes the features of antitrust regulation in digital markets and with the use of digital technologies. Based on theoretical analysis and law enforcement practice, the author provides detailed examples of economic concentration control and acts of monopolistic activity that affected the commodity markets of the Russian Federation, highlighting the specific features of antitrust analysis of commodity markets by the antitrust authority, as well as the trend towards convergence between antitrust regulation and data regulation.

Keywords: competition law, antitrust regulation, digital markets, digital platforms, antitrust regulation of digital markets, monopolistic activities, control of economic concentration, network effects, data circulation

© Егорова М. А., 2025

Введение

Цифровизация всех сторон современной общественной жизни формирует вызовы и для современного регулирования общественных отношений, возникающих при использовании цифровых технологий. Экономика в таких условиях проходит качественную трансформацию, потребители — физические и юридические лица — для упрощения своей повседневной жизни, а также повышения эффективности осуществления предпринимательской деятельности используют цифровые технологии для коммуникации в обороте, обеспечения безопасности и скорости взаимодействия друг с другом при использовании таких технологий.

Такая трансформация и привела к появлению на товарных рынках субъектов, которые, извлекая собственную выгоду, становятся акторами, снижающими транзакционные издержки коммуникации участниками оборота не в цифровой среде через создание платформ, на которых продавец может продать свой товар фактически неограниченному кругу покупателей, а покупатель — найти необходимые ему товары по широкой номенклатуре. Описанный процесс и привел к формированию так называемых цифровых (платформенных) товарных рынков¹.

Не является исключением в этом смысле и антимонопольное регулирование, для которого такие особенности проявляются и в регулировании поведения хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках, сделок таких хозяйствующих субъектов, а также использовании цифровых технологий для повышения эффективности реализации антиконкурентных сговоров на товарных рынках, которые к цифровым могут и не относиться.

Блага, которые принесло миру бурное технологическое развитие, принесли ему и новые потенциальные угрозы, поставили, в том числе и перед юридической наукой и практикой, новые вызовы. К таким вызовам относится и монополизация вновь формируемых товарных рынков, которую, в отличие, например, от сфер деятельности естественных монополий, сложно оправдать аргументами о конъюнктуре рынков и об особенностях их исторического развития.

Еще один вызов — «цифровизация картелей». В рамках этой тенденции картели могут как перетекать в цифровую плоскость, так и сохраняться на традиционных рынках, но при этом широко применять цифровые технологии как для контроля исполнения взаимных антиконкурентных договоренностей, так и непосредственно для их реализации².

Все описанное создает высокие риски дискриминационного доступа как к традиционным товарным рынкам, к государственным закупкам как фактически

¹ Егорова М. А., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф. Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. 2024. № 1. С. 2—5.

² Как это может происходить через использование пользователями цифровой платформы ее инфраструктуры для реализации собственных антиконкурентных сговоров. См.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7462453?ysclid=m8sv0bskfo559545735> (дата обращения: 28.03.2025).

отдельному рынку, к цифровым технологиям как таковым, ценовому и неценовому манипулированию поведением продавцов и потребителей на товарных рынках³.

В рамках настоящего исследования сконцентрируемся на первых двух вопросах, обозначенных выше: контроля за деятельностью доминирующих компаний на цифровых товарных рынках, а также контроля за слияниями с участием компаний — операторов таких цифровых платформ.

Основная часть

Для регулирования деятельности таких хозяйствующих субъектов краеугольным является вопрос определения наличия доминирующего положения у соответствующих субъектов. История возникновения института доминирующего положения началась в 1991 г., когда данное понятие было дано в Законе «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Однако с того времени и до недавних изменений в законодательстве критерии определения доминирующего положения оставались ориентированными на традиционные товарные рынки.

Положение изменилось с принятием и вступлением в силу пятого антимонопольного пакета. Несколько лет антимонопольный орган при поддержке профессионального сообщества и в рамках тесной работы с другими регуляторами разрабатывал и отстаивал необходимость принятия изменений в антимонопольное законодательство, которые должны были изменить подход законодателя к регулированию рыночных отношений с участием операторов цифровых платформ именно на уровне законодательства, а не правоприменительной практики.

Итогом этой работы стало в том числе вступление 01.09.2023 в силу Федерального закона от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”»⁴. К позитивным чертам указанного акта можно отнести закрепление на законодательном уровне понятийного аппарата, а также специфических правил определения доминирующего положения операторов транзакционных цифровых платформ.

Так, в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (п. 4.1 ст. 4) было введено понятие цифровой платформы и сетевого эффекта. Цифровую платформу Закон определяет как программу (совокупность программ) для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, обеспечивающую совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров. Сетевой эффект определен как свойство товарного рынка (товарных рынков), при котором потребительская ценность цифровой платформы изменяется в зависимости от

³ Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Силина Е. В. Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 7—11.

⁴ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5319.

изменения количества продавцов и покупателей, совершающих сделки в отношении определенных товаров посредством цифровой платформы.

Также Закон был дополнен специальной статьей, описывающей критерии определения доминирующего положения оператора цифровой платформы. В соответствии с ч. 1 ст. 10.1 Федерального закона «О защите конкуренции» хозяйствующий субъект — владелец цифровой платформы может быть признан занимающим доминирующее положение при использовании соответствующей платформы при одновременном выполнении следующих условий:

- сетевой эффект дает такому хозяйствующему субъекту возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на товарном рынке, на котором совершение сделок между продавцами и покупателями осуществляется посредством цифровой платформы, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам;
- доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35 % общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке;
- выручка такого хозяйствующего субъекта за последний календарный год превышает 2 млрд рублей.

Отрицательной чертой проекта стало, несомненно, сокращение эффекта от его содержания, по сравнению с первоначально разработанной антимонопольным органом редакции, а также длительная работа над проектом, что привело к некоторому запозданию вступления его в силу в соотношении с требованиями экономического развития страны. Также стоит отметить, что пятый антимонопольный пакет оставил вне поля специального регулирования деятельность операторов цифровых платформ, которые не предполагают совершение сделок или операций с использованием инфраструктуры администрируемых ими платформ. Следовательно, на таких хозяйствующих субъектов *de lege lata* распространяется общий режим осуществления предпринимательской деятельности доминирующих хозяйствующих субъектов — участников традиционных товарных рынков с распространением действия статей 5 и 10 Федерального закона «О защите конкуренции».

Также изменения не коснулись базовой дефиниции — товарного рынка присутствия таких операторов. Он, как и для традиционных товарных рынков, определяется как сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географических), исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности, приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами⁵.

Отметим и то, что законодатель не решился в полной мере отказаться от количественных критериев доминирования, сохранение которых, по мнению отдельных авторов, является спорным, поскольку ограничивает возможности

⁵ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

применения мер реагирования к участникам рынка, которые по формальным критериям не будут соответствовать требованиям признания их доминантами, однако фактически будут оказывать решающее воздействие на поведение своих клиентов, в том числе негативно влияя на конкуренцию на затрагиваемых товарных рынках⁶.

Нам же представляется, что сохранение таких критериев доминирования, скорее, носит позитивный эффект, поскольку сохраняет как для антимонопольного органа, так и для хозяйствующих субъектов формализованную опору для доказывания как наличия, так и отсутствия доминирующего положения отдельно взятого субъекта на товарном рынке. Целесообразность дальнейшего сохранения таких критериев покажет время. Мы не исключали бы, что российский законодатель может и вовсе отказаться от этого, сохранив только сущностный критерий для определения доминирующего положения, но, как представляется, на сегодняшний день готовность к такому решению не созрела ни со стороны рынка, ни со стороны органов власти.

Стоит отметить, что такие недостатки пятого антимонопольного пакета вряд ли окажут серьезный негативный эффект на правоприменительную практику, поскольку и до его принятия российский антимонопольный орган весьма успешно справлялся с соответствующими вызовами.

Одним из первых дел в этой сфере стало расследование в отношении платформы HeadHunter в части настройки функционала платформы по поиску работы и работников, ограничивающей использование сторонних роботов, оптимизирующих процесс такого поиска. Решение антимонопольного органа по оценке такой практики как антиконкурентной было поддержано судебными инстанциями, и, что особенно ценно, суды согласились с доводами относительно специфики оценки рыночного положения такой платформы, которые были антимонопольным органом сформулированы так:

- оператор цифровой платформы фактически присутствует на многостороннем рынке, вступая в отношения как с соискателями, так и с потенциальными работодателями, что требует отхода от стандартного для анализа состояния конкуренции на рынке и определения его как географических, так и продуктовых границ «теста гипотетического монополиста»;
- на цифровых рынках присутствует специфическое явление сетевого эффекта, который сам по себе является барьером на таких рынках. Услуги оператора цифровой платформы прямо пропорциональны в их привлекательности для, например, соискателей, количеству пользователей этой же платформы со стороны потенциальных работодателей и популярности у потенциальных работодателей соответствующей платформы.

Указанное справедливо и наоборот — потенциальный работодатель с большей охотой оплатит доступ к платформе по поиску персонала, если она будет популярной у соискателей, база данных размещенных на ней резюме будет столь велика, что работодатель сможет рассчитывать на относительно быстрое

⁶ Ефимцева Т. В., Баймуканова В. С. К вопросу о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением с использованием сетевых эффектов в рамках пятого антимонопольного пакета // Конкурентное право. 2023. № 4. С. 2—4.

заполнение возникшей у него вакансии. Такая особенность рынка обуславливает необходимость для оператора платформы обеспечивать привлекательность ее использования как для соискателей, так и для потенциальных работодателей⁷.

ФАС России также анализировала акты монополистической деятельности с участием цифровых платформ в рамках дела против платформы бронирования отелей Booking.com. При его рассмотрении доминирующее положение цифровой платформы на рынке услуг агрегаторов информации о средствах размещения было определено через проведение опроса клиентов платформы с использованием «теста гипотетического монополиста». Однако не проводился опрос среди потребителей гостиничных услуг, что было обосновано его нецелесообразностью в указанном деле.

Интерес представляет и сама практика, анализировавшаяся в рамках соответствующего дела, — так называемый паритет цен. Она могла бы быть воспринята как пропотребительская, поскольку потребители, воспользовавшись услугами платформы, гарантированно получали бы самую низкую цену на услуги, которые они желали получить. Иными словами, с гарантированным эффектом потребители кратно снижали свои транзакционные издержки по приобретению услуг для отдыха или командировок в повседневной жизни, понимая, что всегда самую выгодную цену они смогут получить, воспользовавшись Booking.com.

Однако потенциальная выгодность для одной из сторон рынка присутствия агрегатора не означает выгодность для хозяйствующих субъектов, которые непосредственно услуги размещения и оказывают, поскольку они лишались бы свободы ценообразования, проведения самостоятельных маркетинговых акций по привлечению клиентов. Альтернатива — уход с платформы с большим количеством пользователей и продвижение своих услуг через туристических операторов, собственный сайт и стандартные инструменты рекламирования, что кратно повышает транзакционные издержки пользователя платформы⁸.

Именно эти особенности и были предметом детальной проверки антимонопольного органа, в том числе проверки механизмов работы платформы, системы ценообразования, взаимодействия не только с провайдерами услуг размещения, но и с потребителями. Тот факт, что законность решения ФАС России по делу Booking.com была поддержана судами, подтверждает правильность подхода, избранного антимонопольной службой относительно признания практики паритета цен антиконкурентной⁹.

В этом смысле стоит отметить еще одну особенность, которая характерна для цифровых рынков как находящихся в активной стадии развития, — их развитие в условиях конкуренции в весьма жестких условиях по отношению друг к другу и в формирующейся регуляторной среде, которую можно охарактеризовать как отличающуюся особой степенью догоняющего эффекта. В таких условиях особое значение приобретает контроль за экономической концентрацией на цифровых

⁷ Вовкивская Л. В., Савостина Е. В. Аналитический обзор судебных дел, рассмотренных с участием антимонопольного органа // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 1. С. 80—84.

⁸ Решение ФАС России от 29.12.2020 по делу № 11/01/10-41/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.03.2022 № Ф05-1927/2022 по делу № А40-19473/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

товарных рынках, поскольку цепочка взаимосвязанных сделок на еще конкурентном товарном рынке может привести к его переходу в состояние олигополии или фактически монополии, в результате которой крупный хозяйствующий субъект, на первых этапах своей деятельности проводивший привлекательную ценовую политику, может начать ухудшать как условия доступа к услугам через платформу, так и условия предложения через платформу товаров, работ и услуг, поскольку для снижения транзакционных издержек выбрать на рынке можно лишь одну платформу.

Ярко иллюстрирует корректность изложенного выше тезиса аналитический отчет о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов), подготовленный антимонопольным органом. Согласно этому отчету, на совершенно конкурентном рынке еще несколько лет назад сформировалась ситуация коллективного доминирования двух крупных маркетплейсов — Wildberries и Ozon¹⁰. Представляется, что такая оценка антимонопольного органа рыночного положения указанных платформ скажется не только на оценке их рыночного поведения, но и на сделках, которые они будут планировать как по слиянию со своими конкурентами, так и на смежных товарных рынках.

Пример блокирования сделок на цифровых товарных рынках в России также есть. Яркий пример — запрет антимонопольного органа на совершение слияния сервисов Avito и «Циан». Он, очевидно, был основан на перспективном анализе изменений на затрагиваемых товарных рынках и связан как с перспективным появлением на них доминирующего участника, так и с потенциальным снижением качества оказываемых услуг при сохранении остальных, в том числе и ценовых, условий доступа к ним на том же уровне.

Приведенное решение антимонопольного органа, как представляется, имеет большую прогностическую ценность, которая, наряду с необходимой актуализацией нормативного регулирования, согласно требованиям времени играет большую роль в эффективности антимонопольного регулирования в стране¹¹. В первую очередь опасность такого слияния, конечно же, скрывается в консолидации баз персональных данных пользователей крупных платформ и в использовании этих данных для усиления своего рыночного положения, развития новых сервисов и предложений. Тенденция усиления связи между антимонопольным законодательством и законодательством о персональных данных, как представляется, также является одной из черт правового регулирования цифровой экономики.

На такую связь между законодательством о защите данных и защитой конкуренции как очевидную при преследовании ими общей цели, направленной на обеспечение защиты автономии пользователя, под которой понимается возможность пользователя (потребителя) свободно решать, стоит ли ему и каким именно

¹⁰ Аналитический отчет о состоянии конкуренции на рынке услуг владельцев агрегатора информации о товарах (услугах) (маркетплейсов) // URL: <https://fas.gov.ru/documents/689570> (дата обращения: 11.05.2023).

¹¹ Самолысов П. В. Цифровая трансформация антимонопольного регулирования // Юрист. 2022. № 1. С. 62—66.

образом участвовать в рынке (в данном контексте — технологическом; уже — в рынке цифровых платформ), обращается внимание и в доктрине¹².

Представляется, что в современных условиях развития антимонопольного регулирования вполне разумно делать ставку на развитие контроля за экономической концентрацией, возможно, по аналогии с финансовыми рынками, ограничивая сделки не только между такими гигантами, как VK, «Яндекс», «Циан», Ozon, Wildberries, и т.д., но и в принципе горизонтальные слияния, даже если речь идет о приобретении крупным участником рынка незначительного стартапа. В противном случае высоки риски олигополизации рынков.

При этом важно обращать внимание и на рынки, которые обеспечивают функционирование производства радиоэлектроники, программного обеспечения и т.д., поскольку возможны сращивание платформ с такими бизнесами, а также консолидация на этих рынках за счет крупных соглашений с указанными выше платформами или за счет государственных и муниципальных контрактов в рамках программ замещения импортной продукции.

Заключение

Таким образом, антимонопольное регулирование цифровых рынков характеризуется отходом от традиционного инструментария воздействия на рынки, а также от анализа их границ и состояния конкуренции на них, тесной связью с регулированием защиты персональных данных и оборота данных в принципе, фокусом на недопущение монополизации современных конкурентных товарных рынков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Егорова М. А., Петров Д. А., Попондопуло В. Ф.* Цифровая (платформенная) экономика в свете антимонопольного регулирования (сетевой эффект, цифровая платформа, запрет монополистической деятельности) // Конкурентное право. — 2024. — № 1. — С. 2—5.
2. *Ефимцева Т. В., Баймуканова В. С.* К вопросу о запрете на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением с использованием сетевых эффектов в рамках пятого антимонопольного пакета // Конкурентное право. — 2023. — № 4. — С. 2—4.
3. *Вовкивская Л. В., Савостина Е. В.* Аналитический обзор судебных дел, рассмотренных с участием антимонопольного органа // Российское конкурентное право и экономика. — 2022. — № 1. — С. 80—84.
4. *Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Силина Е. В.* Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // Конкурентное право. — 2019. — № 3. — С. 7—11.

¹² *Черешнева И. А.* Цифровые платформы: от защиты конкуренции к защите данных // Конкурентное право. 2023. № 2. С. 23—26.

Манипулирование отзывами на маркетплейсах как форма недобросовестной конкуренции: российский и зарубежный опыт

Аннотация. В статье рассматриваются организация публикации поддельных отзывов на маркетплейсах как форма недобросовестной конкуренции, влияние отзывов покупателей на продвижение товаров и продавцов на маркетплейсе, а также возможности манипулирования алгоритмами платформы путем размещения поддельных отзывов в целях получения необоснованных конкурентных преимуществ. Обозначаются существующие сложности квалификации публикации поддельных отзывов, в том числе деятельности по организации таких публикаций, в качестве акта недобросовестной конкуренции. Анализируются подходы, выработанные зарубежной практикой применения правового запрета недобросовестной конкуренции к деятельности по организации публикации фейковых отзывов (на примере платформы Amazon). Выявлены тенденции развития саморегулирования деятельности маркетплейсов в России и за рубежом, обосновывается необходимость дальнейшего развития саморегулирования как эффективного механизма пресечения недобросовестных практик продвижения товаров на маркетплейсах.

Ключевые слова: маркетплейсы, электронная коммерция, отзывы покупателей, недобросовестная конкуренция, саморегулирование

**Бэла Олеговна
ДУДАРОВА,**
доцент кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
bodudarova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.043-052

Bela O. DUDAROVA,

Associate Professor at the Competition Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University,
Cand. Sci. (Law), Associate professor
bodudarova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Manipulation of reviews on marketplaces as a form of unfair competition: Russian and foreign experience

Abstract. The article discusses the organization of the publication of fake reviews on marketplaces as a form of unfair competition. The influence of customer reviews on the promotion of goods and sellers on the marketplace is noted, as well as the possibility of manipulating the platform's algorithms by posting fake reviews in order to gain unfair competitive advantages. The existing difficulties in qualifying the publication of fake reviews, including the organization of such publications, as an act of unfair competition are outlined.

© Дударова Б. О., 2025

The approaches developed by the foreign practice of applying the legal prohibition of unfair competition to the activities of organizing the publication of fake reviews (using the example of the Amazon platform) are analyzed. The trends in the development of self-regulation of the activities of marketplaces in Russia and abroad are identified, and the need for further development of self-regulation as an effective mechanism for suppressing unfair practices in the promotion of goods on marketplaces is substantiated.

Keywords: marketplace, e-commerce, customer reviews, unfair competition, self-regulation

Россия находится в общем мировом тренде стремительного роста доли цифровой коммерции в торговых отношениях. Показательно, что, по данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ) в 2024 г., годовой объем рынка интернет-торговли в России приблизился к 9 млрд рублей и по доле в общем объеме розничной торговли сравнялся с аналогичным показателем в США — 16,2 %¹. Для сравнения отметим: еще в 2021 г. Минэкономразвития РФ констатировало, что «цифровые рынки в России находятся на ранней стадии развития и еще не достигли достаточной зрелости», ссылаясь на 6 %-ную долю электронной коммерции в общем розничном торговом обороте по данным 2019 г. в сравнении с аналогичными показателями США и Китая (15 % и 28 %, соответственно)².

По мнению аналитиков, не последнюю роль в таком стремительном росте сыграл уход в 2022 г. с российского рынка крупных иностранных офлайн-ритейлеров (IKEA, группы Inditex, H&M, Decathlon и др.) с последующим переключением российских покупателей на электронные покупки товарных запасов уходящих продавцов, а затем и на приобретение товаров, ввозимых по параллельному импорту³.

В последние годы главным драйвером роста электронной торговли, «ядром e-commerce»⁴, становятся маркетплейсы. Причины очевидны — снижение издержек входа на рынок для продавцов, особенно актуальное для субъектов малого бизнеса, за счет использования инфраструктуры платформы (логистика, расчеты, продвижение), с одной стороны, и покупательский запрос на использование режима «одного окна» для поиска, сравнения цен и других характеристик товаров, оформления доставки и оплаты покупок — с другой. Кроме того, покупки на маркетплейсах стали по-настоящему мобильными, все известные игроки, помимо

¹ Рынок интернет-торговли в РФ: аналитические данные // URL: <https://akit.ru/analytics/analyst-data> (дата обращения: 18.06.2025).

² Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/?ysclid=lazqtvwt9z784536434 (дата обращения: 26.05.2025).

³ E-commerce в России растет в том числе благодаря санкциям // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2022/09/22/941958-e-commerce-rastet-blagodarya-sanktsiyam> (дата обращения: 31.05.2025).

⁴ Матненко Н. Н., Сальникова Т. С., Мезяков Ю. А. Развитие рынка электронной коммерции в условиях цифровизации экономики // Экономические системы. 2024. Т. 17. № 4. С. 39—50.

вэб-сайтов, предлагают пользователям приложения для покупок, диверсифицируя каналы продаж.

В настоящее время в России отсутствует комплексное регулирования организации продажи товаров посредством маркетплейсов⁵. Отношения, возникающие между продавцами, покупателями и владельцем платформы, регулируются нормами ГК РФ, в том числе положениями о дистанционном способе продажи товаров⁶, Закона РФ о защите прав потребителей⁷, а также Правилами продажи товаров по договору розничной купли-продажи⁸, утвержденными постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463.

В контексте антимонопольного регулирования деятельность маркетплейсов, как и других цифровых платформ, и их влияние на состояние конкуренции находятся в фокусе внимания регулятора, а также научно-практических исследований в связи с осмыслением значения сетевых эффектов для определения условий обращения товаров на товарном рынке и возникающего дисбаланса рыночной власти владельцев маркетплейсов и иных продавцов. Вместе с тем концентрация на рынке оказания услуг маркетплейсов неизбежно приводит к росту конкуренции между продавцами на каждой из платформ.

На протяжении последних лет количество продавцов (селлеров) на российских маркетплейсах неизменно растет⁹. Растет доля продавцов, одновременно использующих возможности реализации товаров на разных платформах. Присутствие на маркетплейсе большого количества продавцов, предлагающих взаимозаменяемые товары, требует использования различных методов продвижения товаров. В этих условиях особое значение приобретает соблюдение принципов добросовестной конкуренции между продавцами. Показательно, что Минэкономразвития РФ называет практики недобросовестной конкуренции основным риском развития

⁵ Отметим, что в ноябре 2024 г. по инициативе Минэкономразвития РФ на рассмотрение в Государственной Думы внесен проект федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации», направленный на регулирование отношений, возникающих между «операторами посреднических цифровых платформ и их партнерами и пользователями в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг» (URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=152517> (дата обращения: 18.06.2025)).

⁶ Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁷ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300,1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁸ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 593.

⁹ Маркетплейсы в России // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 26.05.2025).

цифровых экосистем/платформ для бизнеса, при этом оговариваясь, что такие практики только предстоит уточнить и оценить по мере развития экосистем¹⁰.

Инфраструктура маркетплейсов предусматривает возможность использования различных способов продвижения товаров, помимо внутренней рекламы, в том числе оптимизацию и наполнение карточки товара (описание, визуализация, адаптация под алгоритмы поисковых систем платформы), иные платные сервисы платформы, например приоритезацию в поисковой выдаче, участие в акциях, распродажах, и др.

Важным фактором продвижения товаров является формирование репутации селлера посредством аккумуляции положительных отзывов покупателей, довольных качеством товара и сервисом продавца. Поскольку очевидно, что при электронных покупках возможности покупателя примерить, протестировать, потрогать товар ограничены, отзывы покупателей, уже приобретавших приглянувшийся товар, имеют существенное влияние на потребительский выбор. Согласно опросам, в 9 из 10 случаев онлайн-покупок решение принимается с использованием отзывов, а для каждой пятой покупки отзывы имеют решающее значение¹¹. На большинстве маркетплейсов положительные и отрицательные отзывы и оценки покупателей используются в алгоритмах приоритезации показов информации о товарах пользователям. Высокая оценка продавца может быть условием использования всех возможностей продвижения на платформе¹².

Таким образом, покупатели, оставляющие отзывы о своих покупках на маркетплейсах, не просто делятся своим опытом для информирования других пользователей, но и активно влияют на продажи. В связи с этим манипуляции с отзывами становятся эффективной стратегией продвижения, которая может предусматривать как публикацию поддельных (фейковых) положительных отзывов о товаре продавца (в том числе с привлечением третьих лиц за вознаграждение), так и негативных отзывов о товарах конкурентов.

Поддельные отзывы в данном случае можно определить как отзывы и оценки, которые не основаны на реальном потребительском опыте и (или) размещение которых обусловлено получением вознаграждения, а также отзывы и оценки, которые намеренно вводят в заблуждение с целью оказания влияния на выбор потребителя. При этом на практике недобросовестные продавцы для организации накрутки положительных отзывов о реализуемых на платформе товарах или организации кампании по дискредитации конкурента пользуются услугами так называемых брокеров отзывов, которые используют специально созданные сайты, страницы в социальных сетях или группы в мессенджерах с целью привлечения

¹⁰ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/?ysclid=lazqtvwt9z784536434 (дата обращения: 26.05.2025).

¹¹ Маркетинговое исследование // URL: https://datainsight.ru/di_alieexpress_guidedbuying (дата обращения: 26.05.2025).

¹² Например, продавец с оценкой товаров ниже 4,5 баллов не может получить статус (бейдж) premium-продавца на маркетплейсе Ozon. См.: База знаний Ozon. Premium-подписка для продавцов // URL: <https://seller-edu.ozon.ru/seller-rating/about-rating/premium-program/#что-такое-premium-подписка> (дата обращения: 26.05.2025).

физических лиц для размещения поддельных отзывов за определенную плату или за возмещение стоимости приобретенных на платформе товаров.

Указанные выше нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере интернет-торговли в России, не содержат прямого запрета на размещение не основанных на реальном опыте отзывов за вознаграждение, а также оказание услуг по организации публикации отзывов третьими лицами. Однако с учетом того, что такие действия направлены на получение необоснованных конкурентных преимуществ продавцами путем введения в заблуждение потребителей, а также манипулирование алгоритмами продвижения, возникает вопрос о возможности применения к указанным действиям правового запрета недобросовестной конкуренции.

В литературе ранее высказывалось мнение о возможности «привлечения заказчика такого рода отзывов и рекомендаций за недобросовестную конкуренцию»¹³. Рассматривая дела по искам продавцов к маркетплейсам о неправомерном удержании договорных штрафов, начисленных в связи с нарушением правил платформы о запрете манипулирования рейтингами путем размещения поддельных отзывов, арбитражные суды отказывают в удовлетворении требований, в том числе ссылаясь на наличие признаков недобросовестной конкуренции в действиях продавцов¹⁴.

Однако представляется, что на практике возможность квалификации указанных выше действий в качестве актов недобросовестной конкуренции сопряжена с определенными сложностями.

В большинстве случаев недостоверные отзывы публикуются на платформе с личных аккаунтов привлеченными физическими лицами, которые, очевидно, не преследуют цели получения преимуществ в предпринимательской деятельности, в то время как доказывание причастности продавцов к организации таких публикаций весьма затруднительно и требует проведения нетривиальных исследований по каждому факту публикации. В то же время не составляет большого труда выявление ресурсов (сайтов, страниц и групп в социальных сетях), предлагающих услуги по организации поддельных отзывов за вознаграждение и установление их владельцев (администраторов). Однако квалификация действия в качестве акта недобросовестной конкуренции требует установления наличия конкурентных отношений между субъектом действия и лицом (лицами), которым соответствующими действиями был или мог быть причинен ущерб — убытки или вред деловой репутации.

В этой связи представляется заслуживающим внимание подход, примененный гражданским судом Милана при рассмотрении дела по иску Amazon EU s.r.l. и Amazon Service Europe S.à.r.l (далее — Amazon) к владельцу сайта (далее — ИП),

¹³ Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М. : Статут, 2016. С. 807.

¹⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2024 № 10АП-5736/24 по делу № А41-108651/2023 ; постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10.04.2025 № 10АП-2524/25 по делу № А41-49011/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

на котором предлагались услуги по организации поддельных покупательских отзывов для продвижения страницы продавца на платформе Amazon¹⁵.

Как следует из судебного акта, ИП посредством сайта предлагал услуги по приобретению различных конфигураций пакетов отзывов и обзоров покупателей товаров, реализуемых на Amazon. При этом предлагаемые услуги предполагали, что отзывы будут опубликованы покупателями только после реального приобретения товаров, что формально соответствует стандартам платформы, касающимся публикации отзывов. Одновременно ИП гарантировал покупателям, зарегистрированным на сайте, полный возврат стоимости приобретенного товара в случае приобретения товаров из списков, заранее сформированных продавцами.

Таким образом, ИП выступал посредником между продавцами, которые получали дополнительные положительные отзывы о своих товарах от «реальных» покупателей, и покупателями, которые получали бесплатно интересующие их товары. На сайте, посредством которого реализовывались указанные услуги, утверждалось, что предлагаемая практика не противоречит законодательству и эффективна для повышения продаж, особенно для новых продавцов или для начала продаж новых товаров на платформе.

Последовало обращение Amazon в суд с требованиями о запрете деятельности ИП по предоставлению услуг организации отзывов на платформе, удалении сайта и иных ресурсов, связанных с организацией продажи поддельных отзывов, возмещении убытков, публикации соответствующих предостерегающих сообщений на сайтах ассоциаций, объединяющих организации по защите прав потребителей, и в популярных ежедневных газетах, а также с требованием раскрытия информации обо всех лицах, которые уже приобрели услуги публикации отзывов. В обоснование своей позиции истец ссылаясь на ущерб, вызванный искажением организованной и развиваемой на платформе с 1995 г. системы учета отзывов покупателей о товарах и продавцах, которая направлена на поддержание честной и добросовестной конкуренции между продавцами на платформе, а также на информирование покупателей о потребительских свойствах товаров. Истец указал, что практика организации поддельных отзывов наносит ущерб его деловой репутации, формируя у пользователей представление о платформе как о ненадежном ресурсе в отношении подлинности отзывов.

По результатам рассмотрения дела суд установил, что действия ИП по оказанию услуг организации отзывов на платформе Amazon нарушают запрет недобросовестной конкуренции, предусмотренный п. 3 ст. 2598 Гражданского кодекса Италии. Указанная норма содержит общий запрет недобросовестной конкуренции, которая определена как прямое или косвенное использование любых средств, не соответствующих принципам профессиональной добросовестности и способных причинить вред чужому предприятию¹⁶.

Следует отметить, что в Италии отсутствует специальное законодательство о запрете недобросовестной конкуренции. Правовая регламентация недобросовестной конкуренции осуществляется нормами Гражданского кодекса Италии, а

¹⁵ Tribunale civile di Milano, sez. imp., ord. Del 21 marzo 2024 // DeJure: banche dati editoriali GFL.

¹⁶ URL: <https://www.codice-civile-online.it/> (дата обращения: 26.05.2025).

ответственность за недобросовестное конкурентное поведение является разновидностью деликтной ответственности¹⁷. В связи с этим в рассматриваемом деле в соответствии с устоявшейся практикой суд, помимо нормы ст. 2598, применяет также ст. 2043 Гражданского кодекса Италии, согласно которой любой злонамеренный или виновный факт, который причиняет другим несправедливый вред, обязывает совершившее его лицо возместить ущерб.

Вызывает особый интерес обоснование судом возможности применения запрета недобросовестной конкуренции к рассматриваемым отношениям. Отмечая, что само существо недобросовестной конкуренции предполагает наличие конкурентных отношений между причинителем вреда и лицом, которому вред был причинен, суд счел, что ИП и Amazon являются конкурентами на рынке оказания услуг по предоставлению онлайн-отзывов. По мнению суда, практика ИП оказывает деструктивное воздействие на два вида взаимосвязанных рынков: во-первых, на рынки конкретных товаров, реализуемых на платформе Amazon, создавая необоснованные преимущества недобросовестным продавцам и дискредитируя реальные отзывы о взаимозаменяемых товарах добросовестных продавцов; во-вторых, на самостоятельном рынке услуг по предоставлению онлайн-отзывов, на котором ИП в данном случае конкурирует с сервисом, предлагаемым платформой Amazon в качестве дополнительного к основным услугам платформы.

Манипулирование отзывами покупателей, особенно основанное на принципах формирования отзывов, которые разработаны и используются самой платформой (в том числе требование фактического приобретения товара покупателем как условие размещения отзыва), по мнению суда, наносит вред деловой репутации Amazon, искажая достоверность и надежность отзывов, размещаемых на платформе, создавая ограничения честной конкуренции между продавцами и в конечном счете снижая доверие к Amazon как среди покупателей, так и среди продавцов.

Надо отметить, что указанный иск Amazon к итальянскому ИП является одним из множества исков, инициированных Amazon в разных юрисдикциях в рамках масштабной кампании борьбы с брокерами фейковых отзывов¹⁸. Такая активность цифрового гиганта подтверждает заинтересованность самих владельцев платформ в формировании честных и прозрачных правил конкуренции между селлерами.

В этой связи показательно неформальное объединение операторов глобальных платформ, таких как Amazon, Booking.com, Tripadvisor, Expedia group, Glassdoor, Trustpilot, сервис которых основан на системе отзывов потребителей (в отношении товаров, отелей, работодателей, контрагентов и т.д.) в Международную коалицию за достоверные отзывы (*Coalition for trusted reviews*)¹⁹. Члены объединения договариваются об обмене лучшими практиками борьбы с недостоверными

¹⁷ Еременко В. И. Пресечение недобросовестной конкуренции по итальянскому праву // Законодательство и экономика. 1997. № 17—18. С. 5.

¹⁸ How Amazon takes action to stop fake reviews // URL: <https://www.aboutamazon.com/news/policy-news-views/amazons-latest-actions-against-fake-review-brokers-2023> (дата обращения: 26.05.2025).

¹⁹ URL: <https://www.coalitionfortrustedreviews.com/> (дата обращения: 26.05.2025).

отзывами, сведениями о выявленных ресурсах, предоставляющих услуги по организации отзывов, о выработке стандартов оценки отзывов и правил их модерации. Одной из задач Коалиции является взаимодействие с национальными регуляторами и экспертным сообществом с целью адвокатирувания важности формирования честной конкурентной среды на платформах, недопущения манипуляций и искажений работы платформенных алгоритмов.

Представляется, что подобные практики саморегулирования, направленные на формирование принципов нетерпимости к недобросовестным действиям продавцов со стороны владельцев цифровых платформ, могут эффективно дополнять или даже заменять их ante регулирование деятельности последних.

В качестве примера такого предупреждающего регулирования можно привести положения принятого в 2024 г. в Великобритании Закона о конкуренции, цифровых рынках и потребителях (*Digital Markets, Competition and Consumers Bill, 2024*)²⁰. В соответствии с Приложением 20 к указанному акту к коммерческим практикам, которые являются безусловно недобросовестными, относятся публикация или организация публикации поддельных отзывов (*fake review*).

При этом важно, что к недобросовестным практикам в этой части равным образом относятся и действия владельца платформы по публикации отзывов без принятия разумных и необходимых мер для недопущения публикации или удаления: поддельных отзывов, оплаченных отзывов, без упоминания о том, что они были оплачены, а также отзывов относительно ложной или вводящей в заблуждение информации. Под поддельными отзывами для целей применения данного Закона следует понимать отзыв потребителя о товаре, который представлен как основанный на реальном опыте использования товара, но таковым не является.

Кроме того, Закон относит к недобросовестной практике публикацию владельцем платформы отзывов или информации о них во вводящей в заблуждение форме, что, в частности, означает публикацию только негативных или только положительных отзывов, сокрытие информации об ангажированности отзыва, единообразный учет положительных и отрицательных отзывов, в том числе в алгоритмах ранжирования выдачи информации о товаре в поисковом сервисе платформы.

Такая подробная регламентация размещения отзывов на платформе существенно отличается от общего требования к поставщикам цифровых услуг соблюдать запрет недобросовестной конкуренции и обеспечивать прозрачность рекомендательной системы платформы, предусмотренного в *Digital Services Act* Европейского Союза²¹. Вместе с тем, согласно положениям Директивы (ЕС) 2019/2161 о защите прав потребителей ЕС²², в отношении продавцов установлен

²⁰ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/13/> (дата обращения: 26.05.2025).

²¹ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a32022r2065> (дата обращения: 18.06.2025).

²² Directive (EU) 2019/2161 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 amending Council Directive 93/13/EEC and Directives 98/6/EC, 2005/29/EC and 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council as regards the better enforcement and

запрет размещать отзывы потребителей в отсутствие указания на то, какие меры и процедуры были предприняты для подтверждения подлинности указанных отзывов, а опубликование отзывов без принятия соответствующих мер подтверждения может рассматриваться как недобросовестная практика введения потребителей в заблуждение.

В России в настоящее время также наблюдается тенденция к развитию саморегулирования сферы организации электронной торговли. При этом обращает на себя внимание роль государства в инициации и стимулировании саморегулирования отрасли. Начало было положено в 2021 г., когда на площадке Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий совместно с участниками рынка были утверждены Принципы добросовестного поведения на цифровых рынках²³.

В 2022 г. по инициативе Минпромторга России основными участниками рынка (OZON, Wildberries, Lamoda, «Яндекс Маркет»), а также представителями отраслевых ассоциаций были подписаны Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с продавцами (далее — Стандарты)²⁴. Согласно п. 2.4 Стандартов маркетплейсы и продавцы товаров прилагают все усилия к обеспечению добросовестной конкуренции и не вмешиваются в коммерческую деятельность своих контрагентов и конкурентов. В то же время продавцы товаров обязуются не использовать механики искусственного завышения рейтинга товаров, а маркетплейсы вправе применять к таким практикам механизм предупреждения и санкции (п. 3.2.7 Стандартов).

Для мониторинга реализации Стандартов приказом Минпромторга России от 20.07.2022 № 3019 создана Комиссия по созданию условий саморегулирования в электронной торговле²⁵. В 2023 г. Комиссией утверждены Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов²⁶, которые содержат аналогичный запрет искусственного завышения (понижения) рейтинга пунктов выдачи заказов (ПВЗ) и товаров продавцов маркетплейса (п. 3.2.5).

Таким образом, в настоящее время между всеми участниками рынка электронной коммерции наблюдается консенсус относительно оценки манипуляций с отзывами потребителей как недобросовестного метода продвижения товаров.

modernisation of Union consumer protection rules // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex:32019L2161> (дата обращения: 10.05.2025).

²³ Принципы взаимодействия участников цифровых рынков // URL: <https://fas.gov.ru/p/protocols/1666> (дата обращения: 26.05.2025).

²⁴ Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с продавцами товаров // URL: https://minpromtorg.gov.ru/storage/common/standart_30062022.pdf (дата обращения: 26.05.2025).

²⁵ Приказ Минпромторга России от 20.07.2022 № 3019 (ред. от 19.04.2024) «О Комиссии по созданию условий саморегулирования в электронной торговле» (вместе с Положением о Комиссии по созданию условий саморегулирования в электронной торговле) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Стандарты по взаимодействию маркетплейсов с владельцами пунктов выдачи заказов (утв. Комиссией по созданию условий саморегулирования в электронной торговле в Российской Федерации, протокол от 03.10.2023 № 15-381; подписаны 10.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем с учетом того, что публикация фейковых отзывов не только оказывает негативное влияние на конкуренцию между пользователями платформы, но и создает риски для всей экосистемы электронной коммерции, в том числе подрывая доверие как к конкретной платформе, так и к интернет-торговле в целом, представляется, что саморегулирование в этой части не должно ограничиваться декларацией обязательств пользователей (продавцов и владельцев ПВЗ) воздерживаться от подобных практик.

Технологические и финансовые возможности владельцев цифровых платформ позволяют обеспечить более эффективное противодействие недобросовестным практикам, в том числе взятие на себя обязательств по разработке и внедрению стандартов контроля и модерации отзывов, внедрению прозрачных алгоритмов оценки обратной связи потребителей и пресечения деятельности так называемых брокеров отзывов, в том числе путем инициации исков и заявлений в антимонопольный орган.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Еременко В. И.* Пресечение недобросовестной конкуренции по итальянскому праву // Законодательство и экономика. — 1997. — № 17—18.
2. *Матненко Н. Н., Сальникова Т. С., Мезяков Ю. А.* Развитие рынка электронной коммерции в условиях цифровизации экономики // Экономические системы. — 2024. — Т. 17. — № 4. — С. 39—50.
3. *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд. — М. : Статут, 2016.

Антимонопольное регулирование цифровых рынков в Республике Узбекистан в контексте российского опыта и мировых тенденций

Аннотация. В статье анализируются нововведения в антимонопольном регулировании цифровых рынков в Узбекистане, введенные Законом «О конкуренции» 2023 г. и подзаконными актами, вступившими в силу в августе 2024 г. Узбекистан одним из первых в СНГ ввел специальные нормы для цифровых платформ, установив особые критерии доминирования для их операторов, а также исчерпывающий перечень запретов для них. Сравнение с международной практикой показывает, что подход Узбекистана формально основан на антимонопольном регулировании, но, по сути, близок к модели *ex ante*, реализованной в Европейском Союзе (*Digital Markets Act*). В то же время избранная в России модель (сочетание классического антимонопольного регулирования цифровых платформ (с определенными особенностями) и точечного регулирования отдельных цифровых рынков) представляется более эффективной в контексте быстрого развития цифровой экономики.

Ключевые слова: Узбекистан, антимонопольное законодательство, цифровые платформы, доминирующее положение, злоупотребление доминирующим положением

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.053-063

**Евгений Сергеевич
ХОХЛОВ,**

доцент кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доцент кафедры
антимонопольного
регулирования
Международно-правового
факультета
МГИМО МИД России,
партнер юридической
фирмы Antitrust Advisory,
кандидат юридических наук
[evgeny.khokhlov@
at-advisory.com](mailto:evgeny.khokhlov@at-advisory.com)
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Evgeniy S. KHOKHLOV,

Associate Professor at the Competition Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University,
Associate Professor of the Antimonopoly Regulation Department
of the Faculty of International Law of MGIMO University,
partner at Antitrust Advisory,
Cand. Sci. (Law)

evgeny.khokhlov@at-advisory.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Antimonopoly Regulation of Digital Markets in the Republic of Uzbekistan In the Context of Russian Experience and Global Trends

Abstract. *The article analyses recent developments in the regulation of digital markets in the Republic of Uzbekistan, introduced by the Law on Competition dated 2023 and subordinate regulations that came into force in August 2024. Uzbekistan is among the first CIS countries to adopt specific rules for digital platforms, establishing quantitative criteria for dominance and an exhaustive list of prohibitions for their operators. A comparative analysis shows that while Uzbekistan's model formally follows the principles of traditional antitrust regulation, it is substantively close to the ex ante approach embodied in the European Union's Digital Markets Act. In contrast, the Russian model (combining classic antitrust tools with targeted regulation of specific digital markets) appears more flexible and effective in the context of a rapidly evolving digital economy.*

Keywords: *Uzbekistan, antimonopoly legislation, digital platforms, dominant position, abuse of dominance*

Цифровые рынки характеризуются рядом особенностей, которые определяют необходимость их особого антимонопольного регулирования. Об особенностях и российском подходе к антимонопольному регулированию цифровых рынков написано достаточно много¹, и этому вопросу в данной

¹ См., например: Хохлов Е. С. Злоупотребление доминирующим положением : учебное пособие. М. : Статут, 2024. С. 157—177 ; Егорова М. А. О некоторых аспектах установления доминирующего положения на цифровых рынках в российском антимонопольном законодательстве // Юрист. 2024. № 8. С. 2—4 ; Карапетян А. А. Правовое регулирование деятельности цифровых платформ и антимонопольный контроль: практика применения // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 2. С. 38—45 ; Маслов А. О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023 ; Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции : монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. 2-е изд. М., 2019.

статье не будет уделяться внимание. Цель статьи — рассказать о том пути, который был выбран в Узбекистане, поскольку он отличается от российского, а соответствующие нормативные акты были приняты недавно, т.е. законодательство Узбекистана в этой сфере является самым новым из всех постсоветских стран.

Обзор действующего антимонопольного законодательства Узбекистана

Антимонопольное законодательство Узбекистана было существенно модернизировано в последние два года. С сентября 2023 г. действует новый Закон Республики Узбекистан от 02.03.2023 «О конкуренции». Он заменил ранее действовавшие Закон от 06.01.2012 № ЗРУ-319 «О конкуренции» и Закон от 24.04.1997 № 398-І «О естественных монополиях». Новый Закон был разработан в целях обеспечения свободного перемещения товаров на территории страны, защиты конкурентной среды, создания условий для эффективной работы товарных, финансовых и цифровых рынков².

В целом по структуре и содержанию действующий Закон о конкуренции напоминает антимонопольное законодательство стран постсоветского пространства. В нем закреплены все основные институты антимонопольного регулирования: злоупотребление доминирующим положением, антиконкурентные соглашения и согласованные действия, незаконная координация экономической деятельности, недобросовестная конкуренция, экономическая концентрация, антимонопольный комплаенс, действия и соглашения органов власти. Также Закон о конкуренции регулирует отношения субъектов естественной монополии и закрепляет процессуальные аспекты деятельности антимонопольного органа и размеры штрафов за нарушение антимонопольных запретов.

Отдельное внимание уделено вопросам антимонопольного регулирования цифровых платформ, что стало одной из наиболее актуальных проблем в последнее время для всех стран мира. Так, Закон о конкуренции закрепляет определение цифровой платформы, под которой понимается информационная система, обеспечивающая платное или бесплатное использование цифровых продуктов через Интернет (ст. 4 Закона). Иными словами, Закон о конкуренции определяет цифровую платформу широко, не ограничиваясь только транзакционными цифровыми платформами, как это сделано, например, в российском Законе о защите конкуренции.

Помимо определения цифровой платформы, в Законе о конкуренции также закрепляется, что хозяйствующему субъекту, признанному занимающим доминирующее положение, запрещается ограничивать конкуренцию и ущемлять интересы потребителей. Общий запрет сформулирован в ст. 18 Закона о конкуренции, которой установлены составы злоупотребления доминирующим положением для всех видов хозяйствующих субъектов, без привязки именно к цифровым платформам. Интересно, что, несмотря на отсылку к общему понятию злоупотребления доминирующим положением, нарушения со стороны цифровых платформ (их операторов) в виде исчерпывающего перечня закреплены в подзаконном нормативном акте, о котором будет сказано далее.

² Ожидаемые изменения и новшества в Законе «О конкуренции» // URL: <https://raqobat.gov.uz/ru/ojidaemye-izmeneniya-i-novshestva-v-zakone-o-konkurenczii/> (дата обращения: 02.06.2025).

Отличительной особенностью антимонопольного законодательства Узбекистана, особенно в части злоупотребления доминирующим положением, является признание нарушением не только ограничения конкуренции, но и ущемления интересов потребителей, без конкретизации, что речь идет об интересах неопределенного круга потребителей, в который могут входить хозяйствующие субъекты. Иными словами, ущемление интересов единичного потребителя вполне может быть признано антимонопольным нарушением.

Помимо доминирующего положения, в отношении оператора цифровой платформы может быть установлено наличие превосходной переговорной силы. Об этом институте, в том числе и в части его закрепления в законодательстве Узбекистана, ранее уже подробно писалось³.

Применение норм Закона о конкуренции осуществляет антимонопольный орган — Комитет по развитию конкуренции и защите прав потребителей (далее — Комитет), который был создан в 2019 г. Поскольку антимонопольное законодательство, лежавшее в основе деятельности Комитета, не совсем отвечало современным реалиям, а с резким скачком в развитии цифровой среды и вовсе стало отчасти неприменимым, потребовалась его модернизация, выразившаяся в принятии Закона о конкуренции и подзаконных актов.

Порядок выявления доминирующего положения оператора цифровой платформы и запреты/ограничения для него

Закон о конкуренции достаточно скупое регулирует отношения, складывающиеся на цифровых рынках: он дает только общее определение цифровой платформы и устанавливает общий запрет на злоупотребление доминирующим положением. В части подробных критериев выявления доминирующего положения он отсылает к подзаконным актам.

В развитие положений Закона о конкуренции было принято постановление Кабинета министров № 256 от 01.05.2024 «Об утверждении нормативных правовых актов по антимонопольному регулированию на товарном и финансовом рынках». Правила, относящиеся к цифровым платформам, закреплены в Положении о порядке признания доминирующего положения и превосходной переговорной силы оператора цифровой платформы и определения действий, приводящих к ограничению конкуренции и (или) нарушению прав и законных интересов потребителей, иных хозяйствующих субъектов, которое является Приложением 2 к вышеуказанному постановлению (далее — Положение). Соответствующие нормы вступили в силу с 01.08.2024.

В Положении закреплён список цифровых платформ, на которые распространяются соответствующие нормы.

Список является исчерпывающим и включает в себя, по сути, все виды существующих в экономике цифровых платформ. Но остается открытым вопрос, будут ли применимы антимонопольные правила к каким-либо новым видам цифровых

³ См.: Хохлов Е. С. Злоупотребление преобладающей переговорной силой // Закон. 2024. № 7. С. 74—79.

платформ, соответствующим общему понятию, закрепленному в Законе о конкуренции.

В отличие от «обычного» доминирующего положения, для выявления обладающего рыночной властью оператора цифровой платформы достаточно провести упрощенный анализ состояния конкуренции — только в отношении соответствующего цифрового пространства. Под ним понимается сфера обращения одного или нескольких товаров или товаров на финансовом рынке, в рамках которой через цифровую платформу осуществляется взаимодействие между несколькими группами пользователей. Иными словами, продуктовые границы рынка приравниваются к границам цифровой платформы соответствующего вида. Что касается географических границ, то Комитету предоставляется право определять рынок как мировой, региональный либо рынок, охватывающий границы всей Республики Узбекистан или ее отдельных областей и города Ташкента.

Для признания доминирующим оператора цифровой платформы должны быть выполнены следующие критерии:

- сумма дохода в рамках границ цифрового пространства за последний календарный год превышает сто тысяч базовых расчетных величин (т.е. 37 500 000 000 сум (денежная единица Узбекистана), что эквивалентно 237 млн руб. или 2,9 млн долларов США); или
- общее среднее количество активных конечных пользователей цифровой платформы составляет не менее 50 000 в месяц или среднее количество активных предпринимателей-пользователей составляет не менее 3 000 в месяц.

Данные критерии являются относительно небольшими и потенциально охватывают большое количество цифровых сервисов, в особенности критерий активных пользователей: 50 000 пользователей в месяц является крайне низким показателем, он может быть выполнен даже относительно небольшим вебсайтом или мобильным приложением, которое заведомо не обладает признаками рыночной власти.

Дополнительным обязательным критерием признания оператора цифровой платформы доминирующим является наличие сетевых эффектов на рынке. Определение сетевого эффекта таково: изменение ценности товара для одной группы пользователей за счет изменения количества пользователей другой группы и, как следствие, возможность для оператора цифровой платформы сохранить или увеличить свою долю в рынке, а также получить экономические преимущества за счет сбора и обработки пользовательских данных. Представляется, что это определение приравнивает сетевой эффект к элементу рыночной власти, хотя сетевые эффекты могут иметь и обратные последствия: препятствование проявлениям рыночной власти. Иными словами, не всякий сетевой эффект создает барьеры доступа/экспансии и, соответственно, может являться критерием рыночной власти. Поэтому было бы более удачным дать определение сетевого эффекта только как зависимости ценности товара от количества потребителей (на том же или смежном рынке), а критерием доминирующего положения оператора цифровой платформы определить наличие таких сетевых эффектов, которые создают барьеры.

Тот факт, что цифровая платформа доступна бесплатно, не исключает наличия доминирующего положения у ее оператора.

Важно, что доминирующее положение оператора цифровой платформы не присутствует у него априори: соответствующее положение подтверждается не-нормативным правовым актом (приказом) Комитета. Иными словами, оператор цифровой платформы до его признания Комитетом в качестве доминирующего таковым не считается и, следовательно, не должен соблюдать соответствующие антимонопольные требования и запреты.

Это, безусловно, повышает предсказуемость правоприменения для хозяйствующих субъектов, особенно с учетом низких количественных критериев для признания их доминирующими. С другой стороны, это создает проблемы для применения мер антимонопольного регулирования в целях защиты интересов конкурентов, других хозяйствующих субъектов и потребителей. То есть перед пресечением антиконкурентного поведения антимонопольному органу придется пройти дополнительный обязательный этап, который может быть достаточно продолжительным, а меры реагирования не могут иметь ретроспективного эффекта и будут применяться только в отношении поведения, совершенного после признания соответствующего оператора цифровой платформы доминирующим.

Для операторов цифровых платформ установлено требование направлять уведомления в антимонопольный орган о достижении критериев доминирования (описанных выше) в течение двух месяцев с момента их достижения. Однако эффективных мер обеспечения исполнения данной обязанности не предусмотрено.

На доминирующих операторов цифровых платформ распространяется большой перечень запретов, включая следующие:

- не позволять конечным пользователям легко удалять предустановленные приложения или изменять настройки по умолчанию в операционных системах, виртуальных помощниках или веб-браузерах, которые направляют их к товарам и услугам цифровой платформы, а также не предоставлять экраны выбора ключевых услуг;
- ограничивать конечным пользователям установку сторонних приложений или магазинов приложений, которые используют цифровую платформу или взаимодействуют с ней;
- ограничивать возможность конечных пользователей легко отказаться от подписки на основные услуги цифровой платформы;
- необоснованно снижать качество и уровень конфиденциальности и безопасности данных, рекламный контент, степень простоты перехода к другому поставщику или любую другую меру, определяющую потребительскую ценность цифровой платформы;
- ограничивать возможность третьих лиц взаимодействовать с собственными услугами цифровой платформы.

При этом перечень запретов, установленный в Положении, является исчерпывающим и не включает в себя иные случаи ограничения конкуренции. При всей кажущейся полноте списка потенциальных нарушений в деятельности цифровых платформ могут иметь место иные разновидности антиконкурентных действий, но у антимонопольного органа не будет возможности их пресечь, если только соответствующие запреты не будут отражены в нормативных актах.

Помимо соблюдения запретов, доминирующий оператор цифровой платформы должен обеспечивать публичность своей деятельности, а именно публиковать в средствах массовой информации и на своих официальных сайтах в сети Интернет сведения об изменении цен и иных условий использования цифровой платформы. Также от него требуется разработать, согласовать с антимонопольным органом и принять политику антимонопольного комплаенса.

Иные варианты нормативного пресечения антиконкурентных практик цифровых платформ в мире

В мировой практике, помимо антимонопольного регулирования, существует два основных варианта нормативного обеспечения конкуренции на цифровых рынках:

- 1) принятие специального акта, регулирующего практики цифровых платформ. Такой акт был впервые принят в Европейском союзе и получил название Digital Markets Act (далее — DMA);
- 2) принятие отдельных законов и имплементирующих их нормативных актов, решающих точечные проблемы в деятельности цифровых платформ.

Каждый из вариантов имеет свою специфику и особенности реализации.

Регулирование цифровых платформ через принятие специального акта

Digital Markets Act был окончательно принят в ЕС в июле 2022 г. и вступил в силу в мае 2023 г.⁴ DMA регулирует деятельность крупных цифровых платформ и распространяется на интернет-площадки, на которых взаимодействуют как минимум две категории пользователей: 1) бизнес-пользователи, которые используют платформу для продвижения своих товаров/услуг; 2) конечные пользователи, потребляющие товары/услуги.

При этом под действие DMA попадают не любые цифровые платформы, а только те, которые отвечают установленным в DMA требованиям к масштабу деятельности и которым присвоен статус «привратник» (*gatekeeper*).

Основной способ регулирования DMA состоит в возложении на привратников обязательств, которые условно разделены на три категории: 1) императивные обязательства, которые привратник обязан исполнять в отношении каждой из

⁴ Подробно о DMA на русском языке см.: *Маслов А. О.* Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 1. С. 34—42; *Жуковская А. А., Хохлов Е. С.* Digital Markets Act в ЕС — новая страница антимонопольного регулирования в цифровую эпоху // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2023; *Арутюнян А. А., Бербенева А. Д.* Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право (Digital Law Journal). 2022. Т. 3. № 3.

своих платформ; 2) опциональные обязательства, порядок исполнения которых может подлежать согласованию привратником с Европейской комиссией; 3) особые обязательства в отношении мессенджеров.

За нарушение возложенных обязательств планируется накладывать оборотные штрафы, которые накладываются в рамках антимонопольных разбирательств, но, в отличие от длительных процедур антимонопольных расследований, делать это следует в более оперативном режиме.

DMA имеет свои преимущества, среди которых: прямое регулирование конкретных практик цифровых платформ, требование о «приземлении» цифровой платформы в конкретном регионе (фактическое присутствие компании в стране оказания услуг и локализация сервисов), короткие сроки расследований и наложения штрафов.

Вместе с тем DMA направлен на регулирование деятельности широкого спектра сервисов, а его принятие и имплементация требуют значительного времени. Например, в ЕС первый проект DMA был опубликован в декабре 2020 г., в июле 2022 г. DMA был окончательно принят и лишь в мае 2023 г. вступил в силу. Таким образом, с момента разработки акта и до момента его вступления в силу прошло как минимум два с половиной года. Кроме того, неисполнение требований DMA расследуется в рамках административной процедуры, сходной с антимонопольным разбирательством, а ее результаты также оспариваются в судебном порядке, что тоже требует длительного времени.

Аналогичный DMA акт был принят в мае 2024 г. в Великобритании — Digital Markets, Competition and Consumers Bill (DMCC). По логике регулирования он сходен с DMA, но отличается в нюансах установления круга обязанных его соблюдать субъектов, а также процедурных аспектов. Акты, аналогичные DMA, в настоящее время разрабатываются и в других странах, например в Бразилии и Турции.

Точечное регулирование отдельных проблем на цифровых рынках

Альтернативой принятию такого всеобъемлющего акта, как DMA, выступает точечное регулирование отдельных проблем на цифровых рынках путем принятия специальных законов, направленных на пресечение конкретных практик цифровых платформ.

Первопроходцем в этом была Российская Федерация, в которой с 2021 г. существует нормативное регулирование, касающееся предустановки отечественных приложений и сервисов. Данные правила закреплены в Законе о защите прав потребителей и в ряде подзаконных актов⁵.

Требования предустановки распространяются на отдельные категории технически сложных устройств (смартфоны, планшеты, компьютеры, смарт ТВ). Производители данных устройств или их уполномоченные представители обязаны:

⁵ Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 № 1867 ; распоряжение Правительства РФ от 13.08.2022 № 2234-р ; приказ Минцифры России от 01.08.2022 № 573 ; приказ Минцифры России от 13.09.2022 г. № 660 // СПС «КонсультантПлюс».

- 1) предустановить приложения (сервисы) определенных категорий, происходящие из России или других стран — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС);
- 2) предусмотреть возможность использования поисковой системы, происходящей из России или других стран — членов ЕАЭС, в качестве поисковой системы по умолчанию без каких-либо дополнительных настроек;
- 3) предустановить магазин приложений, соответствующий локальным правилам.

Минцифры России ведет перечень отечественных приложений (сервисов), которые должны быть предустановлены на устройствах. Чтобы приложение (сервис) было включено в данный перечень, оно должно отвечать ряду критериев, в том числе критерию популярности сервиса (не менее 500 тыс. пользователей за предыдущий год до включения сервиса в перечень). Как правило, в перечень включается одно приложение с максимальным рейтингом по каждой категории приложений. Существуют исключения, когда в перечень может быть включено более чем одно приложение по конкретной категории.

С июля 2022 г. на мобильных устройствах должен быть предустановлен национальный магазин приложений (RuStore).

Ключевая проблема при реализации нормативного регулирования предустановок — отсутствие эффективного механизма мониторинга и правоприменения. Роспотребнадзор как соответствующий орган надзора не уделяет достаточно внимания обеспечению соблюдения данных требований, поскольку у него в приоритете находятся задачи по защите прав потребителей, а не исправление рыночных несовершенств.

Более того, ответственность за нарушение требований о предустановке локального ПО лежит на продавце устройств, а не на производителях. Соответственно, нарушения со стороны производителей должны пресекаться путем отказа продавцов принимать в продажу их устройства, но на практике этого по понятным причинам не происходит. В настоящий момент не зафиксировано ни одного случая привлечения продавцов к ответственности, хотя некоторые производители не в полной мере соблюдают требования о предустановках. При этом Минцифры РФ, ответственное за ведение перечня предустанавливаемых приложений и сервисов, не обладает соответствующими полномочиями по устранению нарушений со стороны производителей, будучи министерством, а не органом надзора.

Несмотря на проблемы в правоприменении, российский опыт регулирования предустановок оказался более эффективным, чем DMA и подобные ему акты, поскольку позволил оперативно решить проблемы и восстановить конкуренцию в сфере мобильных операционных систем, в то время как применение норм DMA потребует значительного времени, учитывая необходимость использовать особые административные процедуры и проводить расследования. В то же время точечное регулирование в силу своего ограниченного предмета может устранить только отдельные несовершенства на цифровых рынках.

Примеры точечного регулирования деятельности цифровых платформ имеются и в иных странах (Китае, Индонезии).

Особняком стоит Япония, в которой в 2024 г. был принят Закон № 518 «О стимулировании конкуренции в области определенного программного обеспечения для смартфонов» (SSCPA). Полное вступление данного Закона в силу ожидается

в декабре 2025 г. Он направлен на регулирование деятельности компаний, которым в установленном порядке будет присвоен статус «назначенная компания», для чего требуется наличие более чем 40 млн ежемесячных пользователей в сфере программного обеспечения для смартфонов, включая операционные системы, магазины приложений, браузеры и поисковые системы (что и относится к «специфическому/определенному программному обеспечению»).

В отличие от DMA, который устанавливает запреты через предписания общего характера, SSCPA закрепляет четкий перечень запретов, а именно запрет на ограничение информирования о возможностях оплаты вне платформы; запрет на несправедливую модерацию и отказ в допуске приложений к платформе; запрет на непрозрачные критерии ранжирования и преференции собственным приложениям платформ. Специфика SSCPA состоит в его ориентации исключительно на мобильные экосистемы, что роднит его с точечным регулированием по аналогии с российскими требованиями о предустановках, но он вводит запреты на антиконкурентное поведение по аналогии с DMA, хотя и в более узкой области цифровых рынков.

Выводы

На данный момент в мире наметилось три варианта регулирования деятельности цифровых платформ: 1) классическое антимонопольное регулирование, учитывающее особенности цифровых рынков; 2) отделенное от антимонопольного универсальное регулирование, устанавливающее требования и запреты *ex ante*; 3) точечное регулирование отдельных проблем на определенных цифровых рынках.

Республика Узбекистан номинально пошла по первому пути, т.е. предусмотрела особые антимонопольные требования и запреты для цифровых платформ. Однако по своей сути они близки к подходу DMA (с той лишь разницей, что закреплены в антимонопольном законодательстве): критерии доминирования связаны не с рыночной властью как таковой, а с определенным размером (охватом) цифровой платформы; запреты формально не связаны с ограничением конкуренции и сформулированы через перечисление конкретных вариантов поведения цифровой платформы; статус доминирующего субъекта носит не объективный характер, а присваивается регулирующим органом. При этом поведение цифровых платформ оценивается только на предмет нарушения исчерпывающего перечня запретов, а общее понятие злоупотребления доминирующим положением не применено.

В этом плане подход, избранный в России, представляется более удачным. Антимонопольное регулирование и все его классические подходы в полной мере применимы к отношениям в цифровой среде с некоторыми особенностями для транзакционных платформ. Существует и точечное регулирование, которое позволяет оперативно разрешить типовые для отдельных цифровых платформ несовершенства и восстановить конкуренцию на них. Следует продолжать совершенствовать законодательство в части особенностей антимонопольного регулирования деятельности нетранзакционных платформ и усиления ответственности за несоблюдение требований о предустановках.

Будет ли для этих целей полезным подход Узбекистана — покажет опыт применения новых норм к антиконкурентным практикам цифровых платформ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции : монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. — 2-е изд. — М., 2019.
2. Арутюнян А. А., Бербенева А. Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право (Digital Law Journal). — 2022. — Т. 3. — № 3.
3. Егорова М. А. О некоторых аспектах установления доминирующего положения на цифровых рынках в российском антимонопольном законодательстве // Юрист. — 2024. — № 8.
4. Жуковская А. А., Хохлов Е. С. Digital Markets Act в ЕС — новая страница антимонопольного регулирования в цифровую эпоху // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты / рук. авт. кол. и науч. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2023.
5. Карапетян А. А. Правовое регулирование деятельности цифровых платформ и антимонопольный контроль: практика применения // Российское конкурентное право и экономика. — 2024. — № 2.
6. Маслов А. О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023.
7. Маслов А. О. Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. — 2024. — № 1.
8. Хохлов Е. С. Злоупотребление доминирующим положением : учебное пособие. — М. : Статут, 2024.
9. Хохлов Е. С. Злоупотребление превалирующей переговорной силой // Закон. — 2024. — № 7.

**Оксана Александровна
ПАВЛУХИНА,**

преподаватель кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
советник антимонопольной
практики МЭФ Legal
o.pavluhina@mef.legal
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Антимонопольные иммунитеты и цифровая экономика: актуальные правовые аспекты и пределы допустимости

Аннотация. Автором исследуются правовая природа антимонопольных иммунитетов, их регулирование в России и за рубежом. Анализ приведенных в статье догматических взглядов на исследуемый вопрос подкреплен резонансными делами ФАС России, формирующими практику и последующую позицию по вопросу сохранения или отмены антимонопольных иммунитетов в условиях развития постиндустриального общества.

Вопрос отмены антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальных прав, без сомнения, станет одной из ключевых повесток шестого антимонопольного пакета. Уже сегодня прорабатывается почва для отмены иммунитетов с учетом настроений, главенствующих среди практикующих юристов и представителей научного сообщества. Один из ключевых вопросов, которым задаются эксперты в ходе исследования данной темы, — поиск баланса частных и публичных интересов в реалиях цифровой экономики.

Статья весьма актуальна не только для практикующих юристов и консультантов, но и для экспертов в области антимонопольного регулирования, а также для изучающих конкурентное право как научную дисциплину.

Ключевые слова: цифровая экономика, антимонопольные иммунитеты, антимонопольный контроль, интеллектуальная собственность, доминирующее положение

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.064-074

Oksana A. PAVLUKHINA,

Lecturer at the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
adviser to the antitrust practice at MEF Legal

o.pavluhina@mef.legal

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Antitrust Immunities and the Digital Economy: Topical Legal Aspects and the Limits of Permissibility

Abstract. *The author examines the legal nature of antitrust immunities and their regulation in Russia and abroad. The analysis of doctrinal perspectives presented in the article is supported by high-profile cases of the Federal Antimonopoly Service of Russia, which shape enforcement practices and the evolving stance on the preservation or abolition of antitrust immunities in the context of a post-industrial society.*

The issue of abolishing antitrust immunities in relation to intellectual property rights will undoubtedly become one of the key topics of the «sixth antitrust package.» Preparations for lifting these immunities are already underway, taking into account the prevailing attitudes among practicing lawyers and members of the academic community. One of the central questions raised by experts in the course of studying this topic is the search for a balance between private and public interests within the realities of the digital economy. The article is highly relevant not only for practicing lawyers and consultants but also for experts in the field of antitrust regulation, as well as for anyone studying competition law as an academic discipline.

Keywords: *digital economy, antitrust immunities, antimonopoly control, intellectual property, dominant position*

Введение

Возрастание роли информационных технологий, внедрение инновационных решений в производственные и управленческие процессы способствуют ускорению темпов экономического роста, улучшению благосостояния и уровня жизни населения, повышению конкурентоспособности продукции и совершенствованию функционирования государственных институтов. Сегодня, в эпоху развития цифровой экономики, мы можем с уверенностью утверждать: чем выше процент использования цифровых технологий, тем заметнее экономический рост.

Современная экономика трансформируется под воздействием цифровых технологий. Интенсивное проникновение цифровизации во все отрасли жизни требует соответствующей адаптации правового регулирования. Классические отрасли промышленности, сельского хозяйства, медицины, транспорта и образования переживают качественные изменения — цифровую трансформацию.

Эти изменения становятся возможными благодаря синергии науки, технологий и бизнеса. Однако вместе с технологическим прогрессом появляются и новые юридические вызовы, в том числе в сфере антимонопольного регулирования¹.

Особое внимание привлекают вопросы правового регулирования интеллектуальной собственности в цифровой среде. Одним из сложнейших аспектов на стыке интеллектуального и конкурентного права является анализ правомерности предоставленных исключительных прав и допустимости их ограничения с целью предотвращения злоупотребления рыночной властью. Растущая актуальность темы вызвана наличием в российском законодательстве так называемых антимонопольных иммунитетов, которые исключают интеллектуальные права из сферы действия антимонопольных норм.

Сегодня эксперты и представители регулирующих органов поднимают вопрос об уместности действующих исключений. Например, ФАС России не раз указывала, что в ряде случаев поведение владельцев программного обеспечения, обладающих рыночной монополией, заслуживает антимонопольной оценки². Тем не менее применить к ним соответствующие меры невозможно из-за особого правового режима интеллектуальной собственности. Эта проблема становится особенно острой в условиях цифровой трансформации экономики³.

Эпоха постиндустриального предпринимательства

Настоящую эпоху можно охарактеризовать как период постиндустриального предпринимательства⁴, основанного на современных средствах коммуникации, связи, информационных и интеллектуальных ресурсах, где основными ресурсами становятся информация, знания, технологии и интеллектуальные активы.

Еще два десятилетия назад понятие «цифровая экономика» казалось абстрактным и слабо применимым к реальности. Сегодня же оно проникло во все сферы жизни — от повседневного общения до промышленного производства и государственного управления, став неотъемлемой частью как экономической, так и социальной повседневности.

Параллельное развитие инноваций и технологий послужило фундаментом для цифровой экономики. Законодательная система при этом гарантирует защиту исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства

¹ Цзо Ци. Данные в цифровой экономике // Социология. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dannye.v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 29.07.2024).

² URL: <https://www.comnews.ru/content/233853/2024-06-20/2024-w25/1010/antimonopolnyy-immunitet-otnoshenii-intellektualnoy-sobstvennosti-nuzhno-otmenit> (дата обращения: 20.06.2025).

³ URL: <https://www.pnp.ru/economics/antimonopolnye-immunity-dlya-intellektualnoy-sobstvennosti-predlagayut-izmenit.html> (дата обращения: 20.06.2025).

⁴ Постиндустриальное общество можно определить как общество, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения сместился приоритет от преимущественного производства товаров к производству услуг, а доминирующим производственным ресурсом стали информация и знания.

индивидуализации, обеспечивая им особый правовой статус, предоставляя им своего рода «неприкосновенность». Интеллектуальная собственность в сочетании со свободными данными стала важнейшим активом цифровой эпохи.

Рост и развитие цифровой среды тесно связаны с охраной результатов интеллектуальной деятельности. Правообладатели, обладая исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности — программное обеспечение, алгоритмы, патенты и базы данных — получают законодательно закрепленные преимущества, которые в определенных случаях трансформируются в рыночную власть.

Следует признать, что интеллектуальные права, хотя и индивидуализированы, несут в себе общественное значение. Нельзя рассматривать их исключительно как средство индивидуального обогащения. В действительности они служат общественным интересам, способствуя научному прогрессу и стимулируя инновации. Интеллектуальные права не совсем правильно воспринимать как эксклюзивную монополию одного владельца. Интеллектуальная собственность сегодня — это общественное благо и драйвер экономического развития⁵.

Развитие цифровой экономики стимулирует распространение платформенных бизнес-моделей, в которых контроль над ключевыми цифровыми активами (ПО, API, протоколами и стандартами) превращается в инструмент конкурентной борьбы. Платформы становятся не просто технологическим решением, а инфраструктурной основой для целых рынков. Это усиливает значимость правового регулирования отношений, связанных с доступом к таким платформам.

Правообладатель, осознавая свою уникальную позицию, может применять стратегию ограничения доступа, отказывать в лицензировании, выдвигать экономически необоснованные требования. Это создает угрозу как для конкуренции, так и для инновационной динамики отрасли.

В этой связи заслуживает внимания мнение лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица, который выделяет две системные проблемы существующего режима охраны интеллектуальных прав⁶.

Первая заключается в ограничении использования знаний как публичного блага⁷. Огромное количество изобретений базируются либо на природных и потому общеизвестных феноменах, либо на уже накопленной в результате предыдущих исследований информации. При этом, если этот накопленный ранее объем

⁵ Muzaka V. (2011). The Politics of Intellectual Property Rights and Access to Medicines: Some Empirical and Theoretical Issues // The Politics of Intellectual Property Rights and Access to Medicines. International Political Economy Series. Palgrave Macmillan, London. URL: https://doi.org/10.1057/9780230306158_1 ; May Ch., Susan K. Sell. Intellectual Property Rights. A Critical History. Boulder, co, Lynne Rienner, 2006.

⁶ Джозеф Юджин Стиглиц — американский экономист-кейнсианец. Лауреат Нобелевской премии по экономике «за анализ рынков с асимметричной информацией». Учился в Амхерст-колледже и Массачусетском технологическом институте, где получил степень доктора. Профессор Колумбийского университета.

⁷ United States District Court for the Southern District of New York, Civil Action No. 09-4515 (RWS), declaration of Joseph E. Stiglitz, January 19, 2010, para 13.

информации становится защищенным интеллектуальными правами, то, очевидно, инновационный процесс замедляется⁸.

Вторая проблема связана с тем, что интеллектуальная собственность дает пусть и временную, но все же монополию на использование знания, что, в свою очередь, создает перекосы (distortions) в распределении ресурсов и ведет к усилению неравенства⁹.

Быстро развивающаяся цифровая экономика усугубляет риски рыночной концентрации. Технологическая асимметрия между крупными цифровыми корпорациями и остальными участниками рынка приводит к появлению так называемого цифрового неравенства¹⁰. Технологическое неравенство, будучи реликтом, унаследованным еще с четвертой промышленной революции, обретает новую форму в информационной среде обитания.

Научно-технологический прогресс (симбиоз науки, технологий и экономики) является неотъемлемым атрибутом инновационной экономики. Важнейшая черта инновационной экономики — обеспечение доступности любому в любое время и в любом месте любой необходимой информацией о новых или известных знаниях, инновациях, инновационной деятельности и процессах информации и знаний¹¹.

Интеллектуальная собственность представляет собой исключительное право, охраняемое законом, включая Конституцию РФ¹². Статья 10 Гражданского кодекса РФ запрещает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением. К гражданским правам также относится и право на интеллектуальную собственность. Соответственно, гражданские права, включая права на объекты интеллектуальной собственности, не должны использоваться во вред конкуренции или для злоупотребления рыночной властью.

Легальная монополия как конкурентное преимущество

В цифровой экономике, где бизнес-процессы все чаще осуществляются в онлайн-среде, особенно важным становится вопрос соотношения интеллектуальных прав и антимонопольного регулирования. Одной из важнейших задач

⁸ Stiglitz J. E. How Intellectual Property Reinforces Inequality // The New York Times, 2013.

⁹ Stiglitz J. E. Op. cit.

¹⁰ Войниканис Е. А., Иванов А. Ю., Цариковский А. Ю., Семенова Е. В. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и Четвертой промышленной революции. 2-е изд. М. : ИД ВШЭ, 2019.

¹¹ Долгова И. В., Рязанова О. Е. Человеческий потенциал и инновационное обеспечение конкурентоспособности российской экономики: реалии и перспективы // Гуманитарный вестник. 2018. Вып. 4. URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-4-518>.

¹² В соответствии со ст. 44 Конституции РФ каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом.

регулятора становится определение соотношения между интеллектуальными правами и нормами, направленными на защиту конкуренции¹³.

В современных условиях конкурентоспособность компаний определяется не только материальными активами, но и объемом знаний, данных и информации, находящихся в их распоряжении. С правовой точки зрения такие нематериальные активы регулируются нормами об интеллектуальной собственности.

На сегодняшний день Россия остается одной из немногих крупных экономик, где интеллектуальные права полностью выведены из сферы действия антимонопольного законодательства, что является достаточно нехарактерным явлением для цифровой экономики¹⁴. Это создает уникальную ситуацию, в которой правообладатель может распоряжаться своим активом без учета возможного ограничения конкуренции.

Наличие исключительных прав на технологию как объект авторского или патентного права статично само по себе и не дает рыночной силы. Между тем в момент коммерческого использования технологии (программы для ЭВМ, платформы) она теряет свою абстрактность, становится объектом рыночного оборота, и в ее отношении применяются требования любого рыночного регулирования.

Используя исключительные права на патент или авторские произведение, правообладатель может навязывать невыгодные условия договора, требовать вознаграждение с компаний за использование патента, размер которого может значительно превышать его среднерыночную стоимость, отказывать в предоставлении лицензии компаниям, пытающимся произвести высокотехнологичные товары, без объективной причины или создавать барьеры для входа на рынок.

Подобные практики встречаются в сфере высоких технологий, фармацевтики, производства оборудования.

При этом антимонопольная оценка поведения правообладателя требует анализа его рыночной силы. Поскольку именно лицензионные соглашения определяют условия доступа к платформе, объекту интеллектуальных прав, вмешательство антимонопольного органа может быть направлено на корректировку этих условий в случае, если компания занимает доминирующее положение и имеет рыночную власть.

Отсутствие возможности контроля со стороны антимонопольного органа по причине действия иммунитетов делает недобросовестные практики правообладателей практически неуязвимыми.

Сравнительный анализ: Россия и зарубежные подходы

На фоне стремительного развития электронной коммерции особое значение приобретает необходимость создания эффективных правовых механизмов защиты граждан от возможных злоупотреблений в цифровом пространстве. Одним из таких механизмов, который все чаще упоминается в дискуссиях о связи права

¹³ URL: <https://fas.gov.ru/news/29544> (дата обращения: 18.06.2025).

¹⁴ Войниканис Е. А., Иванов А. Ю., Цариковский А. Ю., Семенова Е. В. Указ. соч.

интеллектуальной собственности с правами человека, является антимонопольное регулирование.

Россия — одна из юрисдикций, в которой интеллектуальные права защищены иммунитетом от применения к ним норм Закона о защите конкуренции. Наличие иммунитетов делает невозможным применение антимонопольного права к отношениям, связанным с оборотом интеллектуальных прав. Это означает, что на практике антимонопольные меры не применяются к обороту интеллектуальной собственности, что фактически предоставляет иммунитет обладателям исключительных прав. В условиях глобальной цифровизации такие исключения могут привести к ущемлению прав российских компаний, особенно в случае взаимодействия с транснациональными корпорациями.

Между тем в правовых системах большинства стран антимонопольное регулирование применяется и к интеллектуальной собственности. В большинстве зарубежных стран необоснованный отказ или уклонение от заключения лицензионного договора и иные злоупотребления исключительными правами со стороны монополистов, а равно картель посредством прав интеллектуальной собственности, пресекаются мерами антимонопольного права.

Конкурентное право применяется к отношениям в сфере интеллектуальной собственности как в странах с развитой инновационной экономикой (страны Европейского союза, США, Япония), в таких странах БРИКС, как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, а также в Корею, Сингапуре, Аргентине, Чили, Индонезии, Филиппинах, Турции и Казахстане.

В отличие от этого, в России, как и в ряде менее развитых стран (например, в Таджикистане, Парагвае или отдельных государствах Африки), сохраняется особый режим, исключающий применение антимонопольных норм к отношениям, где фигурируют интеллектуальные права.

На практике это означает, что российские компании сталкиваются с ситуацией, когда транснациональные компании отказываются предоставлять лицензии на патенты, программное обеспечение или базы данных, что может существенно ограничить развитие отечественной цифровой индустрии.

Отсутствие действенного антимонопольного инструментария в этой сфере тормозит развитие отечественных решений, затрудняет импортозамещение и делает экономику уязвимой к внешним шокам.

Права на объекты интеллектуальной собственности — иллюзия контроля рынка

Действующий режим антимонопольных иммунитетов создает у правообладателей ощущение, что они могут использовать свои исключительные права в качестве инструмента контроля за рынком. Складывается ложное впечатление, что правообладатель вправе бесконтрольно распоряжаться активом, даже если это влечет ущемление конкуренции.

На сегодняшний день нормы Закона о защите конкуренции по-прежнему содержат исключения в отношении объектов интеллектуальной собственности,

что приводит к снижению прозрачности и затрудняет правовое вмешательство в случае злоупотреблений.

На практике это приводит к конфликту между интересами общества и частного владельца. Так, в разбирательствах, связанных со злоупотреблениями на цифровых рынках в отношении Apple¹⁵, Google¹⁶, Microsoft¹⁷, Booking¹⁸, HeadHunter¹⁹, практически каждая компания заявляла аргумент о недопустимости вмешательства ФАС России в их деятельность в связи с действием антимонопольных иммунитетов в сфере интеллектуальной собственности.

Примером может служить разбирательство между ФАС России и компанией Google по поводу злоупотреблений на рынке предустановленных магазинов приложений для мобильной операционной системы Android. Аргументация компании Google строилась на положении ч. 4 ст. 10 Закона, запрещающем применение антимонопольных норм к лицензионным соглашениям.

Однако суд установил, что такие договоры имеют смешанный характер и регулируют коммерческие условия дистрибуции программных продуктов, а не только передачу прав. Соответственно, они подпадают под действие антимонопольного законодательства.

Аналогичная ситуация возникла в Европейском союзе. В 2016 г. Еврокомиссия начала расследование против Google и в 2018 г. установила, что корпорация навязывала производителям установку собственных сервисов и запрещала использование альтернативных версий Android. В ходе расследования было установлено, что для лицензирования некоторых приложений корпорация требовала от производителей мобильных устройств под управлением операционной системы Android предустановку своих сервисов, а также запрещала производителям реализацию устройств, работающих на версиях Android, созданных конкурентами Google. Американская корпорация использовала финансовые рычаги для воздействия на участников рынка, чтобы они эксклюзивно предустанавливали на устройствах только поиск Google²⁰.

С учетом действующих на территории Европейского союза правил антимонопольного регулирования в отношении объектов интеллектуальной собственности, при сходных с российскими обстоятельствах, компания Google не смогла сослаться на особый режим правовой охраны своих исключительных прав. По

¹⁵ Решение ФАС России от 28.08.2020 по делу № 11/01/10-24/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁶ Решение ФАС России от 18.09.2015 по делу № 1-14-21/00-11-15 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁷ Решение ФАС России от 15.08.2017 по делу № 1-00-168/00-11-16 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁸ Решение ФАС России от 29.12.2020 по делу № 11/01/10-41/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁹ Решение ФАС России от 23.01.2020 по делу № 11/01/10-9/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

²⁰ URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_16_1492 ; Statement on Commission decision to fine Google €4.34 billion for illegal practices regarding Android mobile device (дата обращения: 20.06.2025).

итогах разбирательства Еврокомиссия пришла к выводу о наличии в действиях Google признаков злоупотребления доминирующим положением²¹.

На практике для оценки баланса между потенциальной пользой и вредом от действий доминирующего хозяйствующего субъекта ФАС России применяет экономический анализ. Анализируется, насколько положительный эффект от подобных действий, например, с точки зрения применения новых технологий и инноваций, может быть соизмерим с возможным ограничением конкуренции, насколько коррелируют друг с другом выгоды доминанта от реализации таких практик с выгодами для потребителей, которые рискуют столкнуться с ограничениями в выборе производителя конкретного продукта.

Так, в деле Booking.com регулятор оценивал положительный эффект от существования платформы и особенностей сервиса, но пришел к выводу, скорее, о вреде практик ценового паритета для конкуренции отелей и для интересов потребителей, нежели о пользе функционала платформы.

Сложившаяся картина приводит нас к определенным выводам. Нормы антимонопольного законодательства ряда развитых экономик Европы и Северной Америки предполагают применение его положений к правоотношениям с участием обладателей исключительных прав на объекты интеллектуальной деятельности. При этом в России формируется прецедентная правоприменительная практика по ограничению закрепленных законом антимонопольных иммунитетов по результатам исследуемых фактических обстоятельств конкретного дела.

В частности, по итогам упомянутого выше антимонопольного разбирательства в отношении Google суд поддержал позицию ФАС о том, что действия компании по заключению соглашений с производителями мобильных устройств на предустановку магазина приложений Google Play должны быть квалифицированы как злоупотребление доминирующим положением²².

Тем самым складывается правоприменительная практика, в которой иммунитет не является абсолютным. Судебные органы и антимонопольный регулятор интерпретируют нормы гибко, исходя из баланса интересов и степени угрозы конкурентной среде.

Тем не менее текущее широкое закрепление иммунитетов в ч. 4 ст. 10 и ч. 9 ст. 11 Закона о защите конкуренции в теории может затруднить применение запретов на осуществление монополистической деятельности по отношению к хозяйствующим субъектам, отвечающим за деятельность цифровых платформ.

При этом на сегодняшний день в законодательном поле отсутствует общепринятое определение цифровой платформы. Экспертами под этим термином понимается некая программная среда, в которой аппаратные средства интегрируются с прикладными решениями, повышающими эффективность всех сфер жизни общества. Очевидно, функционирование подобных платформ напрямую зависит от программного обеспечения (приложение, сайт, базы данных и т.п.), в

²¹ URL: <https://web.archive.org/web/20200921060825/>; URL: <http://www.beuc.eu/publications/european-commission-charges-android-abuse-dominant-position/html> (дата обращения: 20.06.2025).

²² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.03.2016 по делу № А40-240628/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

отношении которого осуществляются интеллектуальные права. На практике это может привести к неопределенности, когда меры антимонопольного реагирования могут вступать в конфронтацию с действующими законодательными ограничениями применения антимонопольных норм к обладателям исключительных интеллектуальных прав²³.

Таким образом, российская правоприменительная практика постепенно движется в сторону ограниченного снятия иммунитетов, когда очевидны признаки злоупотреблений и ущерба рынку. Это свидетельствует о формировании гибкого подхода, позволяющего оценивать поведение правообладателей в цифровой экономике через призму добросовестности и конкуренции.

Заключение

Необходимо отметить, что задача антимонопольного законодательства состоит не в разрушении правового механизма защиты интеллектуальной собственности, а в недопущении ее искажения и пресечении злоупотреблений легальной монополией в тех случаях, когда эти злоупотребления влекут ограничение конкуренции и являются необоснованными с точки зрения требований добросовестности.

Таким образом, перспектива снятия антимонопольных иммунитетов для интеллектуальной собственности не только способствует защите законных прав и интересов всех участников цифровых рынков, но и позволит привести российское антимонопольное законодательство в соответствии с распространенными зарубежными практиками.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ворожевич А. С. Антитраст vs Патентные права: почему вмешательство антимонопольной службы повредит инновациям? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 1.
2. Долгова И. В., Рязанова О. Е. Человеческий потенциал и инновационное обеспечение конкурентоспособности российской экономики: реалии и перспективы // Гуманитарный вестник. — 2018. — Вып. 4.
3. Доценко А. В., Иванов А. Ю. Антимонопольное регулирование, цифровые платформы и инновации: дело Google и выработка подходов к защите конкуренции в цифровой среде // Закон. — 2016. — № 2. — С. 31—45.
4. Заходякин И. В. Постиндустриальная экономика — что значит это понятие в современном мире? // КЭ. — 2008. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postindustrialnaya-ekonomika-chto-znachit-eto-ponyatie-v-sovremennom-mire>. — С. 97—100.

²³ Истомин В. Г. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском Союзе // Правоприменение. 2022. № 6 (2). С. 120—133. URL: [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).120-133](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).120-133).

5. *Истомин В. Г.* Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском Союзе // *Правоприменение*. — 2022. — № 6 (2). — С. 120—133.
6. *Цариковский А. Ю., Иванов А. Ю., Войниканис Е. А.* Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции : монография / НИУ «Высшая школа экономики» ; ФАС России. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : ИД Высшей школы экономики, 2019. — 391 с.
7. *Цзо Ци.* Данные в цифровой экономике // *Социология*. — 2022. — № 1.
8. *May Ch., Susan K.* *Sell Intellectual Property Rights. A Critical History*. — Boulder, co, Lynne Rienner, 2006. — 253 p.
9. *Muzaka V.* (2011). *The Politics of Intellectual Property Rights and Access to Medicines: Some Empirical and Theoretical Issues* // *The Politics of Intellectual Property Rights and Access to Medicines*. — International Political Economy Series. — Palgrave Macmillan, London. — URL: https://doi.org/10.1057/9780230306158_1.
10. *Stiglitz J. E.* How Intellectual Property Reinforces Inequality. — *The New York Times*, 2013.

Теоретические аспекты конкурентного права

Понятие нарушения антимонопольного законодательства в конкурентном праве и его виды

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из центральных понятий конкурентного права — нарушению антимонопольного законодательства. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что в науке достаточно часто данное понятие рассматривается как правонарушение. Вместе с тем такая позиция в статье критикуется как односторонняя и предлагается более широкий подход к рассматриваемой категории. А именно, обосновывается, что нарушение антимонопольного законодательства в конкурентном праве является основанием для возникновения широкого круга правоотношений, где охранительные правоотношения юридической ответственности — лишь одна их часть. Также в статье анализируется, что именно входит в понятие нарушения антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: конкурентное право, конкуренция, антимонопольные запреты, нарушение антимонопольного законодательства, правонарушение, монополистическая деятельность, злоупотребление доминирующим положением, недобросовестная конкуренция

**Дмитрий Игоревич
СЕРЕГИН,**
доцент кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
советник юридической
фирмы «ЮСТ»,
кандидат юридических наук
diseregin@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.075-084

Dmitry I. SEREGIN,Associate Professor of the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Counsel at YUST Law Firm,

Cand. Sci. (Law)

diseregin@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The concept of violation of antimonopoly legislation in competition law and its types

Abstract. *The article is about the analysis of one of the central concepts of competition law — violations of antimonopoly legislation. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that in science this concept is often considered as an offense. At the same time, the article criticizes this position as one-sided. The author suggests a broader approach to the category under consideration and substantiates that violation of antimonopoly legislation is the basis for the emergence of a wider range of legal relations. In addition, the article analyzes what exactly is included in the concept of violation of antimonopoly legislation.*

Keywords: *competition law, competition, antitrust prohibitions, violations of antimonopoly legislation, offense, monopolistic activity, abuse of a dominant position, anticompetitive agreements, unfair competition*

Понятие «нарушение антимонопольного законодательства» является одним из ключевых в конкурентном праве. Этот термин появился в российском праве одновременно с возникновением конкурентного права. Так, уже в изначальной редакции первого законодательного акта, обеспечивающего защиту конкуренции (Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»), было предусмотрено, что антимонопольный орган рассматривает дела на основании заявлений с приложением документов, свидетельствующих о фактах нарушения антимонопольного законодательства.

В научных источниках нередко встречаются позиции, отождествляющие нарушение антимонопольного законодательства с правонарушением. Суждения об отнесении нарушения антимонопольного законодательства (вообще или его конкретных проявлений) к категории правонарушения встречаются в работах различных периодов становления конкурентного права. В качестве примера можно

привести работы К. Ю. Тотьева¹, В. И. Еременко², А. Ю. Кинева³, Е. Ю. Борзило⁴, Л. А. Ханчукаевой⁵ и др.

При этом в ряде случаев дело не ограничивается номинальным соподчинением указанных категорий, признаки нарушения антимонопольного законодательства толкуются как элементы состава правонарушения.

Так, Е. Ю. Борзило, анализируя критерии допустимости, установленные ст. 13 Закона о защите конкуренции, указывает, что если ограничения конкуренции нет, то отсутствует объективная сторона правонарушения⁶ (т.е. злоупотребления доминирующим положением). В то же время в отмеченной работе не указано, какие еще имеются элементы состава злоупотребления доминирующим положением как правонарушения, помимо объективной стороны, а главное — какой правовой нормой они устанавливаются.

Применительно к недобросовестной конкуренции можно встретить суждения о наличии такого элемента состава правонарушения, как субъективная сторона. Так, К. Ю. Тотьев заключает, что субъективная сторона проявлений недобросовестной конкуренции выражается в умышленных действиях⁷. В. И. Еременко из анализа определения недобросовестной конкуренции делает сходный вывод: «...субъективная сторона проявления недобросовестной конкуренции характеризуется умышленными действиями»⁸. Однако следует заметить, что вина или вообще субъективная сторона ни прямо, ни косвенно не упоминаются среди признаков недобросовестной конкуренции (как, впрочем, и иных нарушений антимонопольного законодательства).

С одной стороны, концепция правонарушения, которая сформировалась еще в советском праве, позволяет объяснить отдельные аспекты предупреждения и пресечения нарушений антимонопольного законодательства.

Вместе с тем попытка приравнять нарушение антимонопольного законодательства к правонарушению в ряде случаев приводит к серьезным ошибкам в толковании правовых норм. Но, более того, это банально не вписывается в периметр применения Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Иными словами, безоговорочное отнесение нарушения правового

¹ Тотьев К. Ю. Конкуренция и монополии. Правовые аспекты регулирования. М., 1996. С. 111.

² Еременко В. И. Пресечение недобросовестной конкуренции в Российской Федерации // Государство и право. 1998. № 1. С. 26.

³ Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 148.

⁴ Борзило Е. Ю. Антимонопольные ограничения предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 83.

⁵ Ханчукаева Л. А. Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ: правовые аспекты : 0 автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025.

⁶ Борзило Е. Ю. Указ. соч. С. 263.

⁷ Тотьев К. Ю. Указ. соч. С. 111.

⁸ Еременко В. И. Правовое регулирование конкурентных отношений в России и за рубежом : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 164.

предписания, установленного антимонопольным законодательством, к правонарушению представляется неверным с точки зрения положений Закона о защите конкуренции и практики его применения. Более того, это видится неверным и с позиции теории права.

Так, если следовать указанному подходу, в рамках рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства потребовалось бы установление состава правонарушения, а не только противоречия деяния закону. Но Закон о защите конкуренции не содержит положений, которые раскрывали бы состав антимонопольного правонарушения. В частности, в антимонопольном законодательстве отсутствует какое-либо определение вины⁹ или даже намек на это. На практике антимонопольный орган при вынесении решения также не определяет вину нарушителя, а применяет соответствующие меры исходя из объективного противоречия деяния закону.

Кроме того, при установлении факта правонарушения закономерно встает вопрос о юридической ответственности. Противоправность сама по себе не синонимична правонарушению. Она является «внешне видимым, вытекающим из самого термина “правонарушение”, его признаком»¹⁰. Поэтому любое правонарушение с содержательной точки зрения — это, конечно, поведение противоправное. Однако поведение человека приобретает свойства правонарушения не в силу противоправности как таковой, а лишь постольку, поскольку за совершение соответствующего деяния предусмотрена юридическая ответственность.

Так, согласно одному из доктринальных определений правонарушения под ним понимается противоправное, виновное, общественно вредное деяние, за которое предусмотрена юридическая ответственность¹¹.

Соответственно, если нарушение антимонопольного законодательства рассматривать как особое (антимонопольное) правонарушение, то необходимо определить и меры антимонопольной ответственности. Однако из всех принудительных мер, предусмотренных антимонопольным законодательством (исключая нормы об административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности), критериям юридической ответственности в некоторой степени соответствует лишь такая мера, как перечисление по предписанию антимонопольного органа в федеральный бюджет дохода, полученного от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции.

При этом, как следует из закона, указанное предписание применимо лишь в отношении двух видов нарушений антимонопольного законодательства, и то не во всех случаях. Как минимум для применения данной меры должно быть установлено, что нарушитель вследствие своих противоправных действий получил доход.

⁹ В то же время вина является общепризнанным элементом состава любого правонарушения.

¹⁰ Малеин И. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 7.

¹¹ Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 2001. С. 154.

Иные же меры принуждения, предусмотренные антимонопольным законодательством, согласно разделяемой автором концепции¹², относятся к мерам защиты, а не ответственности.

Эти обстоятельства уже сами по себе не позволяют рассматривать нарушение Закона о защите конкуренции как особое антимонопольное правонарушение.

Да, в настоящее время нарушение антимонопольного законодательства является основанием для привлечения виновных лиц к административной ответственности. Более того, принятие решения по делу о нарушении антимонопольного законодательства является основанием возбуждения антимонопольным органом дела об административном правонарушении, в рамках которого уже установленные обстоятельства нарушения не переоцениваются. И это могло бы служить основанием приравнять нарушение правового запрета, установленно-го антимонопольным законодательством, к объективной стороне того или иного административного правонарушения.

Имеет ли тогда понятие «нарушение антимонопольного законодательства» особое значение либо это только терминологический оборот, описывающий некий придаток административного правонарушения?

Отвечая на данный вопрос, необходимо прежде всего заметить, что антимонопольные запреты появились еще в упомянутом законе РСФСР от 22.03.1991 № 948-1. В то же время административная ответственность за нарушения антимонопольного законодательства была введена лишь Федеральным законом от 09.04.2007 № 45-ФЗ¹³. До этого административная ответственность была предусмотрена только за неисполнение предписаний антимонопольного органа. То есть на протяжении длительного времени нарушение антимонопольного законодательства существовало без административной ответственности.

Кроме того, факт административного правонарушения устанавливается должностным лицом антимонопольного органа в соответствии с процедурами, определяемыми КоАП РФ, при рассмотрении дела об административном правонарушении. Это дело возбуждается уже после установления факта нарушения антимонопольного законодательства специально создаваемой комиссией антимонопольного органа, которая рассматривает дело о нарушении антимонопольного законодательства.

Тем не менее, как представляется, даже не процедурные тонкости являются основанием для отделения нарушения антимонопольного законодательства от правонарушения, в частности административного. Определяющим становится то, что совершение деяния, запрещаемого антимонопольным законодательством, является самостоятельным юридическим фактом, достаточным для возникновения специальных правоотношений, как связанных, так и не связанных с привлечением к ответственности.

¹² В данном случае мы исходим из концепции разделения санкций на меры защиты и меры ответственности, которая поддерживалась, в частности, в работах О. Э. Лейста (*Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981*), С. С. Алексеева (*Алексеев С. С. Проблемы теории права. М., 1972*).

¹³ Федеральный закон от 09.04.2007 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2007. № 16. Ст. 1825.

Во-первых, это правоотношения, связанные с предупреждением нарушений. В качестве примера можно привести отношения, которые возникают в случае выдачи антимонопольным органом предостережения, а также отношения, связанные с разработкой, внедрением и функционированием системы антимонопольного комплаенса.

Во-вторых, это правоотношения, связанные с выявлением нарушений антимонопольного законодательства. Например, это отношения, возникающие в ходе проведения проверки.

В-третьих, это правоотношения, связанные с возбуждением и рассмотрением дел о нарушениях антимонопольного законодательства. Такие правоотношения носят преимущественно процессуальный характер.

В-четвертых, это правоотношения, связанные с пресечением нарушения антимонопольного законодательства и устранением его последствий. К этой категории следует отнести в первую очередь правоотношения, возникающие в связи с выдачей предписания по итогам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства. Как это буквально следует из ст. 39.1 Закона о защите конкуренции, пресекательный характер имеет и предусмотренное предупреждение о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства (предупреждения и предписания). Соответственно, возникающие в связи с выдачей предупреждения правоотношения аналогичны тем, которые возникают в связи с выдачей предписания.

В-пятых, это правоотношения, связанные с привлечением виновных лиц к ответственности. И лишь в данном случае возникает связь между нарушением антимонопольного законодательства и правонарушением: нарушение антимонопольного законодательства в совокупности с иными элементами формирует состав того или иного правонарушения (административного, гражданско-правового, преступления).

Кроме того, происходит определенное замыкание системы правоотношений, поскольку одной из функций юридической ответственности является предупреждение нарушений¹⁴.

Следовательно, деяние, противоречащее антимонопольному законодательству, на практике может рассматриваться как правонарушение лишь с учетом следующих оговорок.

Оговорка первая: нарушение антимонопольного законодательства можно рассматривать как правонарушение лишь в рамках специального охранительного правоотношения юридической ответственности¹⁵. Нарушение антимонопольного законодательства является основанием для возникновения такого правоотношения, но не только его. В периметре всех иных отмеченных правоотношений нарушение антимонопольного законодательства не является правонарушением, а представляет собой противоправное поведение.

¹⁴ См., например: *Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г.* Юридическая ответственность М., 2005. С. 74.

¹⁵ *Липинский Д. А., Хачатуров Р. Л.* Общая теория юридической ответственности : монография. СПб., 2007. С. 264.

Оговорка вторая: если нарушение антимонопольного законодательства рассматривается как правонарушение в контексте охранительного правоотношения юридической ответственности, то неминуемо должно следовать уточнение, какое именно правонарушение имеется в виду: гражданско-правовое, уголовное или административное. Сообразно этому должны быть конкретизированы состав соответствующего правонарушения и его элементы. Соответственно, в конкурентном праве не может быть абстрактного правонарушения, например правонарушения «злоупотребление доминирующим положением». Речь можно вести либо о гражданско-правовом деликте, либо об административном правонарушении, которые характеризуются разными составами.

Оговорка третья: необходимо учитывать различия субъектного состава конкретного нарушения антимонопольного законодательства и связанного с ним правонарушения. Субъектами нарушения антимонопольного законодательства являются преимущественно хозяйствующие субъекты и органы власти¹⁶.

Однако в круг субъектов, которые несут ответственность за правонарушения в конкурентном праве, входят и иные лица. Так, ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за заключение хозяйствующим субъектом антиконкурентного соглашения как для юридического лица, так и для его должностного лица.

Статья 178 УК РФ предусматривает уголовную ответственность физического лица за ограничение конкуренции путем заключения картельного соглашения, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере.

В связи с изложенным также следует поддержать высказанную рядом отечественных правоведов позицию о некорректности использования термина «состав нарушения» применительно к отдельным видам нарушений антимонопольного законодательства¹⁷.

Таким образом, нарушение антимонопольного законодательства представляет собой противоправное поведение, которое является основанием для возникновения весьма широкого круга правоотношений, связанных с защитой конкуренции, а не только с привлечением к юридической ответственности.

Определим теперь круг деяний, которые входят в понятие «нарушение антимонопольного законодательства».

В первом приближении под нарушением антимонопольного законодательства понимается нарушение нормативных актов, которые согласно ч. 1 ст. 2 Закона о защите конкуренции включаются в понятие «антимонопольное законодательство»: как собственно Закона о защите конкуренции, так и иных федеральных законов, регулирующих отношения, связанные с защитой конкуренции.

¹⁶ На физическое лицо распространяется лишь запрет осуществления координации экономической деятельности.

¹⁷ Городов О. А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика. М. : Статут, 2008. С. 43 ; Трубинова Е. И. Акты недобросовестной конкуренции в сфере прав на средства индивидуализации в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 42.

Из этого следует вывод, что под нарушением антимонопольного законодательства следовало бы понимать действие (бездействие), не соответствующее установленной антимонопольным законодательством модели поведения, а именно неисполнение любого требования, установленного как Законом о защите конкуренции, так и иным федеральным законом, регулирующим отношения, связанные с защитой конкуренции.

В то же время понятие «нарушение антимонопольного законодательства» употребляется и в специальном, более узком значении. Так, нарушение одних положений Закона о защите конкуренции является основанием для возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства, которое рассматривается в порядке, установленном гл. 9 Закона о защите конкуренции, в то время как при нарушении других норм дело о нарушении антимонопольного законодательства не возбуждается, а принимаются иные меры. Например, нарушение требований, установленных гл. 7 «Государственный контроль за экономической концентрацией» Закона о защите конкуренции, не является основанием для возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Однако ни Закон о защите конкуренции, ни Административный регламент, утвержденный приказом ФАС России № 339¹⁸, в явном виде не упоминают, нарушение каких именно норм является основанием для возбуждения дел о нарушениях антимонопольного законодательства.

Вместе с тем из анализа ряда источников определить, о каких именно нарушениях следует вести речь, все-таки можно. Так, приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220¹⁹, устанавливая требования к проведению анализа состояния конкуренции на товарном рынке при рассмотрении дел о нарушениях антимонопольного законодательства, упоминает ст. 10, 11, 14.1—14.8, 15, 16, 17, 17.1, 18 Закона о защите конкуренции²⁰.

Следует также обратить внимание на то, что п. 6. ч. 1. ст. 23 Закона о защите конкуренции предоставляет антимонопольному органу право обращаться в арбитражный суд с исками, заявлениями о нарушении антимонопольного законодательства, к числу которых относятся требования, связанные в основном с нарушением указанных выше запретов. Но в данном списке упоминается также и требование о ликвидации юридических лиц, в том числе унитарных предприятий, в случаях, предусмотренных антимонопольным законодательством, т.е. лиц, созданных без получения предварительного согласия антимонопольного органа, если это привело или может привести к ограничению конкуренции, в том числе в результате возникновения или усиления доминирующего положения. Иными

¹⁸ Административный регламент Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации (утв. приказом ФАС России от 25.05.2012 № 339) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Вероятно, отсутствие упоминания в этом ряду ст. 11.1 Закона является технической ошибкой, а ст. 17.2 Закона не упомянута, поскольку была введена после последнего обновления приказа.

словами, к числу нарушений антимонопольного законодательства как будто бы отнесено нарушение порядка контроля экономической концентрации.

Вместе с тем такое требование следует рассматривать во взаимосвязи с функциями антимонопольного органа по предупреждению нарушений антимонопольного законодательства, а именно злоупотребления доминирующим положением. Иными словами, в данном случае имеется в виду не пресечение нарушения порядка контроля экономической концентрации, а предотвращение возможного злоупотребления доминирующим положением. В пользу этого говорит то, что возможность обращения с подобным заявлением увязана с возникновением рисков ограничения конкуренции, а не с формальным нарушением порядка.

С учетом сказанного ранее, под нарушением антимонопольного законодательства следует понимать деяние, противоречащее запретительным нормам Закона о защите конкуренции.

Запреты перечисленных нарушений объединяет следующее:

- целью введения запретов является обеспечение защиты конкуренции;
- каждый запрет является идеальной моделью, отражающей определенную ситуацию, в которой снижается эффективность конкуренции, а следовательно, и эффективность функционирования рынка;
- конструкция правового запрета основана на сочетании частных запретов (список которых является открытым) и общего запрета на совершение деяния, приводящего к негативным последствиям для конкуренции.

Таким образом, понятие «нарушение антимонопольного законодательства» в своем специальном значении, которое придается ему антимонопольным законодательством, отличается как от категории правонарушения, так и от просто деяния, не соответствующего антимонопольному законодательству.

Нарушение антимонопольного законодательства представляет собой основание для возникновения широкого круга правоотношений, связанных с защитой конкуренции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права. — М., 1972.
2. Борзило Е. Ю. Антимонопольные ограничения предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016.
3. Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Юридическая ответственность. — М., 2005.
4. Городов О. А. Недобросовестная конкуренция: теория и правоприменительная практика. — М. : Статут, 2008.
5. Еременко В. И. Правовое регулирование конкурентных отношений в России и за рубежом : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2001.
6. Еременко В. И. Пресечение недобросовестной конкуренции в Российской Федерации // Государство и право. — 1998. — № 1.
7. Кинев А. Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014.
8. Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. — М., 1981.

9. *Липинский Д. А., Хачатуров Р. Л.* Общая теория юридической ответственности : монография. — СПб., 2007.
10. *Малеин И. С.* Правонарушение: понятие, причины, ответственность. — М., 1985.
11. *Маркварт Э.* Сравнительный анализ регулирования недобросовестной конкуренции в законодательствах ФРГ, Европейского союза и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998.
12. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. — М., 2001.
13. Сегал (Решетникова) С. Б., Маслов А. О. Пятый антимонопольный пакет: научно-практический комментарий новелл // Закон. — 2024. — № 7. — С. 33—42.
14. *Тотьев К. Ю.* Конкуренция и монополии. Правовые аспекты регулирования. — М., 1996.
15. *Трубинова Е. И.* Акты недобросовестной конкуренции в сфере прав на средства индивидуализации в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014.
16. *Ханчукаева Л. А.* Злоупотребление субъектами предпринимательской деятельности доминирующим положением с использованием цифровых платформ: правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2025.

Экономическая солидарность как принцип конкурентного права

Аннотация. Статья посвящена анализу норм законодательства о защите и развитии конкуренции в контексте принципа экономической солидарности, который до настоящего времени в науке конкурентного права не сформулирован.

В ходе проведенного исследования доказывается, что конституционный принцип экономической солидарности является одним из основных принципов конкурентного права.

Отмечается, что антимонопольные запреты и ограничения преследуют цель установления справедливого баланса прав и интересов государства, хозяйствующих субъектов и граждан. Правила о допустимости отдельных видов соглашений и иных действий, ограничивающих конкуренцию, а также одобряемые антимонопольным органом инструменты саморегулирования являются проявлениями единства убеждений и действий, взаимной поддержки и совместной ответственности государства и участников рынка в целях обеспечения устойчивого роста экономики России и благополучия граждан. Приведенные обстоятельства безусловно свидетельствуют о наличии признаков экономической солидарности, пронизывающих нормы конкурентного права.

Ключевые слова: экономическая солидарность, конкурентное право, принципы права, конкуренция, единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, экономический суверенитет, взаимное доверие, антимонопольные запреты, допустимые соглашения

**Олеся Владимировна
МИЛЬЧАКОВА,**

доцент кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат
юридических наук, доцент,
докторант Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)

ovmilychakova@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.085-094

Olesya V. MILCHAKOVA,

Associate Professor of the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law), Associate professor,
doctoral student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ovmilchakova@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Economic solidarity as a principle of competition law

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the norms of legislation on the protection and development of competition in the context of the principle of economic solidarity, which has not yet been formulated in the science of competition law.*

The conducted research proves that the constitutional principle of economic solidarity is one of the basic principles of competition law.

It is noted that antimonopoly prohibitions and restrictions are aimed at establishing a fair balance of the rights and interests of the state, economic entities and citizens. The rules on the admissibility of certain types of agreements and other actions that restrict competition, as well as the self-regulation tools approved by the antimonopoly authority are manifestations of the unity of beliefs and actions, mutual support and joint responsibility of the state and market participants in order to ensure sustainable growth of the Russian economy and the well-being of citizens. The above circumstances certainly indicate the presence of signs of economic solidarity that permeate the norms of competition law.

Keywords: *economic solidarity, competition law, principles of law, competition, unity of economic space, free movement of goods, economic sovereignty, mutual trust, antitrust prohibitions, permissible agreements*

Принципы являются определяющими началами, идеями, которые лежат в основе формирования, действия, применения, трансформации и развития правовых норм, составляющих отрасль права. Как обоснованно указывает Д. Е. Петров, наряду с функциями, принципы также характеризуют метод правового регулирования отрасли права¹.

Принципы, являясь основой отрасли права, сформулированы непосредственно в ее нормах либо извлекаются в правоприменении или доктринально в результате комплексного толкования правовых норм. По прошествии времени они могут видоизменяться, модифицироваться, устаревать либо заново формироваться.

В настоящее время не имеется единого учения или единообразного суждения о принципах рассматриваемой отрасли права, их сущности и многообразии, преломлении к меняющимся экономическим обстоятельствам.

¹ Петров Д. Е. Отраслевое строение права и его структура: аспекты соотношения // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2015. № 2 (82).

Заслуживает внимания точка зрения на данный вопрос, обозначенная С. А. Пузыревским, который, определяя конституционные принципы, в числе относимых к конкурентному праву приводит: единство экономического пространства и одновременно свободу экономической деятельности, свободное перемещение товаров; поддержку конкуренции наряду с запретом экономической деятельности, нацеленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию; защиту государством прав и свобод человека и гражданина. Здесь стоит заметить, что межотраслевые принципы конкурентного права в литературе в целом не выделяются.

В ряду отраслевых принципов ученый приводит: недопустимость монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, антиконкурентных действий и соглашений органов власти, а также предупреждение монополизации рынков в условиях контроля экономической концентрации, возмещение ущерба, причиненного нарушением антимонопольного законодательства, эффективность санкций за такие нарушения, обеспечение конкуренции при проведении торгов².

А. Л. Варламова называет общими конституционными принципами конкурентного права разнообразие и равную защиту любых форм собственности, свободное перемещение товаров, свободу экономической деятельности.

Представляет интерес позиция профессора А. Л. Варламовой, которая считает, что защита экономически слабого субъекта, учет отраслевых особенностей товарных рынков, недискриминационность, добросовестность, взаимосвязь конфликта и солидарности интересов (сотрудничества), единство свободной конкуренции и свободы договора должны рассматриваться как отраслевые принципы конкурентного права³.

Г. П. Чернышов и М. А. Егорова подчеркивают, что к принципам конкурентного права надлежит причислять единство интересов, запрет нарушения конкуренции, свободное перемещение товаров, развитие конкуренции и, несомненно, свободу экономической деятельности⁴.

Такие общеправовые принципы, как законность, свобода экономической деятельности и государственное регулирование рыночных отношений с принципами конкурентного права связывает К. Ю. Тотьев.

Защиту от недобросовестной иностранной конкуренции отечественных производителей, недопустимость направленной на недобросовестную конкуренцию и монополизацию рынков экономической деятельности, поддержку добросовестной конкуренции, единое экономическое пространство, дифференциацию и защиту публичных и частных интересов, специальное регулирование в сфере естественных и государственных монополий, запрет злоупотреблений, эффективность антимонопольного регулирования, равно как и сочетание предварительного и

² Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2021. С. 57—61.

³ Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки : монография. М. : Зерцало-М, 2021. С. 95—97.

⁴ Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018. С. 42—46.

последующего антимонопольного контроля, эксперт не без основания считает специальными принципами рассматриваемой отрасли права⁵.

Представляется, что причинами отсутствия единого доктринального мнения являются относительная «молодость» конкурентного права, к тому же, отсутствие в основном законе, на котором основано конкурентное право, — в Законе о защите конкуренции⁶ перечисления или какого-либо упоминания таких принципов. Данный Закон определяет лишь его цели.

Важно акцентировать внимание на том, что научные деятели в области конкурентного права в числе его принципов не упоминают принцип экономической солидарности, который, по замечанию Конституционного Суда РФ, до тех пор, пока он не был «текстуально (эксплицитно) запечатлен в Основном Законе», уже «стал, во многом под влиянием конституционно-судебной практики, одним из векторов конституционализации регулирования отношений в экономической сфере»⁷.

Статья 75.1 Конституции РФ⁸ с 2020 г. установила, что в России создаются условия для устойчивого экономического роста, повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Традиционно в понятие «солидарность» вкладывают единение мнений, уверен, сходство во взглядах, единство действий, взаимную поддержку и коллективную ответственность, без чего неосуществимо достижение общей цели. Анализируя научные трактовки понятия солидарности, вполне возможно согласиться с аргументами С. А. Агамагомедовой по поводу того, что «солидарность является собой ценность или свойство, присущее исключительно взаимодействию, а в отдельных случаях — сосуществованию или действиям в одной сфере отношений. Солидарность имеет «коллективное измерение» и генерируется не только общей, совместной деятельностью, а деятельностью или функционированием во имя общих целей, взаимодействием с тождественным, сходным, совпадающим вектором»⁹.

⁵ *Тотьев К. Ю.* Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник. М. : Издательство РДЛ, 2000. С. 76—82.

⁶ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

⁷ Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020—2023 годов)» // URL: <https://www.ksrf.ru/ru/info/maintenance/informationks/pages/default.aspx> (дата обращения: 10.04.2025).

⁸ Конституция РФ от 12.12.1993 (с изменениями от 01.07.2020) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

⁹ *Агамагомедова С. А.* Экономическая солидарность: конституционный принцип и ценность экономического взаимодействия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 2. С. 118.

Не давая определение понятиям «солидарность» и «экономическая солидарность», Конституционный Суд РФ отмечает, что «обращение к названному принципу помогает установить баланс имущественных интересов и в отношениях между частными лицами, и при выполнении лежащих на государстве обязательств перед частными лицами, в том числе в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки... Содержание принципа солидарности... находится в тесной взаимосвязи с нормативным наполнением принципов социального государства, конституционными положениями о недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав и свобод, о создании условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантирования защиты достоинства граждан и уважения человека труда, обеспечения сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства. Поддержание гражданского мира и согласия выступает в этой связи основным целеполаганием, реализуемым рассматриваемым принципом»¹⁰.

Поскольку конкурентное право регулятивно воздействует на возможность и реальное участие граждан в народном хозяйстве, оно призвано согласовывать несовпадающие интересы производителей, продавцов, потребителей, задействованных в процессах распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ. Удовлетворение интересов каждого из участников таких экономических процессов и взаимодействий ограничивается необходимостью обеспечения удовлетворения интересов всех сторон процесса или взаимодействия, что в конечном итоге должно обеспечить максимальное достижение целей всех участников, которое возможно только в условиях экономического благополучия общества и государства.

В этой связи экономическая солидарность выражается прежде всего в восприятии законом злоупотреблений доминирующим положением, противных конкуренции актов (действий) органов власти, нечестной конкуренции, антиконкурентных договоренностей и согласованных действий. В первом случае солидарность находит свое проявление в поддержке более слабой стороны экономических отношений, во втором — в требовании соблюдения равенства участников рынка при получении доступа к государственному, муниципальному имуществу, а также в равном претерпевании справедливого и допустимого воздействия административного (публичного) ресурса на свободу экономической деятельности хозяйствующих субъектов; в третьем — в требовании о добросовестном поведении в предпринимательской деятельности, в четвертом — в защите конкуренции как конституционной ценности, несущей материальные и нематериальные блага для потребителей и экономики государства в целом.

Не оценивая в целом в настоящем исследовании санкции за нарушения антимонопольного законодательства, в то же время нельзя обойти стороной такую меру принудительного воздействия к нарушителям, как требование уплатить в государственный бюджет доход, извлеченный в связи с нарушением антимонопольного законодательства. Эта конкретная мера по своей сути носит компенсаторный характер, поскольку призвана компенсировать расходы государства,

¹⁰ Информация Конституционного Суда РФ...

которые не подлежат исчислению и касаются устранения негативных социально-экономических последствий нарушения. Тем самым обеспечивается восстановление баланса публичных и частных интересов.

В используемых антимонопольным органом инструментах так называемого мягкого права, к которым, бесспорно, должны быть причислены предостережения и предупреждения, не влекущие применения штрафных санкций за их неисполнение, но позволяющие на добровольной основе воздержаться от совершения правонарушения или, соответственно, устранить его признаки, опять же наблюдаются элементы сотрудничества и взаимной поддержки органов власти и участников рынка.

Как только антимонопольное законодательство соотносит его применение с ущемлением интересов неопределенного круга потребителей, проявление принципа экономической солидарности обнаруживается в необходимости учета доминирующим субъектом и антимонопольным органом интересов не только лица, обратившегося с заявлением о нарушении антимонопольного законодательства (к примеру, в связи с установлением монопольно высокой цены товара), но и значительного количества лиц, заранее (впрочем, как правило, и в последующем) не известных. Последнее в рассматриваемом случае неважно применительно к антимонопольным запретам. В самом деле, в такого рода состоянии дел подлежит оценке «потенциальная возможность нарушения в целом прав потребителей как участников рынка (отдельных групп потребителей) с учетом характера допущенных соответствующим субъектом нарушений, наступивших последствий или последствий, которые могут наступить в будущем»¹¹.

В рамках укрепления вышеизложенных аргументов невозможно не акцентировать внимание на самоочевидности цели по защите прав предельного числа граждан, которые уже претерпели негативные последствия (или могут претерпеть их) от неправомерного деяния правонарушителя, в действиях антимонопольного органа в части обнародования на официальном сайте в сети Интернет решений или предписаний, которые затрагивают интересы неопределенного круга потребителей.

Определяя пределы свободы договора, например, запрещая навязывать контрагентам (как покупателям, так и продавцам) условия договора, которые являются невыгодными для них, лишая права на отказ от заключения договора либо воспрещая устанавливать неодинаковые цены на одинаковый товар, антимонопольные запреты одновременно, исходя из принципа экономической солидарности, служат основой для формирования устойчивого и разумного равновесия прав и законных интересов субъектов хозяйствования.

В частности, подобные действия доминирующего субъекта запрещены, если только они являются экономически или технологически необоснованными. Тем самым конкурентное право подчеркивает непозволительность экономически и технологически несоразмерного перераспределения предпринимательского риска между продавцами и покупателями, потому что избыточно и несправедливо наложенное обременение может породить отторжение интереса к осуществлению

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.08.2021 № 2 // Российская газета. 24.03.2021. № 61.

хозяйственной деятельности, вызвать сомнение в публичных учреждениях и институтах, миссией которых являются охрана и восстановление законных прав и интересов как предпринимателей, так и граждан.

В контексте солидарности следует принимать в расчет и положения законодательства, которые при соблюдении ряда условий позволяют признавать допустимыми (т.е. не запрещаемыми), к примеру, монопольно высокую цену на товар, явившийся результатом инновационной (по сути, новаторской) деятельности (ч. 2 ст. 6 Закона о защите конкуренции), либо антиконкурентных соглашений, целью и итогом которых служат рост конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке, мотивация и стимулирование технического, экономического прогресса (ч. 1 ст. 13).

Думается, что данные правовые нормы предопределены единством убеждений и действий государства, производителей (продавцов) товаров и потребителей для достижения общих целей в устойчивом экономическом росте государства, повышения благосостояния граждан, что в принципе органически присуще экономической солидарности.

Подобным единством и взаимной поддержкой пропитаны также положения Закона о защите конкуренции, предусматривающие возможность определения Правительством РФ случаев допустимости соглашений, ограничивающих конкуренцию (ч. 2 ст. 13, п. 1 ст. 16).

При этом общие исключения иницируются федеральным антимонопольным органом, вводятся Правительством РФ, имеют определенный срок действия и должны соответствовать предъявляемым к ним требованиям о недопустимости отдельных положений и об обязательном включении особых правил.

Такие исключения, к примеру, были зафиксированы в рамках гарантирования проведения в 2010—2012 гг. сельскохозяйственных работ — в отношении соглашений о снижении и поддержании цен при реализации сельскохозяйственным товаропроизводителям горюче-смазочных материалов отдельных видов. Субъектами этих соглашений являлись участники рынка и органы власти.

В 2018 г. Минэнерго России было поручено совместно с ФАС России заключить с индивидуальными хозяйствующими субъектами соглашения о мерах по стабилизации и развитию внутреннего рынка нефтепродуктов. Целью данных мер являлось снижение цен на бензин и дизельное топливо на внутреннем рынке, явившееся следствием подорожания нефти и снижения экспортных пошлин в рамках «налогового маневра», который привел к увеличению поставок нефти на экспорт, образованию дефицита топлива внутри страны и повышению цен.

В 2020 г. Правительством РФ в целях стабилизации цен на сахар на внутреннем рынке вследствие возникновения дефицита были предписаны возможные условия соглашений об экспорте за пределы Евразийского экономического союза сахара белого и свекловичного. Участниками подобных соглашений могли выступать производители и продавцы такого сахара.

В 2023 г. в целях стабилизации цен на социально значимые продукты (мясо, птица, рыба, масло, молоко, яйца, сахар, соль, хлеб и др.) введены исключения в отношении соглашений, заключаемых региональными органами власти с хозяйствующими субъектами.

Приведенные примеры правового регулирования демонстрируют совместное (солидарное) участие государства и субъектов рынка в стабилизации цен на товары в целях недопущения социальной напряженности в обществе, обеспечения благополучия потребителей — граждан, а также предпринимателей, использующих такие товары в качестве сырья при производстве своей конечной продукции или топлива для осуществления своей основной деятельности. Внося таким образом совместный вклад в эффективное функционирование товарных рынков, государство и субъекты хозяйствования проявляют тем самым совместную ответственность за будущее России.

Существенным фактором взаимного доверия государства и общества, свойственного экономической солидарности, является уверенность граждан в реализации государством политики содействия развитию и поддержки конкуренции.

Так, Конституция РФ в ст. 8 среди основ конституционного строя называет конкуренцию, гарантируя ее поддержку, а также свободу экономической деятельности. При этом представляется, что именно эти директивы вынуждают правотворца и правоприменителя раскрывать и углублять данные конституционные основы, обеспечивая надлежащие условия реализации общенациональной задачи в поддержке конкуренции.

Президентом России как гарантом Конституции РФ принят Указ № 618, заявивший о направлениях государственной политики по развитию конкуренции. Объявив основные принципы и цели вышеуказанной политики, Президент нашего государства одновременно возложил на органы власти в качестве приоритетного направления деятельности задачу по активному содействию развитию конкуренции в России. На период 2021—2025 гг. введен в действие Национальный план («дорожная карта»), который описал для органов власти задачи, включая ключевые показатели, требуемые в части развития конкуренции.

Перечисленные нормативные правовые акты как элементы системы источников конкурентного права превращают гарантированность поддержки конкуренции, провозглашенной ст. 8 Конституции РФ, в существенный фактор доверия к действиям публичной власти в целом.

Экономическая солидарность, основанная на взаимном доверии государства и общества, также находит свое отражение в реализуемой федеральным антимонопольным органом политике применения и одобрения инструментов саморегулирования в отдельных отраслях экономики. К примеру, в 2021 г. ФАС России представила проект принципов взаимодействия участников цифровых рынков, исключающий недобросовестные практики поведения. В последующем этот проект был воспринят участниками рынка и утвержден ими к соблюдению.

Взаимное доверие и сотрудничество государства и общества для достижения общей цели соблюдения антимонопольных правил проступают также в процедурах утверждения антимонопольного комплаенса, которым принято называть систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства.

В приведенном примере усматривается, что праву субъекта хозяйствования на утверждение такой системы корреспондирует установленная законом обязанность федерального антимонопольного органа (ФАС России) рассмотреть проект акта (проекты внутренних актов) об утверждении этой системы и выдать

заключение о его (об их) соответствии/несоответствии требованиям антимонопольного законодательства.

Широкое проявление основных начал экономической солидарности имеет место в рамках так называемого контрсанкционного законодательства, предусматривающего целый комплекс мер, направленных на противодействие незаконным экономическим и политическим санкциям, вводимым в отношении нашей страны, российских физических и юридических лиц недружественными государствами и международными объединениями. С одной стороны, эти меры, регулируя отношения государства с частными субъектами, облегчают или отменяют на временной основе выполнение хозяйствующими субъектами возложенных на них обязанностей, тем самым поддерживая добросовестных лиц, испытывающих затруднения в связи с санкционным давлением. С другой стороны, указанные меры одновременно создают условия для обеспечения финансовой стабильности государства, минимизируя внешние и внутренние угрозы экономическому суверенитету России также посредством приостановления действия существующего правового регулирования или введения новых обязанностей и порядка осуществления хозяйственных операций.

Что касается конкурентного права, то экономическая солидарность в рассматриваемом контексте выразилась, к примеру, во временной отмене:

- правоприменения запретов на принимаемые органами власти акты в связи с закупками товаров для государственных (муниципальных) нужд у единственного поставщика;
- обязательного предварительного согласования с антимонопольным органом сделок по приобретению активов отдельных хозяйствующих субъектов (финансовых организаций, а также обществ, суммарная стоимость активов которых в совокупности с активами входящих в их группу лиц обществ не превышает 2 млрд руб.);
- обязательного предварительного согласования с антимонопольным органом предоставления органами власти преференций, целями которых являются поддержка субъектов малого, среднего предпринимательства, социальное обеспечение населения, оборона и безопасность страны.

По итогам проведенного анализа следует резюмировать, что нормы законодательства о защите и развитии конкуренции пронизаны принципом экономической солидарности, и данный конституционный принцип, без сомнения, является одним из основных принципов конкурентного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агамагомедова С. А. Экономическая солидарность: конституционный принцип и ценность экономического взаимодействия // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 114—138.
2. Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки : монография. — М. : Зерцало-М, 2021.
3. Каширина М. В. Нефтедобыча и переработка: проблемные вопросы налогообложения и администрирования // Налоги и налогообложение. — 2020. — № 3. — С. 56—66.

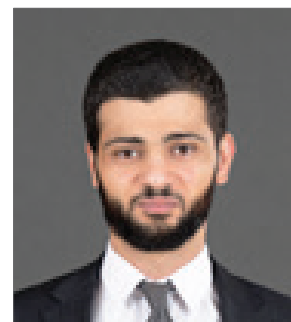
4. Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. — М. : Проспект, 2021.
5. Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. — М. : Юстицинформ, 2018.
6. *Петров Д. Е.* Отраслевое строение права и его структура: аспекты соотношения // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2015. — № 2 (82).
7. *Тотьев К. Ю.* Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции) : учебник. — М. : Издательство РДЛ, 2000.

Принцип приоритета содержания над формой в конкурентном праве

Аннотация. Автор анализирует принцип приоритета содержания над формой применительно к формирующейся отрасли конкурентного права. На основании анализа отдельных сквозных проявлений данного принципа в различных институтах конкурентного права автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего изучения данного принципа в конкурентном праве, а также об особенном значении судебного контроля и разъяснительных актов самого антимонопольного органа для эффективного функционирования данного принципа в конкурентном праве.

Ключевые слова: принципы права, конкурентное право, приоритет содержания над формой, злоупотребление доминирующим положением, государственный контроль за экономической концентрацией, судебный контроль

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.095-105

**Карин Бениаминович
ОВАКИМЯН,**

старший преподаватель
кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
адвокат, советник
юридической фирмы Denio,
кандидат юридических наук
**karinhovakimyan@
gmail.com**
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Karin B. OVAKIMYAN,

Senior Lecturer, Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
lawyer of the Counsel at Denio law firm,
Cand. Sci. (Law)

karinhovakimyan@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The principle of priority of content over form in competition law

Abstract. The author examines the principle of substance over form within the context of the evolving competition law branch. By analyzing specific cross-cutting applications of this principle across various institutions of competition law, the author concludes that further research into this principle is essential. Additionally, the author highlights the critical role of judicial review and interpretive acts issued by the antimonopoly authority in ensuring the effective implementation of this principle in competition law.

Keywords: legal principles, competition law, substance over form, abuse of dominant position, merger control, judicial review

Под принципами права традиционно понимаются выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закреплённые в нем закономерности общественной жизни¹.

Принципы права — основополагающие идеи, закреплённые в официальных источниках права или получившие признание в юридической практике и отражающие закономерности развития общественных отношений².

Принципы права основываются на базовых началах правового регулирования, могут выражаться как в нормативно-правовой форме, так и получать свое воплощение в правоприменительной практике. Основной целью принципов права является создание каркаса права, в том числе отдельных его отраслей, обозначение направлений его развития и заполнение пробелов.

В юридической науке высказываются мнения о существовании принципов права вне зависимости от их закрепления не только в нормативной форме, но также и в правоприменительной практике (отсутствие выражения принципов в позитивном праве в целом). Тем не менее даже и при таких обстоятельствах ученые утверждают о независимом существовании правовых принципов и, скорее, о недостатках позитивного права, которым соответствующий принцип выявлен не был, нежели об отсутствии принципа как такового³.

Таким образом, можно говорить о правовых принципах как об универсальных, основополагающих началах, существование которых объективно. Данный подход подразумевает осмысление правовых принципов через анализ основных закономерностей человеческой (индивидуальной) и социально-экономической (коллективной) природы, особенностей человека и общества, а также исторических путей достижения наиболее оптимального баланса личных и общественных интересов.

Кроме того, ученые называют принципы права его «сквозными идеями»⁴. В этой связи принцип права может и не иметь прямого закрепления в позитивном праве, но тем не менее существовать в праве и эффективно применяться в рамках правоприменительной практики.

При таком подходе основной задачей правоведов, законодателя, правоприменителя становится осознание правовых принципов через призму оценки данных особенностей и (при необходимости) приведение позитивного права (нормативно-правовой базы и правоприменительной практики) в русло объективных (естественных) принципов.

В данном контексте в настоящем исследовании предполагается обозначить актуальное направление для изучения одного из принципов конкурентного права — принципа приоритета содержания над формой. Не претендуя на завершённый характер исследования, работа предполагает дальнейшие дискуссии и исследования о том, насколько действительно конкурентному праву объективно свойствен такой принцип, а если действительно свойствен, то какие новые

¹ Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102.

² Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Российское юридическое образование, 2010. С. 193—194.

³ Коновалов А. В. К вопросу о понятии принципов права // Lex russica. 2018. № 8. С. 81—87.

⁴ Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 1. С. 102.

правовые инструменты и механизмы, вытекающие из данного принципа, могут способствовать более гармоничному и в то же время более эффективному регулированию отношений, составляющих предмет конкурентного права.

Принципы конкурентного права

Принципам конкурентного права посвящен определенный круг работ ученых. В частности, систему принципов конкурентного права выводит С. А. Пузыревский, разделяя их на конституционные (единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, запрет монополизации и недобросовестной конкуренции, свобода экономической деятельности, государственная защита прав и свобод человека) и отраслевые (свобода экономической деятельности, недопустимость монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, обеспечение конкуренции при проведении торгов, предупреждение монополизации посредством контроля экономической концентрации, эффективность санкций, возмещение ущерба)⁵.

Собственную систему классификации принципов конкурентного права предлагает А. Н. Варламова, выделяя в качестве отраслевых принципов конкурентного права учет отраслевых особенностей товарных рынков, недискриминационность, взаимосвязь конфликта и солидарности интересов, добросовестность, единство свободной конкуренции и свободы договора, защиту экономически слабого субъекта.

Вопросам регулирующего воздействия правовых принципов на действие антимонопольных ограничений посвящена также и часть работы Е. Ю. Борзило⁶.

Содержание принципа приоритета содержания над формой

В настоящее время исследования принципов конкурентного права продолжаются, что, безусловно, способствует дальнейшему становлению развивающейся отрасли права. В то же время основательные исследования принципа приоритета содержания над формой применительно к конкурентному праву пока отсутствуют.

Исторически принцип приоритета содержания над формой перешел в российскую правовую систему из системы общего права. Например, в США в деле *Gregory v. Helvering* (1935) применение данного принципа свелось к налоговой переквалификации цепочки взаимосвязанных сделок, осуществленных физическим лицом для целей уклонения от уплаты налогов (вместо передачи акционеру имущества компании в формате выплаты дивидендов, что предполагало обложение налогом, акционером был предпринят ряд действий, связанных с корпоративной реорганизацией общества и выделением имущества для целей

⁵ Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2022. С. 85—94 (автор главы — С. А. Пузыревский).

⁶ Борзило Е. Ю. Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

формального исключения необходимости уплаты налога, что было воспринято судами в качестве мнимых сделок и переквалифицировано с соответствующими налоговыми последствиями).

В этой связи принцип приоритета содержания над формой, будучи межотраслевым, устоялся в другой отрасли — налоговом праве, а также в правилах бухгалтерского учета (являясь базовым принципом МСФО) и в строгом смысле не является исключительно правовым принципом.

В современном российском праве прямое нормативное закрепление данному принципу было предоставлено, например, в п. 6 Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008). Согласно данной норме, учетная политика организации должна обеспечивать «отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания и условий хозяйствования (требование приоритета содержания перед формой)».

Если кратко, то содержание принципа заключается в учете реального экономического положения дел и в приоритете такого положения над формально юридическим. Например, если организация производит товары на арендованной площадке при помощи арендованного оборудования, то учет на балансе такой организации только собственного оборудования может исказить показатели рентабельности капитала такой организации. Напротив, учитывая на балансе арендованное имущество, компания более объективным образом отразит те основные средства, с помощью которых она добивается своей рентабельности, что окажет более информативное воздействие на кредиторов и инвесторов.

Аналогичным образом принцип получил и нормативное закрепление в Налоговом кодексе РФ. Например, положения ст. 54.1 НК РФ запрещают налогоплательщику уменьшать налоговую базу или сумму налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной деятельности налогоплательщика. В частности, ФНС России относит к формам такого искажения искусственное дробление бизнеса, нереальность исполнения сделки, искусственное создание условий для применения пониженных налоговых ставок и т.д.⁷

Однако еще до прямого закрепления в НК РФ принцип получил широкое распространение в практике судов. В частности, еще в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 указывалось, что «налоговая выгода может быть признана необоснованной, в частности, в случаях, если для целей налогообложения учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом или учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера)».

В сфере налогового права выделяют подформы приоритета существа над формой в налоговом праве, в частности доктрину «срывания корпоративной вуали», «доктрину деловой цели», сквозной подход при определении фактического права на доход (в контексте избежания двойного налогообложения) и тест на дробление бизнеса⁸.

⁷ Письмо ФНС России от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@.

⁸ *Голенев В. В.* Доктрина приоритета существа над формой // 2019. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/doktrina-prioriteta-sushchestva-nad-formoy/>.

Из смежных отраслей, безусловно, необходимо также отметить ст. 170 ГК РФ, которая содержит проявления правила приоритета содержания над формой (к притворным сделкам применяются правила той сделки, которая подразумевалась сторонами).

Приоритет содержания над формой в конкурентном праве

При подробном анализе становится очевидным, что приоритет содержания над формой отчетливо и сквозным образом присутствует во множестве положений Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В частности, раскрытые в ст. 4 основные понятия, используемые в Законе о защите конкуренции, преимущественно исходят из приоритета реального экономического содержания тех или иных явлений над их внешней формой:

- товар определяется как любой объект гражданских прав, предназначенный для введения в оборот (а не только подлежащий купле-продаже в понимании ГК РФ);
- недобросовестная конкуренция определена как любые действия хозяйствующих субъектов, соответствующие трем базовым признакам, независимо от их внешнего выражения;
- соглашения определены как любые договоренности вне зависимости от формы их закрепления (устно или письменно, по правилам ГК РФ или нет);
- экономическая концентрация рассматривается как любые действия, оказывающие влияние на состояние конкуренции;
- приобретение акций (долей) — как любое приобретение права распоряжаться голосами на общем собрании (вне зависимости от того, приобретаются ли акции (доли), например, в собственность).

В свою очередь, концепция доминирующего положения (ст. 5 Закона о защите конкуренции) исходит из первичности факта наличия у хозяйствующего субъекта рыночной власти (содержание) по отношению к его рыночной доле (форма). Другими словами, теоретически даже хозяйствующий субъект с долей свыше 50 % на рынке может доказать отсутствие у него доминирующего положения в силу отсутствия реальной возможности оказывать решающее влияние на общие условия обращения товаров на рынке (п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона о защите конкуренции).

Монопольно высокой ценой не признается цена, которая не превышает цену на сопоставимом товарном рынке в условиях конкуренции (содержание), даже несмотря на возможное повышение цены доминирующим хозяйствующим субъектом и вне зависимости от уровня его рентабельности (ст. 6 Закона о защите конкуренции).

Достаточно яркое воплощение принцип приоритета содержания над формой получил при определении критериев отнесения нескольких физических и юридических лиц к одной группе (ч. 1 ст. 9 Закона о защите конкуренции). В частности, приводя ряд формальных критериев (владение акциями (долями), осуществление функций ЕИО, совпадение состава коллегиальных органов, родственные связи), законодатель тем не менее дополняет норму указанием на наличие любых иных

отношений, в рамках которых одно лицо вправе давать другому обязательные для исполнения указания.

Распространяя требования антимонопольного законодательства в равной степени на группу лиц (т.е. как на отдельных субъектов, так и на их совокупность), законодатель практически прямо указывает на зависимое положение формы перед содержанием (ч. 2 ст. 9 Закона о защите конкуренции). В данном случае форма как бы выполняет подчиненную функцию, служит лишь индикатором наличия риска, но главенствующая роль отдается содержанию — реальному экономическому положению дел, в котором вся группа лиц подчинена единому экономическому интересу, а в большинстве случаев и в принципе контролируется одним лицом.

Более того, Верховный Суд РФ, толкуя положения ст. 9 Закона о защите конкуренции, определяет, что, несмотря на формальное указание Закона о защите конкуренции (п. 7 ч. 1, ч. 2 ст. 9), «к лицу, формально вошедшему в группу лиц, может не применяться правовой режим этой группы, если при рассмотрении дела будет установлено, что в действительности данное лицо автономно в определении своего поведения на товарном рынке» (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2).

Аналогичным образом приоритет содержания над формой выразился в позиции Верховного Суда о допустимости квалификации в качестве координации (ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции) действий хозяйствующего субъекта, если координируемые лица находятся в состоянии экономической зависимости от координатора, несмотря на наличие между ними вертикального соглашения (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2).

Тем не менее ни в первом, ни во втором случае нет прямого указания в законе на допустимость такой квалификации в качестве координации действий в рамках вертикального соглашения, равно как и отсутствует указание на допустимость не распространять режим группы лиц на отдельных лиц, которые формально в эту группу входят. В этой связи можно предположить, что Верховный Суд, включая соответствующие положения в текст Постановления Пленума от 04.03.2021 № 2, руководствовался как раз принципами права, призванными заполнить пробелы правового регулирования, и не в последнюю очередь — принципом приоритета содержания над формой.

При дальнейшем анализе Закона о защите конкуренции сквозные выражения принципа приоритета содержания над формой выражаются в запретах иных форм злоупотребления доминирующим положением (ч. 1 ст. 10), иных антиконкурентных соглашений (ч. 4 ст. 11), иных форм недобросовестной конкуренции (ст. 14.8).

Существенный набор правовых инструментов, опирающихся на принцип приоритета содержания над формой включен в главу 7 Закона о защите конкуренции, посвященную регулированию государственного контроля за экономической концентрацией. В частности, согласно положениям ст. 28—29 согласование требуется в отношении любых сделок, влекущих переход права голоса, а не только сделок, предусматривающих переход права собственности на акции/доли. Более того, законодатель включает в Закон п. 8 ч. 1 ст. 28 с требованием о согласовании сделок, влекущих приобретение права определять условия осуществления предпринимательской деятельности. В таком ключе в целом можно определить цель контроля экономической концентрации — она как раз и заключается в

государственном контроле сделок, влекущих переход реального экономического влияния в отношении средств производства, что достаточно близко к праву определять условия осуществления предпринимательской деятельности.

С помощью конструкции таких бланкетных норм (ч. 1 ст. 10, ч. 4 ст. 11, ст. 14.8, п. 8 ч. 1 ст. 28 и др.) законодатель как бы предоставляет правоприменителю усмотрение и право при необходимости исходить из реальности сложившихся экономических отношений в первую очередь, а не из их внешней формы, что могло бы иметь место в отсутствие таких норм.

Такой подход, безусловно, вызван спецификой антимонопольного регулирования, наличием многообразия форм экономических отношений, существенной динамикой их содержания, необходимостью борьбы с недобросовестными участниками рынка для защиты публичных интересов, постоянной необходимостью адаптации правоприменительной практики к меняющимся условиям обращения товаров на товарных рынках. Конституционный Суд РФ в этой связи признает допустимым использование в правовом регулировании оценочных или общепринятых понятий «с учетом особенностей конкретных объектов правовой охраны и необходимости адекватного и пропорционального применения административно-правовых запретов в условиях многообразия складывающихся в конкретной сфере моделей поведения» (определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 185-О).

В действительности такой подход не нарушает вытекающее из Конституции РФ требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм при условии наличия развитой системы отраслевых принципов и эффективной практики по даче разъяснений по вопросам применения антимонопольного законодательства. В этой связи многочисленные разъяснения ФАС России, а также акты высших органов судебной власти имеют первостепенное значение при обеспечении ясности и определенности антимонопольного законодательства.

Отдельно следует отметить, что приоритет содержания над формой зачастую выражается не только в законодательстве, но и в практике антимонопольного органа и судов по конкретным делам.

Например, ФАС России и суды на практике отказывают хозяйствующим субъектам в применении так называемых антимонопольных иммунитетов для интеллектуальной собственности в тех случаях, когда заявляемые хозяйствующими субъектами права в действительности выходят за пределы реализации исключительных прав⁹.

Однако представляется, что наличие антимонопольных иммунитетов в Законе о защите конкуренции в целом противоречит принципу приоритета содержания над формой, создавая лишние барьеры для эффективного антимонопольного контроля отдельных случаев злоупотреблений со стороны правообладателей, особенно на рынках распространения не товаров, произведенных с помощью охраняемых объектов интеллектуальной собственности, а, например, самих

⁹ Решение по делу № 05/01/10-63/2021 от 25.05.2022 ; постановление СИП по делу № А40-72785/2020 ; определение Верховного Суда РФ по делу № А40-72785/2020. См. также: Борзило Е. Ю. Указ. соч. С. 56.

результатов интеллектуальной деятельности (например, программ для ЭВМ либо баз данных), т.е. на так называемых рынках технологий¹⁰.

Приоритет содержания над формой явным образом был применен судами также в деле № А40-45414/2019 об оспаривании сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия ФАС России. В частности, суды указали, что балансовую стоимость приобретенных активов (п. 7 ч. 1 ст. 28 Закона о защите конкуренции) следует считать не только строго по учету в отношении активов, являвшихся предметом сделки (форма), необходимо также учитывать стоимость активов, неразрывно связанных с передаваемыми активами (содержание), без которых отсутствовала экономическая целесообразность в приобретении активов, формально включенных в договор купли-продажи.

Регулирующая функция принципа приоритета содержания над формой

Использование в конкурентном праве принципа приоритета содержания над формой способствует смягчению двух основных рисков, связанных с контрольно-надзорной деятельностью антимонопольного органа: риска недостаточного применения нормы права, а также риска чрезмерного применения нормы права. Оба риска сопряжены и вытекают из возможного формального подхода, не учитывающего реальное экономическое положение дел.

Например, до последнего времени была распространена практика антимонопольного органа по привлечению к административной ответственности за злоупотребление доминирующим положением путем наложения оборотного штрафа без достаточной доказательственной базы в отношении последствий злоупотребления, от которых зависела квалификация по соответствующей части ст. 14.31 КоАП РФ (имело ли место ограничение конкуренции). Так, законодатель сознательно перечисляет в качестве индикативных признаков ограничения конкуренции различные последствия данного явления, включая, например, сокращение количества независимых хозяйствующих субъектов на рынке (п. 17 ст. 4 Закона о защите конкуренции).

При этом в качестве содержательного (а не формально-индикативного) признака ограничения конкуренции законодатель указывает на создание возможности в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на рынке. Означает ли это, что любое сокращение количества независимых хозяйствующих субъектов само по себе создает возможности для отдельных хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на рынке? Представляется, что нет, далеко не в каждом случае. В этой связи судами совершенно обоснованно было рассмотрено дело, позиция по которому впоследствии была обобщена и доведена Верховным Судом РФ в Обзоре практики от 25.04.2025. В частности, Верховный Суд

¹⁰ Об этом см. подробнее: *Гаврилов Д. А., Петрова А. С.* Вызовы для антимонопольного регулирования в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 9. С. 48—56.

указывает на недопустимость формальной квалификации действий доминирующего субъекта в качестве ограничения конкуренции без надлежащего анализа состояния конкуренции на смежных рынках (п. 9 Обзора судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства).

В данном случае в рамках эффективного судебного контроля, в том числе в результате обобщения правоприменительной практики, Верховным Судом РФ при одновременном сохранении усмотрения правоприменителя (по вопросам установления фактов ограничения конкуренции) был также обеспечен принцип определенности и недопустимости произвольного вменения ограничения конкуренции в качестве последствия нарушения запрета ст. 10 Закона о защите конкуренции.

Обратный пример, когда формальный подход в ущерб реальному содержанию приводит к недостаточному применению нормы права, демонстрируют некоторые случаи из практики антимонопольного органа по согласованию сделок экономической концентрации. Как известно, Закон о защите конкуренции в случае выявления угрозы ограничения конкуренции в результате осуществления сделки имеет формальную дискрецию: либо отказать в согласовании сделки (п. 5 ч. 2 ст. 33), либо согласовать сделку с выдачей предписания (п. 4 ч. 2 ст. 33). Закон при этом не указывает, в каких случаях следует согласовывать сделку с выдачей предписания, а когда ее осуществление должно быть заблокировано.

Однако данная дискреция является формальной, а по существу — антимонопольный орган не вправе согласовать сделку, если ее осуществление приведет к ограничению конкуренции в отсутствие предпосылок для согласования, предусмотренных ст. 13 Закона о защите конкуренции (позитивный социально-экономический эффект от осуществления сделки). В противном случае, когда антимонопольный орган не имеет доступных механизмов нивелировать потенциальный негативный эффект для конкуренции с помощью предписания, сделка не может быть согласована. Равным образом данное правило действует и в обратную сторону — при наличии таких механизмов в согласовании сделки не может быть отказано.

ФАС России в целом обоснованно определяет, какие решения и при каких обстоятельствах могут приниматься антимонопольным органом в указанных условиях. В частности, возможные развилки достаточно однозначно определяются в п. 4.1 разъяснения ФАС России от 11.06.2021 № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией».

Однако данный подход, как показывает практика, не всегда в полной мере соблюдается правоприменителем. Так, на практике встречаются случаи, когда антимонопольный орган в короткий промежуток времени после согласования крупнейшей сделки экономической концентрации на рынке возбуждает дело о злоупотреблении доминирующим положением в отношении объединенной группы.

Представляется, что такая неоднородная правоприменительная практика обусловлена недостаточным законодательным закреплением полномочий антимонопольного органа с учетом принципа приоритета содержания над формой. В частности, текущее регулирование контроля экономической концентрации пронизано гражданско-правовыми конструкциями, отдающими предпочтение форме

вместо содержания. В этой связи такой подход к законодательному определению вступает в конфликт с принципом приоритета содержания над формой.

В то время как задача контроля экономической концентрации заключается в антимонопольном контроле процессов укрупнения реального бизнеса (вне зависимости на самом деле от его формы), законодателю почему-то приходится перечислять различные гражданско-правовые формы концентрации (купля-продажа акций, активов, приобретение прав, реорганизация обществ и др.). В действительности же достаточно перечисления в Законе о защите конкуренции нескольких оснований, гораздо более приближенных к содержанию экономической концентрации (чем к ее форме), например: приобретение прав определять условия осуществления предпринимательской деятельности (п. 8 ч. 1 ст. 28), приобретение активов (п. 7 ч. 1 ст. 28) или заключение соглашений о совместной деятельности (п. 8 ч. 1 ст. 27). Остальные случаи (например, приобретение более 50 % акций (долей), переход контроля в результате слияния/присоединения) представляют собой частные формы приобретения прав, позволяющих определять условия осуществления предпринимательской деятельности.

В данном контексте примечательно, что приобретение миноритарных долей (более 25 % или более 75 % акций (при наличии на момент сделки доли более 50 %)) только в исключительных случаях может предоставить покупателю контроль в отношении бизнеса объекта экономической концентрации, что, в свою очередь, ставит вопрос о целесообразности сплошного контроля таких сделок в принципе. На самом деле такие сделки следует контролировать лишь в тех случаях, когда их осуществление влечет одновременно приобретение прав определять условия осуществления предпринимательской деятельности и только по данному основанию, например, в случае одновременного заключения акционерного соглашения или такого распределения голосов на общем собрании акционеров, которое позволяет контролировать бизнес приобретаемой компании и с долей менее 50 % (по аналогии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ).

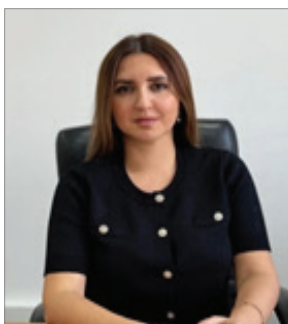
Одновременно с дальнейшим совершенствованием Закона о защите конкуренции, упрощением и обобщением излишне детализированных и наполненных гражданско-правовыми формальными конструкциями норм представляется крайне необходимым для конкурентного права и продолжение активной работы антимонопольного органа по изданию разъяснений, которые, будучи основанными на общих принципах конкурентного права, позволят устранить риски, связанные с неопределенностью правового регулирования. Эффективный судебный контроль для данных целей представляется как минимум не менее значимым.

Резюмируя содержание настоящей статьи, необходимо отметить, что конкурентному праву как отрасли права, процесс формирования которой продолжается, еще предстоит освоить свои основные отраслевые принципы. Специфика общественных отношений в сфере конкурентного права однозначно свидетельствует о необходимости развития научных работ, направленных на осмысление принципов, которые помогут устранить возникающие в правоприменительной практике коллизии и ошибки. В числе таких принципов может быть рассмотрен также и принцип приоритета содержания над формой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. —Свердловск, 1972.
2. *Борзило Е. Ю.* Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра. юрид. наук. — М., 2023.
3. *Гаврилов Д. А., Петрова А. С.* Вызовы для антимонопольного регулирования в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 9.
4. *Голенев В. В.* Доктрина приоритета существа над формой // 2019. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/doktrina-prioriteta-sushchestva-nad-formoy/>.
5. Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. — М. : Проспект, 2022.
6. *Коновалов А. В.* К вопросу о понятии принципов права // Lex russica. — 2018. — № 8.
7. *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Российское юридическое образование, 2010.

**Дарья Вагифовна
ШМЕЛЕВА,**

доцент кафедры
уголовного права
и процесса
Волгоградского
государственного
университета,
кандидат юридических наук
shmeleva.darya@mail.ru
400062, Россия,
г. Волгоград,
пр-т Университетский,
д. 100

К вопросу о проблеме системы источников отечественного конкурентного права

Аннотация. Автор исследует систему источников конкурентного права, акцентируя внимание на их формальном понимании в теории права, предпринимает попытку разграничить источники конкурентного права и правовые акты, контроль за соблюдением которых осуществляет антимонопольный орган, демонстрируя на примере из правоприменительной практики негативный эффект некорректного применения по аналогии инструментария конкурентного права к правоотношениям, не имеющим отношения к предмету конкурентного права. С опорой на теоретические изыскания в области права, а также правоприменительную практику автор приходит к выводу, что основанием для демаркации таких источников может быть разработка в теории права системы принципов, которые сами по себе также являются источниками права независимо от их нормативного закрепления.

Ключевые слова: источники права, конкурентное право, применение конкурентного права, источники конкурентного права, система источников конкурентного права, принципы права, принципы конкурентного права, антимонопольное законодательство, значение принципов права

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.106-113

Darya V. SHMELEVA,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd
State University,
Cand. Sci. (Law)

shmeleva.darya@mail.ru

100, prosp. Universitetskiiy, Volgograd, Russia, 400062

On the problem of the system of sources of domestic competition law

Abstract. In the article, the author explores the system of sources of competition law, focusing on their formal understanding in the theory of law. The author attempts to draw a watershed between the sources of competition law and legal acts, the control over compliance with which is carried out by the antimonopoly authority, demonstrating by example from law enforcement practice the negative effect of incorrect application by analogy of the tools of competition law to legal relations unrelated to the subject of competition law. Based on theoretical research in the field of law, as well as law enforcement practice, the author concludes that the basis for the demarcation of such

sources may be the development of a system of principles in the theory of law, which in themselves are also sources of law, regardless of their normative consolidation.

Keywords: *sources of law, competition law, application of competition law, sources of competition law, system of sources of competition law, principles of law, principles of competition law, antimonopoly legislation, the meaning of principles of law*

Конкурентное право представляет собой совокупность норм и принципов, регулирующих конкуренцию с направленностью на обеспечение справедливой и честной конкуренции между участниками рынка, защиту прав потребителей и предотвращение монополистической деятельности. В России конкурентное право является важным элементом регулирования рыночной экономики, которое в последние десятилетия развивалось в ответ на изменения в экономической политике и интеграции в мировую экономику. Правовая наука рассматривает источники права в таких значениях, как материальное, идеологическое, историческое, политическое и формальное (юридическое). В рамках настоящего исследования нас в большей степени будет интересовать формально-юридическое значение источников права.

В кафедральном учебнике по конкурентному праву Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Д. А. Гаврилов и С. А. Пузыревский определяют источники конкурентного права как систему нормативных правовых актов, международных договоров, являющихся результатом правотворческой деятельности уполномоченных государственных органов и международных организаций и регулирующих общественные отношения по развитию и защите конкуренции, отмечая специфическую особенность таких источников в формировании их только на федеральном уровне в силу прямого указания Конституции РФ¹.

С. А. Пузыревский и С. В. Максимов предлагают следующую систему принципов конкурентного права, выстраивая ее в иерархию по юридической силе:

- Конституция РФ и Гражданский кодекс РФ как акты, на которых основывается антимонопольное законодательство в силу прямого указания ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»², с очевидной приоритетностью Конституции в этой иерархии;
- международные акты, среди которых авторы учебника особо выделяют Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности 1883 г., Соглашение о торговых аспектах права интеллектуальной собственности (ТРИПС), Договор о ЕАЭС;
- федеральные законы, в число которых авторы учебника включают кодифицированные акты: Гражданский кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ и Уголовный кодекс РФ

¹ Конкурентное право России : учебник / Д. А. Гаврилов, С. В. Максимов, О. В. Мильчакова [и др.] ; отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2021. С. 66.

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

от 13.06.1996 № 63-ФЗ; Налоговый, Лесной и Водный кодексы РФ в части их отдельных положений, в том числе в части определения рыночности цен и запрета монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции при использовании водных объектов. Из неcodифицированных текущих законов к источникам конкурентного права отнесены: Закон о защите конкуренции (как базовый закон); федеральные законы от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»; от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»; от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»; от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях»; законодательство о контрактной системе и проведении закупок отдельными видами юридических лиц и государственном оборонном заказе; пул текущих законов, регулирующих предоставление услуг водо-, газо, электро-, теплоснабжения и водоотведения, услуг связи; законодательные акты, которые регламентировали проведение международных спортивных мероприятий в России, Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах», Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»;

- подзаконные акты, которые представлены значительным набором актов Президента и Правительства РФ, органов исполнительной власти, в том числе и ФАС России;
- правовые позиции высших судебных органов, а также разъяснения ФАС России признаются авторами учебника важными актами для формирования единообразной практики, толкования положений антимонопольного законодательства и устранения коллизий, но не признаются ими напрямую нормами и источниками права³.

Из представленного выше пула актов видно, что авторы указанного учебника при определении системы источников руководствовались не предметом регулирования соответствующих нормативных актов, а, скорее, полномочиями антимонопольного органа по осуществлению контрольных полномочий за соблюдением положений соответствующих актов.

Научно-практический комментарий к Закону о защите конкуренции под редакцией И. Ю. Артемьева также не дифференцирует понятия антимонопольного законодательства и законодательства, формирующего предмет контроля антимонопольного органа⁴. Встречаются в литературе и неоднозначные позиции, например, о том, что целая отрасль национального права, такая как административное право, является источником конкурентного права⁵.

³ Конкурентное право России : учебник. С. 68—107.

⁴ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / К. Н. Алешин, А. В. Андросенко, И. Ю. Артемьев [и др.] ; отв. ред. И. Ю. Артемьев. М. : Статут, 2015. С. 35—43.

⁵ Башлаков-Николаев И. В., Максимов С. В. Коллективное доминирование: проблемы отграничения от индивидуального доминирования и картеля // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 31—36 ; 2020. № 1. С. 10—13.

Однако корректен ли такой перечень источников права? Представляется, что корректен, но лишь отчасти, и вот почему. Конкурентное право, будучи достаточно молодым, находится в активной стадии своего становления, значительную роль в реализации которой играет Федеральная антимонопольная служба. ФАС России сегодня представляет собой орган исполнительной власти, наделенный значительным спектром полномочий, которые служба получила через многочисленные преобразования системы органов исполнительной власти РФ. Так, антимонопольному органу были переданы полномочия Федеральной службы по оборонному заказу РФ (Рособоронзаказ) и Федеральной службы по тарифам РФ, антимонопольный орган также был определен как условная служба «одного окна» и секретарский орган для Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации, а также для выявления случаев незаконного приобретения акций, долей, имущества, в том числе прав контроля в отношении стратегических обществ со стороны иностранных лиц в нарушение Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» и Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

В результате антимонопольный орган, наряду с присущими ему полномочиями по контролю за монополистической деятельностью и усилением рыночной власти хозяйствующих субъектов, а также антиконкурентных действий органов публичной власти, получил и иные полномочия. Сегодня к ним относятся полномочия:

- по регулированию рекламы;
- регулированию части вопросов, касающихся правового статуса субъектов малого и среднего предпринимательства, это касается вопросов участия таких хозяйствующих субъектов в государственных и муниципальных закупках, закупках, проводимых отдельными юридическими лицами, а также получения преференциальной и иной поддержки от государства;
- осуществлению контроля за деятельностью товарных и сырьевых бирж;
- контролю за ценообразованием на отдельных товарных рынках, например, продовольственной продукции, государственного оборонного заказа, тарификации услуг естественных монополий и т.д.;
- контролю за совершением сделок, заключаемым посредством проведения торгов в силу прямого обязывания закона, к которым относятся как государственные, муниципальные и так называемые корпоративные закупки, специализированные торги для получения прав на объекты недвижимости или специальные права, например, права оператора проекта комплексного развития территории, банкротные и приватизационные торги и т.д.;
- регулированию тарифов;
- контролю за деятельностью торговых сетей и их поставщиков продовольственных товаров;
- контролю иностранных инвестиций в отрасли, признаваемые стратегическими для российской экономики;
- контролю за конкурентными отношениями на товарных рынках различных энергоносителей;

- контролю за законностью кооперации между бизнесом и властью как через государственно-частное партнерство, так и за предоставлением государственных и муниципальных преференций;
- контролю в области государственного оборонного заказа⁶;
- контролю за добросовестностью деяний конкурентов: законностью использования информации, результатов интеллектуальной деятельности и свойств и качеств реализуемой продукции⁷.

Отметим, что неоднократно на смешение понятий антимонопольного законодательства (которое, несомненно, является частью конкурентного права) и законодательства, контроль за соблюдением которого возложен на антимонопольный орган, обращал внимание Верховный Суд РФ, который в деле № АКПИ24-164 очертил границы полномочий антимонопольного органа по контролю за торгами в рамках процедуры банкротства⁸.

Также более общая позиция была высказана высокой судебной инстанцией в п. 1 и 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», относительно того, что не каждый нормативный акт, содержащий положения, направленные на охрану и защиту конкуренции, относится к законодательству, регулирующему отношения в сфере защиты конкуренции, даже если контроль за их соблюдением находится в компетенции антимонопольного органа⁹. Для отнесения акта к системе источников конкурентного права важны его цели, предмет, общая направленность регулирующего эффекта норм, содержащихся в соответствующем акте.

Полагаем, что такая путаница может возникать и по причине того, что в российском праве отсутствует нормативное закрепление принципов соответствующей отрасли законодательства, что не позволяет на уровне как специальных, так и общих норм права производить демаркацию источников конкурентного права. Указанную проблему ярко иллюстрирует на примере значения принципов права А. Н. Варламова, которая пишет о том, что принципы имеют системное значение, обеспечивая регуляторный эффект, преследовавшийся законодателем при формулировании соответствующих норм¹⁰. Не вызывает у нас критику и позиция

⁶ Цыганов А. Г. Антимонопольные органы России (история создания и развития) // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 3 (23). С. 11—15.

⁷ Решение ФАС России от 18.05.2021 по делу № 08/01/14.2-52/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; ФАС вынесла предупреждения производителям шоколада и стирального порошка // URL: <https://fas.gov.ru/publications/19902?ysclid=lyzl5bt79p743889327> (дата обращения: 24.07.2024).

⁸ Решение Верховного Суда РФ от 24.06.2024 по делу № АКПИ24-164 // URL: https://drive.google.com/file/d/1fwmcsmx__pbjgzgp20s-dwin_ztl8odt/view?usp=drive_link (дата обращения: 24.07.2024).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Варламова А. Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 14—17.

С. С. Алексеева¹¹, и А. Л. Кононова¹² о характеристике принципов права как его источников, которые в ходе развития правовой системы могут получить и нормативное закрепление.

Стоит отметить, что описанная выше проблематика имеет не только значение для теоретических изысканий, но и негативное отражение в правоприменительной практике. Ярко иллюстрирует эту проблему практика территориальных управлений ФАС России при рассмотрении жалоб о нарушениях на торгах, в рамках которых должностные лица подменяют контроль за проведением процедуры торгов контролем за состоянием конкуренции на отдельных конкретно взятых торгах.

Это, во-первых, *de lege lata* не входит в предмет проверки антимонопольного органа при рассмотрении подобных дел¹³.

Во-вторых, при таком подходе антимонопольный орган не проводит анализ состояния конкуренции на рынках закупаемого в рамках торгов товара в соответствующих географических границах товарного рынка. В результате мы получаем ситуацию, при которой достигаются не цели законодательства, регулирующего публичные закупки, в части формального контроля и допуска к закупке добросовестных участников товарных рынков, но цели антимонопольного законодательства в части эффективного функционирования товарных рынков и создания условий для безбарьерного оборота товара в географических границах Российской Федерации. Фактически принципы, которые не задумывались и не могут быть применимы к соответствующим правоотношениям, применяются к ним — происходит искажение правового регулирования. Это влияет на практику применения права к отношениям, при котором допускается ошибка, и создает базу для некорректного применения такой практики по аналогии.

Принципы, таким образом, могут выступать самостоятельными источниками конкурентного права, являясь их первичным звеном, на котором может быть построена и остальная система источников. Их некорректное применение может приводить к искажению правового и экономического эффекта действия норм, которое было задумано при их формулировании.

Что касается непосредственно системы источников конкурентного права в формальном смысле, то она видится автору настоящей работы в тех актах, которые ориентированы на создание конкурентных условий на товарных рынках и эффективное их функционирование. Перечислить всю систему этих актов,

¹¹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 19.

¹² Кононов А. Л. Об общих принципах права во французской и бельгийской судебной практике по административным делам // Государство и право. 2001. № 3. С. 82—86.

¹³ Решение Санкт-Петербургского УФАС России от 09.07.2024 по делу № 44-2877/24 ; решение Кемеровского УФАС России от 03.07.2024 № 49-1009 по делу № СС/5743/24 ; решение Санкт-Петербургского УФАС России от 27.06.2024 по делу № 44-2731/24 ; решение Липецкого УФАС России от 24.06.2024 № 048/06/106-489/2024 ; решение Ханты-Мансийского УФАС России от 27.11.2023 № 086/06/48-1924/2023 по жалобе № 11511-ЭП/23 ; решение Московского УФАС России от 21.11.2023 по делу № 077/06/106-16102/2023 ; решение Челябинского УФАС России от 11.01.2023 № 074/06/105-3514/2022 по делу № 662-ж/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

пожалуй, невозможно, да и не нужно, поскольку это приведет, скорее, к деградации права, чем к эволюции, сделает его казуистичным.

Автор настоящего исследования остановится на формулировании принципа «от обратного»: акты, преследующие какие цели не могут быть отнесены к источникам конкурентного права. К таковым могут быть отнесены акты, предмет которых — законы, которые в полной мере или в части направлены на охрану и защиту конкуренции (как в целом публичной ценности, так и на отдельных товарных рынках), ограничивают полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, их прямое и косвенное вмешательство в протекание экономических (именно рыночных) процессов. Это позволит разграничивать источники конкурентного и административного (или иного) права, ограничивать органы публичной власти и их должностных лиц от злоупотреблений полномочиями или их превышения, непосредственно не приводит к негативным эффектам для конкуренции. К числу последних можно отнести сокращение количества хозяйствующих субъектов, действующих на товарных рынках независимо, недопущение развития конкуренции на рынках с неразвитой конкуренцией, но имеющих потенциал такого развития.

К таким актам в части регулирования ограничения роста рыночной доли торговых сетей, а также договорных отношений между такими сетями и их поставщиками продовольственных товаров, ограничивающих свободу договора для проконкурентных целей, является Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации». Также к источникам конкурентного права, несомненно, относится и Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях», который регулирует отдельный подинститут конкурентного права. В развитие этого положения к источникам конкурентного права относятся и нормы законов о регулировании услуг тепло-, водо-, газо-, энергоснабжения и водоотведения, которые также относятся к монополистическим.

Что касается положений законодательства, регламентирующего иностранные инвестиции в стратегические отрасли экономики, то целью таких актов является не обеспечение конкуренции или ее защита, а обеспечение защищенности важных для российской экономики секторов (таких, как нефтедобыча, рыболовство, оборонный и энергетический сектора, особенно атомная энергетика и смежные с нею отрасли), криптографической защиты информации, обеспечения транспортной безопасности и т.д. от иностранного участия или контроля.

Мотив такого ограничения прост: несмотря на то, что иностранные инвестиции могут обеспечить рост производства и его развитие в указанных выше секторах, использование таких производств для обслуживания приоритетных интересов зарубежного бизнеса может привести к дефициту продукции на российских рынках и к дестабилизации российской экономики в целом.

Аналогичным образом вряд ли можно говорить об основной нацеленности законодательства, регулирующего торги, обеспечить конкуренцию. И здесь мы имеем в виду законодательство не только о государственных, муниципальных или корпоративных закупках, но и регламентирующее проведение иных торгов. Это федеральные законы от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности

(банкротстве)», от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества», Градостроительный кодекс РФ и др.

Целью организации торгов является не обеспечение конкуренции, а приобретение или реализация благ максимально возможным быстрым способом за наиболее выгодную цену (при продаже активов — максимально высокую, при приобретении — насколько возможно низкую) и с наиболее высокими качественными характеристиками, при закупке — подходящего для нужд закупающего лица товара. Контроль же антимонопольного органа за конкуренцией при проведении торгов, как представляется, не обеспечивает конкуренцию на товарных рынках, а призван обеспечить отсутствие сговоров между организатором торгов и его участниками или между участниками, что приведет к дезавуированию торгов как способа заключения договора в целом, который предполагает конкуренцию между его участниками.

И именно на базе принципов права возможно выстраивание системы источников, которые позволят определять корректное применение норм права и подходы конкурентного права к регулируемым им отношениям, а не просто похожим институтам. Это может приводить к недостижению целей, которые законодатель преследовал при принятии соответствующих норм, или, в худшем случае, искажению правового и экономического эффекта, что может не защитить интересы добросовестных участников товарных рынков, а наоборот, поставить в лучшие условия тех, действует не в соответствии с нормой закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Башлаков-Николаев И. В., Максимов С. В.* Коллективное доминирование: проблемы отграничения от индивидуального доминирования и картеля // Конкурентное право. — 2019. — № 4. — С. 31—36 ; 2020. — № 1. — С. 10—13.
2. *Варламова А. Н.* Принципы конкурентного права // Конкурентное право. — 2021. — № 4. — С. 14—17.
3. Конкурентное право России : учебник / Д. А. Гаврилов, С. В. Максимов, О. В. Мильчакова [и др.] ; отв. ред. С. А. Пузыревский. — М. : Проспект, 2021. — 640 с.
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / К. Н. Алешин, А. В. Андросенко, И. Ю. Артемьев [и др.] ; отв. ред. И. Ю. Артемьев. — М. : Статут, 2015. — 718 с.
5. *Цыганов А. Г.* Антимонопольные органы России (история создания и развития) // Российское конкурентное право и экономика. — 2020. — № 3 (23). — С. 11—15.

**Антон Викторович
ТЕСЛЕНКО,**

доцент кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
начальник Контрольно-
финансового управления
ФАС России,
кандидат юридических наук
teslenko@fas.gov.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Преференции: неконкурентные преимущества как элемент конкурентной политики¹

Аннотация. Практика антимонопольного органа последних лет² свидетельствует о том, что институт государственных и муниципальных преференций переживает новый виток своего развития, которому сопутствует как достаточно активное изменение самого антимонопольного законодательства, так и совершенствование практики применения главы 5 Закона о защите конкуренции, в том числе путем значительной разъяснительной работы, направленной на усиление контроля за использованием предоставленных преференций. Автором по результатам анализа правоприменительной и судебной практики делаются выводы об основных тенденциях, связанных с предоставлением государственных и муниципальных преференций, а также о причинах и предпосылках более активного использования антимонопольным органом ограничений при согласовании предоставления преференций.

Ключевые слова: государственные или муниципальные преференции, государственная поддержка предпринимательства, конкурентное право, ограничение конкуренции

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.114-122

Anton V. TESLENKO,

Associate professor of the Department of Competition Law
of Kutafin Moscow State University (MSAL),
Head of the Control and Fiscal Department of FAS Russia,
Cand. Sci. (Law)

teslenko@fas.gov.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal means of minimizing the risks associated with the entrepreneurial activities of family members

Abstract. The practice of the antimonopoly authorities in the research years shows that the institution of state and municipal preferences is experiencing a new round of its development, which is accompanied by both — a fairly active improvement of the antimonopoly legislation itself, and an improvement in the practice of applying Chapter 5 of the Law on the Protection of Competition,

¹ Позиция автора может не совпадать с официальной позицией ФАС России.

² См., например, доклады о состоянии конкуренции, ежегодно размещаемые антимонопольным органом в открытом доступе (URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/doklady_o_sostoyanii_konkurencii (дата обращения: 17.03.2025)).

including through significant explanatory work aimed at strengthening control over the use of the granted preferences.

Based on the results of the analysis of law enforcement and judicial practice, the author draws conclusions about the main trends associated with the provision of state and municipal preferences, as well as about the reasons and prerequisites for the more active use of restrictions by the antimonopoly authority when coordinating the provision of preferences.

Keywords: *state aid, state or municipal preferences, public support for entrepreneurship, competition law, restriction of competition*

В первой же статье Закона о защите конкуренции в качестве его предмета определяется «предупреждение и пресечение недопущения, ограничения, устранения конкуренции»³, при этом «органы государственной власти и органы местного самоуправления не должны по общему правилу оказывать какую-либо помощь хозяйствующим субъектам, поскольку это может привести к ограничению конкуренции»⁴. Вместе с тем, как верно отмечает А. А. Бимбинов, «конкуренция... это система отношений, настройки которой зависят от регулируемой сферы, социального статуса конкурентов, целеполагания, государственной политики»⁵.

С этих позиций представляется неслучайным наличие непосредственно в тексте главного антимонопольного закона главы, прямо посвященной базовым настройкам легитимного отступления от общеустановленного порядка функционирования конкурентных институтов. Прежнее название этой главы «Предоставление государственной или муниципальной помощи» в дальнейшем трансформировалось в «Предоставление государственных или муниципальных преференций»⁶.

Эти диссонирующие, на первый взгляд, положения о безусловном недопущении ограничения конкуренции и одновременном легальном закреплении института, априори ее (конкуренцию) ограничивающего, делают тему преференций, на мой взгляд, одной из самых интересных и неоднозначных с точки зрения как правоприменения, так и научных исследований.

³ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Писенко К. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В. Антимонопольное (конкурентное) право : учебник // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Бимбинов А. А. Антиконтурентные преступления: научное и практико-ориентированное понимание // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2024. № 4 (62). С. 53.

⁶ Сделано это было для того, чтобы подчеркнуть характерную особенность предоставления государственного или муниципального имущества хозяйствующему субъекту, а именно предоставление данному хозяйствующему субъекту преимущества, которое влияет на конкуренцию на соответствующем рынке. Старый термин «помощь» данную особенность не отражал. См. подробнее: письмо ФАС России от 14.08.2009 № ПС/27405 «Разъяснения по вопросам изменений, внесенных в Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», в части контроля предоставления и использования государственных и муниципальных преференций».

Преференции сегодня — это те редкие случаи, в которых достижение определенных законодателем социально значимых целей⁷ посредством предоставления конкретному хозяйствующему субъекту преимущества по отношению к его конкурентам важнее самой по себе конкуренции за соответствующее преимущество⁸.

Необходимо отметить, что на практике речь, как правило, идет о предоставлении государственного или муниципального имущества без торгов⁹, предусмотренных ст. 17.1 Закона о защите конкуренции или нормами отраслевого законодательства. При этом в качестве такого имущества могут выступать как педикюрные ванночки или автоклавы и инкубаторы, так и целые комплексы речных вокзалов¹⁰ или аэровокзальные комплексы¹¹.

С учетом отмеченного крайне важными, на мой взгляд, и наиболее сложными для реализации представляются полномочия антимонопольного органа не просто в части согласования (несогласования) соответствующих заявлений, но и в части введения ограничений, предусмотренных ст. 20 Закона о защите конкуренции.

Анализ докладов о состоянии конкуренции за последние пять лет свидетельствует о том, что институт государственных и муниципальных преференций проходит новый виток развития, что выражается прежде всего в актуализации самого законодательства, это:

- 1) введение уведомительного порядка предоставления преференций в целях социального обеспечения населения, поддержки субъектов МСП и обороноспособности страны и безопасности государства в 2022—2024 гг.¹²;
- 2) дополнение ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции новой целью — поддержка физических лиц, не являющихся индивидуальными

⁷ В таким целям относятся охрана здоровья граждан, обеспечение обороноспособности страны и безопасности государства, развитие образования и науки, социальное обеспечение населения и др. Полный перечень закреплен в ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции.

⁸ Легальное определение понятия «государственные и муниципальные преференции» закреплено в п. 20 ст. 4 Закона о защите конкуренции.

⁹ Несмотря на то, что законом также предусматривается возможность предоставления преференций путем предоставления иных объектов гражданских прав, имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий на практике, такие преференции встречаются крайне редко.

¹⁰ ФАС согласовала АО «Чукотснаб» преференцию в целях поддержки жителей Крайнего Севера // URL: <https://fas.gov.ru/news/32187> (дата обращения: 17.03.2025).

¹¹ ФАС согласовала преференцию АО «Аэропорт Сургут» в целях поддержки населения Крайнего Севера // URL: <https://fas.gov.ru/news/32926> (дата обращения: 17.03.2025) ; ФАС согласовала преференцию ООО «Аэропорт Киренск» в целях поддержки населения Крайнего Севера // URL: <https://fas.gov.ru/news/32641> (дата обращения: 17.03.2025).

¹² Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». См. также: *Тесленко А. В.* Комментарий к статье «Правовые последствия неправомерного предоставления государственных и муниципальных преференций» // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 3 (31). С. 22—23.

предпринимателями и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»¹³;

- 3) дополнение ч. 3 ст. 19 Закона о защите конкуренции положением о том, что с 01.09.2025 без согласования антимонопольного органа могут предоставляться преференции в соответствии с государственными программами (подпрограммами) Российской Федерации, государственными программами (подпрограммами) субъектов РФ и муниципальными программами (подпрограммами), содержащими мероприятия, направленные на поддержку физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»¹⁴;
- 4) уточнение перечня документов, предоставляемых совместно с заявлением о предоставлении преференции в части бухгалтерского баланса хозяйствующего субъекта¹⁵, а также замена с 01.09.2025 слов «десятидневный срок с даты представления указанного заявления» словами «десятидневный срок с даты получения указанного заявления» в ч. 2 ст. 20 Закона о защите конкуренции¹⁶.

Кроме того, развитию института государственных и муниципальных преференций способствует большая разъяснительная работа, проводимая антимонопольным органом и направленная в первую очередь на усиление контроля за использованием преференций¹⁷.

Так, с учетом обозначенной разъяснительной работы более чем в 4 раза снижено общее количество рассматриваемых антимонопольным органом заявлений (с 1 598 в 2020 г. до 363 в 2024 г.), с одновременным и существенным ростом процента решений о даче согласия на предоставление преференций, причем не просто согласия, а согласия с введением ограничений (66 % от всех согласованных заявлений в 2020 г. против 95,6 % в 2024 г.) (см. рисунок).

¹³ Федеральный закон от 11.06.2022 № 168-ФЗ «О внесении изменения в статью 19 Федерального закона “О защите конкуренции”».

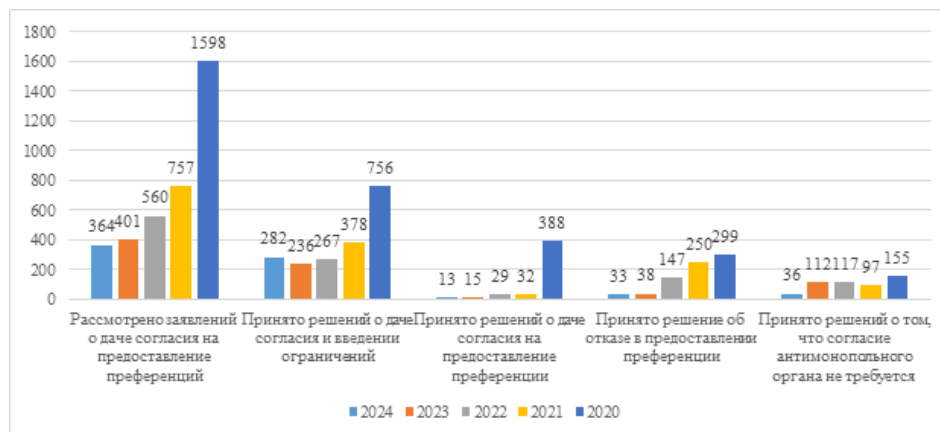
¹⁴ Федеральный закон от 29.06.2015 № 156-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

¹⁵ Федеральный закон от 02.07.2021 № 352-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹⁶ Федеральный закон от 28.12.2024 № 539-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”».

¹⁷ В 2022 г. ФАС России опубликованы разъяснения Президиума службы, обобщающие практику ведомства по рассмотрению заявлений о предоставлении преференции за 10 лет и раскрывающие подходы антимонопольного органа к рассмотрению соответствующих заявлений. См.: ФАС выпустила разъяснения об осуществлении контроля за согласованием преференций // URL: <https://fas.gov.ru/news/32173> (дата обращения: 17.03.2025).

Как справедливо, в свою очередь, отмечается в научной литературе, перечень ограничений, предусмотренный ст. 20 Закона о защите конкуренции, не является исчерпывающим и остается на усмотрение антимонопольного органа¹⁸. Вместе с тем бесспорно и то, что применение таких ограничений не может быть безграничным и необоснованным.

С учетом отмеченного, а также того, что «правовые позиции судов еще находятся в поиске оптимального подхода к определению пределов антимонопольного контроля и правовых форм его реализации при преференциальном предоставлении публичных ресурсов»¹⁹, обозначенные выше тенденции в части более широкого применения ограничений при согласовании преференций во многом стали следствием именно формирующейся судебной практики, определяющей ориентиры для ФАС России при применении тех или иных положений антимонопольного законодательства, а также отраслевых законов.

В качестве одного из первых практикообразующих судебных актов последних лет, оказавших существенное влияние на практику антимонопольного органа, хочется привести постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.09.2021 № Ф09-5889/21, согласно которому, «решения, которые не содержат указания на наличие обстоятельств, послуживших причиной принятия соответствующего решения, могут быть признаны немотивированными и не соответствующими требованиям Закона о защите конкуренции»²⁰.

На эту проблему обращал внимание и И. П. Бочинин, отмечая, что в ряде случаев в решениях антимонопольного органа отсутствуют причины введения тех или

¹⁸ См., например: *Батрова Т. А., Артемьев Е. В.* Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс»; Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018.

¹⁹ *Затонова Д. Ю.* Пределы контроля антимонопольного органа за предоставлением и целевым использованием государственного имущества в преференциальном порядке // Конкурентное право. 2022. № 4. С. 20—24.

²⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.09.2021 № Ф09-5889/21 по делу № А07-28042/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

иных ограничений, а сам образец решения о даче согласия на предоставление государственной или муниципальной преференции с введением ограничений не содержит информации о необходимости указания на причины, по которым антимонопольный орган приходит к соответствующему решению²¹.

Соглашаясь с наличием обозначенной выше проблемы, не позволяющей в ряде случаев понять мотивы и причины соответствующего решения и, соответственно, обжаловать такое решение в части того или иного ограничения, а также в целях формирования единообразной правоприменительной практики, антимонопольный орган в собственных разъяснениях прямо указал на то, что «отсутствие в приложениях 10,11,13 к Административному регламенту формулировки “в связи с тем, что”, с учетом сложившейся судебной практики, не исключает возможности антимонопольного органа и в случаях принятия соответствующих решений указать на обстоятельства, послужившие причиной принятия соответствующего решения»²².

Применение указанного подхода на сегодняшний день привело к значительному увеличению количества решений, в которых подробно раскрываются мотивы принятия соответствующего решения. При этом отмеченная позитивная, на мой взгляд, тенденция стала одной из причин более частого обжалования решений антимонопольного органа, что, в свою очередь, способствует более активному формированию соответствующей судебной практики.

Приведем еще несколько важных примеров выработанных судами подходов по вопросам, связанным с предоставлением государственных или муниципальных преференций, которые на сегодняшний день активно применяются в практике антимонопольного органа.

Так, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 30.06.2020 № Ф05-7943/2020 обратил внимание, что «определенным субъектам со стороны государства могут оказываться преимущества по сравнению с иными субъектами (предоставляться преференции) исключительно в целях поддержки тех или иных сфер общественной жизни»²³.

Учитывая эту позицию, антимонопольный орган все чаще в решениях прямо указывает на возможность использования преференции исключительно для указанной в заявлении цели, например: «Преференция может быть предоставлена Обществу сроком на 1 год и использоваться исключительно в целях охраны здоровья граждан (для оказания лечебно-профилактических услуг обратившихся за соответствующими услугами)» или «Преференция может быть предоставлена Обществу сроком на 1 год в целях социального обеспечения населения для содействия занятости инвалидов путем...».

²¹ Бочинин И. П. Государственные и муниципальные преференции: влияние на конкуренцию // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 3. С. 84—89.

²² Разъяснение ФАС России от 29.09.2022 № 22 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за предоставлением государственных или муниципальных преференций» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 29.09.2022 № 6) // СПС «КонсультантПлюс».

²³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2020 № Ф05-7943/2020 по делу № А40-216377/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку в научной литературе высказываются предположения о том, что «в конечном итоге субъектом, определяющим конкретные цели предоставления преференции, причем в самых разнообразных сферах общественных отношений... выступает, как это ни парадоксально, антимонопольный орган»²⁴, считаю необходимым отметить, что при разрешении вопроса о допустимости предоставления государственной или муниципальной преференции ФАС России исключительно устанавливает направленность ее использования на цели, предусмотренные ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции, саму же цель (или цели) определяет исключительно субъект предоставления преференции²⁵.

Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 19.08.2015 № Ф05-10659/2015 указал, что «сам факт наличия на товарном рынке иных хозяйствующих субъектов не может свидетельствовать о том, что предоставление государственной или муниципальной преференция может привести к устранению или недопущению конкуренции»²⁶. Обнаружение возможных претендентов для получения имущества в преференциальном порядке становится возможным при введении, например, следующего ограничения: «Заявителю не позднее чем за три месяца до окончания срока предоставления государственной преференции опубликовать на сайте заявителя в информационно-телекоммуникационной сети Интернет сведения, доступные для неограниченного круга лиц, о наличии объекта нежилого фонда, находящегося в государственной собственности, который может быть передан в аренду с правом освобождения хозяйствующего субъекта в установленном порядке от обязанности по внесению арендной платы».

Важно отметить, что в этом случае антимонопольным органом никак не ограничиваются права органа власти по выбору способа использования того или иного принадлежащего ему имущества (торги, концессионное соглашение, преференция и др.), а также по определению цели использования такого имущества, в случае если имущество все-таки планируется к предоставлению в качестве преференции.

При этом тем же ограничением, вводимым антимонопольным органом при согласовании преференции, устанавливается положение о том, что если в результате такого размещения информации в открытом доступе орган власти, планирующий предоставление преференции, получит несколько заявок на предоставление преференции, он должен организовать предоставление данного помещения на конкурентных условиях в соответствии с законодательством РФ.

Наличие указанного ограничения в одном из решений антимонопольного органа о согласовании соответствующей преференции стало предметом судебного рассмотрения, по результатам которого Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 07.09.2022 № Ф07-12241/2022 отметил, что «неразмещение информации о наличии государственной преференции (как фактора, обуславливающего открытость процедур оказания поддержки и возможность реализации прав претендентов на государственное имущество) влияет на законность

²⁴ *Затонова Д. Ю.* Указ. соч.

²⁵ См. подробнее: Разъяснение ФАС России от 29.09.2022 № 22.

²⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.08.2015 № Ф05-10659/2015 по делу № А40-147878/14 // СПС «КонсультантПлюс».

действий по предоставлению имущества без выявления круга заинтересованных лиц одному лицу и содержит признаки нарушения законодательства о конкуренции»²⁷, подтвердив законность и обоснованность вводимого ФАС России ограничения.

Еще одно распространенное на практике ограничение стало следствием позиции, сформированной Первым арбитражным апелляционным судом, о том, что «возможность передачи государственного или муниципального имущества (его части) в субаренду, передача прав и обязанностей по заключенному договору аренды (перенаем), а равно замена стороны договора изменяют субъектный состав получателей преференции, что может привести к устранению или недопущению конкуренции»²⁸.

Учитывая обозначенную позицию суда, антимонопольные органы при согласовании преференций могут в качестве ограничения указывать на невозможность «передачи прав пользования объектом иным лицам (в том числе прав сдавать объект в аренду, субаренду (поднаем), безвозмездное пользование (ссуду), залог и др.)». Не могу не отметить, что в целом ряде случаев согласование преференций с введением указанного ограничения приводит к тому, что такие решения антимонопольного органа органами власти, планировавшими предоставление преференции, не используются²⁹, а имущество передается тому или иному хозяйствующему субъекту по результатам конкурентных процедур и без указанного ограничения.

Крайне важным для текущей практики стало постановление Девятого арбитражного апелляционного суда, согласно которому «предоставлению преференции... должны корреспондировать соответствующие обязательства хозяйствующего субъекта, направленные на реализацию цели предоставления преференции»³⁰.

С учетом обозначенной позиции суда подтверждена законность введения антимонопольным органом ограничений в каждом конкретном случае, направленного на достижение цели предоставления преференции с учетом специфики той или иной преференции.

Так, например, при согласовании предоставления в качестве преференции имущества для размещения аптеки в целях охраны здоровья антимонопольный орган может вводить ограничение в виде необходимости в течение срока действия решения о предоставлении государственной преференции обеспечить реализацию получателем преференции не менее чем двух торговых наименований

²⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.09.2022 № Ф07-12241/2022 по делу № А56-2152/2021.

²⁸ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2018 № 01АП-7004/2018 по делу № А39-7924/2017.

²⁹ Как верно отмечает Д. Ю. Затонова, «получение разрешения от УФАС не создает обязанности воспользоваться им ни у публичного собственника, ни у коммерческой организации. Принципиально и то, что непередача помещений Обществу оставляет их доступными для третьих лиц на конкурентных условиях, а значит, не приводит к умалению тех ценностей, которые защищает Закон «О защите конкуренции» (Затонова Д. Ю. Указ. соч.).

³⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2022 № 09АП-52602/2022 по делу А40-37205/22.

лекарственных препаратов в рамках каждого соответствующего международного непатентованного наименования, включенного в минимальный ассортимент лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи (это ограничение и было предметом рассмотрения в обозначенном выше деле).

Активное применение рассмотренных выше, а также сформированных по результатам анализа иных судебных решений ограничений³¹ для обеспечения соответствия государственных или муниципальных преференций целям, указанным в ч. 1 ст. 19 Закона о защите конкуренции, и уменьшения их негативного влияния на конкуренцию позволяет преференциям как заведомо неконкурентным преимуществам выступать крайне важным и зачастую жизненно необходимым³² элементом конкурентной политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Батрова Т. А., Артемьев Е. В.* Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «Консультант-Плюс».
2. *Бимбинов А. А.* Антиконтурентные преступления: научное и практико-ориентированное понимание // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. — 2024. — № 4 (62). — С. 52—59.
3. *Бочинин И. П.* Государственные и муниципальные преференции: влияние на конкуренцию // Российское конкурентное право и экономика. — 2021. — № 3. — С. 84—89.
4. *Затонова Д. Ю.* Пределы контроля антимонопольного органа за предоставлением и целевым использованием государственного имущества в преференциальном порядке // Конкурентное право. — 2022. — № 4. — С. 20—24.
5. Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. — М. : Юстицинформ, 2018. — 632 с.
6. *Писенко К. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В.* Антимонопольное (конкурентное) право : учебник // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Тесленко А. В.* Комментарий к статье «Правовые последствия неправомерного предоставления государственных и муниципальных преференций» // Российское конкурентное право и экономика. — 2022. — № 3 (31). — С. 22—23.

³¹ К таким ограничениям относятся: предельные сроки предоставления государственной или муниципальной преференции, круг лиц, которым может быть предоставлена преференция, размер, цели предоставления преференции, а также иные ограничения, применение которых оказывает влияние на состояние конкуренции.

³² Формулировка неслучайна, поскольку одной из наиболее часто используемых целей в последнее годы выступает обеспечение жизнедеятельности населения в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Методы предупреждения и пресечения нарушений в конкурентном праве

Предписание антимонопольного органа о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода: проблемы теории и правоприменения на классических и цифровых товарных рынках¹

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, и порядка его выдачи антимонопольными органами в соотношении с «оборотным» административным штрафом. Автор приходит к выводу, что рассматриваемый вид предписания по своей природе близок к юридической ответственности и не может оцениваться в качестве меры компенсационного характера. В этой связи обосновано значение указанного вида предписания за совершение антиконкурентных практик хозяйствующими субъектами, действующими на товарно-сырьевых рынках, а также владеющими цифровыми платформами, в том числе в случаях, когда антимонопольный орган, руководствуясь правилами, предусмотренными КоАП РФ, не имеет возможности определить «оборотный» штраф и когда фиксированный штраф не отвечает принципу соразмерности административного наказания.

Ключевые слова: конкурентное право, антимонопольное законодательство, хозяйствующий субъект, нарушение, ответственность, предписание, цифровые рынки

**Даниэль Мохаматович
АШФА,**
доцент кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
dmashfa@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.123-131

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

DANIEL M. ASHFA,Associate Professor of the Chair of Competition law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Cand. Sci. (Law)

dmashfa@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The antimonopoly authority's order to transfer illegally obtained income to the federal budget: problems of theory and law enforcement in the classical and digital markets

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the legal nature of the regulation on the transfer to the federal budget of income received as a result of violations of antimonopoly legislation, and the procedure for its issuance by antimonopoly authorities in connection with an administrative fine "for turnover". The author concludes that the type of court order in question is by its nature close to legal liability and cannot be assessed as a compensatory measure. In this regard, the importance of this type of regulation for the commission of anticompetitive practices by business entities operating in commodity markets, as well as those owning digital platforms, is substantiated, including in cases where the antimonopoly authority, guided by the rules provided for by the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, cannot determine the amount of a revolving fine and in those cases in cases where a fixed fine does not comply with the principle of proportionality of the administrative penalty.*

Keywords: *competition law, antimonopoly legislation, business entity, violation, liability, regulation, digital markets*

Антимонопольные правонарушения могут повлечь за собой применение к хозяйствующему субъекту, на рынке которого совершено нарушение¹, не только «оборотных» административных штрафов² в размере от 1 до 15 % годовой суммы выручки, но и предписаний о прекращении таких нарушений и устранении их последствий. Между тем, как верно отмечается в литературе по

¹ Топ-10 административных штрафов по данным ФАС России: ОАО «Газпром нефть» 4 680 659 466 руб., ОАО «ТНК ВР Холдинг» 2 283 320 844 руб., ОАО «НК Роснефть» 2 039 872 680 руб., Группа лиц ОАО «Мечел» 797 735 291 руб., Google Inc. 438 067 400 руб., ОАО «МОЭК» 348 354 000 руб., ОАО «Евроцемент групп» 267 000 000 руб., ОАО «Дальсвязь» 205 000 000 руб., ЗАО «ОУК «Южкузбассуголь» 149 142 457 руб., ОАО «УК «Южный Кузбасс» 127 473 702 руб. (URL: <https://fas.gov.ru/content/105/2264> (дата обращения: 01.05.2025)).

² «Оборотные» административные штрафы были введены Федеральным законом от 09.04.2007 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (СЗ РФ. 2007. № 16. Ст. 1825) в целях повышения эффективности применения Закона о защите конкуренции.

конкурентному праву, обвинительное решение антимонопольного органа служит мотивированной констатацией нарушения, а административная ответственность — мерой наказания за него. В свою очередь, правила конкурентного поведения на товарном рынке определяются именно в предписании, исполнение которого лицом — ответчиком по делу обеспечивает окончательный результат антимонопольного расследования³.

Перечень предписаний, выдаваемых ФАС России и ее территориальными органами по делам о нарушении антимонопольного законодательства содержится в п. 2 и 3 ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁴ и является исчерпывающим. Вместе с тем, как указывает Верховный Суд РФ, антимонопольный орган вправе определить границы поведения в конкретных гражданско-правовых отношениях, предложив сторонам заключить договор или привести его условия в соответствие с решением, принятым по итогам рассмотрения дела. Однако антимонопольный орган не вправе предписывать сторонам включить в договор конкретные условия о цене, об объеме и условиях продажи товара определенному покупателю⁵.

При анализе вопросов о выдаче предписаний, на наш взгляд, наибольшие сложности связаны с применением антимонопольными органами предписания о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода. Данному виду предписания в настоящей работе будет уделено ключевое внимание.

Полномочия антимонопольных органов выдавать хозяйствующим субъектам предписание о перечислении в федеральный бюджет прибыли, полученной вследствие нарушения антимонопольного законодательства, впервые были введены Федеральным законом от 25.05.1995 № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках”» и в настоящее время предусмотрены п. «к» ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции.

Предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства, является объектом пристального изучения со стороны как ученых-юристов, так и высших судебных инстанций. Так, в литературе по конкурентному праву указанный вид предписания, на наш взгляд, обоснованно, сопоставляется с мерами юридической ответственности:

- 1) это предписание не направлено на восстановление нарушенного субъективного права, компенсацию недополученной прибыли и каким-либо иным образом не связано с частными интересами пострадавшего лица;

³ См.: *Гаврилов Д. А.* Предписания как ключевой правовой инструмент для эффективного антимонопольного контроля // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7 (95). С. 25.

⁴ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

⁵ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». П. 47 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

- 2) изъятие в бюджет дохода означает лишение нарушителя определенной части его имущества и нарушителю не предоставляется эквивалентная замена;
- 3) обязанность перечислить в бюджет незаконно полученный доход возникает после антимонопольного нарушения и по содержанию не совпадает с обязанностями, которые Закон о защите конкуренции налагает на хозяйствующих субъектов;
- 4) в данном предписании прослеживается опосредованный характер принуждения, поскольку изъятие незаконного дохода производится для принуждения хозяйствующего субъекта к исполнению другой обязанности — не нарушать антимонопольное законодательство⁶.

При этом необходимо учитывать, что на определенном этапе становления и развития антимонопольного законодательства, а также практики его применения возникла дискуссия о том, насколько обоснованно, с точки зрения чрезмерности наказания за антимонопольное нарушение, привлекать хозяйствующего субъекта — ответчика по делу к административной ответственности как в виде «оборотного» штрафа, так и в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции одновременно, выдавать предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие такого нарушения.

Высший Арбитражный Суд РФ занял правовую позицию, согласно которой взыскание в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, и наложение штрафов, предусмотренных ст. 14.31-14.33 КоАП РФ, являются мерами публичной ответственности за одни и те же нарушения антимонопольного законодательства, применение которых одновременно является недопустимым. Меры публичной ответственности в виде взыскания в федеральный бюджет дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства, могут быть применены только в случае, если для лица нельзя привлечь к административной ответственности по причине невозможности определения штрафа по правилам, установленным ст. 14.31—14.33 КоАП РФ⁷.

Конституционный Суд РФ, в свою очередь, занял иную позицию по данному вопросу и указал, что предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, может быть выдано хозяйственному обществу параллельно с мерами ответственности, которые обладают штрафным характером и это само по себе не затрагивает сферу действия общеправового принципа недопустимости повторного привлечения к ответственности за одно и то же деяние⁸.

⁶ См.: Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2021. С. 537—538.

⁷ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 8.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»

Поскольку Высший Арбитражный Суд РФ и Конституционный Суд РФ заняли разные позиции о соотношении «оборотного» административного штрафа и предписания о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода, рассматриваемый вопрос в итоге был решен на законодательном уровне в 2016 г. со вступлением в силу четвертого антимонопольного пакета⁹, которым, в частности, были внесены изменения в ст. 51 Закона о защите конкуренции. Так, в действующей редакции ч. 3 ст. 51 данного Закона предусмотрено, что «оборотный» административный штраф не может быть наложен, если исполнено предписание о взыскании в федеральный бюджет дохода, полученного лицом в связи с этим же нарушением антимонопольного законодательства. КоАП РФ также был дополнен аналогичным положением в примечании 5 к ст. 14.31.

Однако указанными нормами Закона о защите конкуренции и КоАП РФ не определялась последовательность применения «оборотного» административного штрафа и предписания о перечислении в бюджет незаконно полученного дохода.

Вместе с тем, учитывая правовую позицию Конституционного Суда РФ о том, что административный орган не вправе произвольно определять санкцию за административное правонарушение без четкого определения порядка применения санкции в нормативном акте¹⁰, в развитие ч. 3 ст. 51 Закона о защите конкуренции и примечания 5 к ст. 14.31 КоАП РФ, ФАС России были даны разъяснения о том, что комиссии до принятия решения по делу о нарушении антимонопольного законодательства следует решить вопрос о том, возможно ли определение размера «оборотного» административного штрафа. Если размер такого штрафа подлежит исчислению, то предписание о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода не выдается и виновное лицо подлежит привлечению

и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 4.

⁹ Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 41 (ч. I). Ст. 5629.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.2, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «Геотехника П» и «Ранг» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 3.

к административной ответственности¹¹. При этом указанный подход ФАС России был поддержан Верховным Судом РФ¹².

Приведенный подход имеет важное практическое значение, поскольку, как было отмечено Президиумом Верховного Суда РФ в знаковом деле ФАС России против ПАО «Новороссийский морской торговый порт», возложение на данное хозяйственное общество обязанности перечислить в федеральный бюджет доход в размере более 9 млрд руб., полученный, по мнению антимонопольного органа, в результате нарушения, является незаконным, поскольку регулятор произвольно определил санкцию в отсутствие обоснования невозможности исчисления суммы «оборотного» административного штрафа¹³. Аналогичная правовая позиция была определена в постановлениях арбитражных судов по решениям и предписаниям территориальных антимонопольных органов¹⁴.

В данном контексте необходимо обратить внимание, что в 2012 г. в рамках третьего антимонопольного пакета¹⁵ была дифференцирована административная ответственность хозяйствующих субъектов за злоупотребление доминирующим положением, за исключением сфер естественных монополий, в зависимости от вида неблагоприятных последствий (взыскание «оборотного» административного штрафа только в том случае, если будет доказано ограничение конкуренции на товарном рынке и фиксированный административный штраф в иных случаях), т.е. констатирована различная степень общественной опасности нарушения.

В этой связи в последнее время формируется новая волна практики выдачи ФАС России предписаний о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода вследствие нарушений антимонопольного законодательства, которые привели к ущемлению интересов неопределенного круга потребителей в отсутствие ограничения конкуренции на товарном рынке, о чем свидетельствует в том числе следующий пример.

ФАС России было установлено, что в апреле — августе 2024 г. ПАО «МТС» повысило стоимость оказания услуг мобильной связи в среднем на 8 % для более чем 30 млн абонентов. Подобные действия ПАО «МТС» были признаны ФАС

¹¹ Письмо ФАС России от 08.07.2016 № ИА/46433/16 «О выдаче предписаний о перечислении в федеральный бюджет доходов полученных от монополистической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Обзор судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025). П. 31 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.12.2018 по делу № 309-ПЭК18, А40-75556/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См., например: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 03.06.2020 № Ф09-941/20 по делу № А60-27425/2019 ; постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-201222/2018.

¹⁵ Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7343 ; Федеральный закон от 06.12.2011 № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7346.

России злоупотреблением доминирующим положением в форме установления монопольно высокой цены (п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции), а доход, подлежащий перечислению в федеральный бюджет составил более 3 млрд руб.¹⁶ При этом, как указал руководитель ФАС России М. А. Шаскольский, ПАО «МТС» имеет достаточно высокую прибыль и рост расходов мог быть покрыт выручкой. Однако мобильный оператор направлял полученные средства на дивиденды, как следствие, необоснованно нагружая повышенными тарифами своих абонентов¹⁷.

Подход, избранный ФАС России в рассмотренном примере, представляется обоснованным, поскольку, согласно ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ, в случае совершения доминирующим на товарном рынке хозяйствующим субъектом действий, которые приводят или могут привести к ущемлению интересов других лиц, отсутствие ограничения конкуренции на этом рынке, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 300 тыс. до 1 млн руб. Исходя из действий ПАО «МТС» по повышению им стоимости оказания услуг мобильной связи, наложение административного штрафа в указанном размере не отвечало бы принципу соразмерности наказания, в связи с чем регулятор (по нашему мнению, обоснованно) выдал оператору связи предписание о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода.

В ряде случаев ФАС России стала приравнивать общественную опасность злоупотребления доминирующим положением, которое приводит к последствиям в виде ущемления интересов неопределенного круга потребителей, к общественной опасности аналогичных нарушений, ведущих к ограничению конкуренции, являющихся основанием для выдачи предписания о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода. Кроме того, можно заметить, что антимонопольный орган усматривает потенциал для выдачи таких предписаний на высокотехнологичных рынках, что, на наш взгляд, следует поддержать.

При этом в экономической литературе верно отмечено, что рыночная власть на цифровых рынках сегодня прямо зависит от использования больших данных, алгоритмов, прав интеллектуальной собственности и сетевых эффектов. Многие рынки создаются на платформенных решениях и приобретают многосторонний характер, а монетизация доходов формируется в смежных сферах¹⁸. Между тем в юридической литературе обоснованно указывается, что информация и технологии могут использоваться участниками экономических отношений в рамках законного взаимодействия или в целях ограничения конкуренции, поскольку доминирующие IT-корпорации, кроме положительных результатов для научно-технологического прогресса, также приносят опережающие антиконкурентные практики¹⁹.

¹⁶ См.: решение ФАС России от 09.10.2024 по делу № 11/01/10-11/2024.

¹⁷ ТАСС: ФАС не нашла у МТС необходимости брать больше денег с абонентов // URL: <https://tass.ru/ekonomika/22126433> (дата обращения: 01.05.2025).

¹⁸ Голомолзин А. Н. О конкуренции и регулировании: теория, история, практика, перспективы. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 69—70.

¹⁹ Пузыревский С. А. Актуальные вопросы совершенствования антимонопольного регулирования // Антимонопольное регулирование ценообразования на товарных рынках Российской Федерации : монография / под общ. ред. Д. А. Петрова, С. А. Пузыревского. М. : Юрист, 2024. С. 42—43.

Применительно к настоящему исследованию целесообразно отметить ряд значимых дел, рассмотренных ФАС России в последние годы в отношении доминирующих иностранных IT-корпораций в целях установления возможности применения «оборотного» административного штрафа или выдачи предписания о перечислении незаконно полученного дохода на цифровых рынках.

Так, по результатам проведения антимонопольных расследований по фактам злоупотребления доминирующим положением на цифровых рынках ФАС России были назначены «оборотные» административные штрафы компаниям в следующих размерах:

- Apple — в связи с запретами на альтернативные способы оплаты при использовании магазинов приложений App Store в размере 1,17 млрд руб.²⁰; вследствие ограничения инструментов для разработки приложений родительского контроля для сторонних разработчиков в размере 906,3 млн руб.²¹;
- Booking.com — вследствие навязывания агрегатором условий о паритете цен и номеров для гостиниц и средств размещения в размере 1,3 млрд руб.²²;
- Google — из-за произвольной блокировки аккаунтов и каналов на сервисе YouTube в размере 2,002 млрд руб.²³

Необходимо отметить, что в рассматриваемых случаях определение размера «оборотного» административного штрафа для каждой компании-ответчика было возможным вследствие наличия соответствующей выручки на цифровом рынке.

Вместе с тем в контексте исследуемого вопроса следует учитывать, что для применения антимонопольного законодательства все цифровые платформы в качестве участников цифровых рынков в научной литературе предлагают рассматривать широко — как сложный объект, который включает совокупность информационных технологий, и (или) информационных систем, и (или) программ для ЭВМ, через которые взаимодействуют различные участники гражданского оборота. При этом такие платформы классифицируют на транзакционные (обеспечивают заключение сделок купли-продажи товаров, работ, услуг) и нетранзакционные (обеспечивают сбор информации о пользователях и распространение рекламы)²⁴.

При этом ФАС России обоснованно отмечено, что у бизнеса не должно быть искаженного представления, что антимонопольные требования не применимы к деятельности нетранзакционных цифровых платформ²⁵.

²⁰ См.: решение ФАС России от 29.07.2022 по делу № 11/01/10-30/2021.

²¹ См.: решение ФАС России от 28.08.2020 по делу № 11/01/10-24/2019.

²² См.: решение ФАС России от 29.12.2020 по делу № 11/01/10-41/2019.

²³ См.: решение ФАС России от 24.02.2022 по делу № 11/01/10-12/2021.

²⁴ Маслов А. О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 37—38.

²⁵ Сергей Пузыревский «У бизнеса не должно быть искаженного мнения, что нетранзакционные платформы находятся в серой зоне» : интервью журналу «Конкуренция и право» // URL: <https://fas.gov.ru/content/interviews/2671> (дата обращения: 01.05.2025).

Однако в отношении нетранзакционных цифровых платформ определение размера «оборотного» административного штрафа, по правилам, установленным ст. 14.31-14.33 КоАП РФ, может быть значительно осложнено или невозможно, в связи с чем, на наш взгляд, целесообразной может быть выдача предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства.

Пользователи нетранзакционной цифровой платформы, как правило, сделки между собой не совершают, тем не менее они могут стать потенциальными клиентами для других сервисов или иных ее услуг. Более того, такая платформа может осуществлять сбор и монетизировать информацию о пользователях, анализировать их предпочтения и далее предлагать эти данные компаниям-производителям для адресного маркетинга и предложений по продаже их товаров. Как следствие, такие данные пользователей становятся для крупных IT-корпораций источником существенной коммерциализации, а также средством управления другими товарными рынками.

Таким образом, на наш взгляд, при выявлении антиконкурентных практик со стороны соответствующих нетранзакционных цифровых платформ регулятору целесообразно рассмотреть возможность выдачи предписания о перечислении в федеральный бюджет незаконно полученного дохода, с учетом главным образом невозможности определения «оборотного» административного штрафа для таких нарушителей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гаврилов Д. А.* Предписания как ключевой правовой инструмент для эффективного антимонопольного контроля // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 7 (95). — С. 23—28.
2. *Голомолзин А. Н.* О конкуренции и регулировании: теория, история, практика, перспективы. — М. : РГ-Пресс, 2021. — 176 с.
3. Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С. А. Пузыревский. — М. : Проспект, 2021. — 640 с.
4. *Маслов А. О.* Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2023. — 196 с.
5. *Пузыревский С. А.* Актуальные вопросы совершенствования антимонопольного регулирования // Антимонопольное регулирование ценообразования на товарных рынках Российской Федерации : монография / под общ. ред. Д. А. Петрова, С. А. Пузыревского. — М. : Юрист, 2024. — 256 с.

**Стефания Борисовна
СЕГАЛ (РЕШЕТНИКОВА),**
ведущий юрист
антимонопольной практики
юридической компании
«Пепеляев групп»,
преподаватель кафедры
предпринимательского,
трудового и корпоративного права
юридического факультета
имени М. М. Сперанского РАНХиГС
s.segal@pgplaw.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Антон Олегович
МАСЛОВ,**
старший преподаватель
кафедры конкурентного права
Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
эксперт
Международного центра
конкурентного права
и политики БРИКС
НИУ ВШЭ,
кандидат юридических наук
aomaslov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Антимонопольный контроль за сделками экономической концентрации в современных реалиях: новеллы законодательства и правоприменительной практики¹

Аннотация. Приобретение акций, долей, основных производственных средств, создание совместного предприятия, создание или процедура реорганизации юридического лица практически всегда не только несет в себе позитивные последствия для бизнеса и экономики, но и способно негативно повлиять на конкуренцию, вплоть до полного ее устранения на определенных товарных рынках. По этой причине законодатель устанавливает определенные случаи, когда совершаемая сделка требует либо предварительного согласия, либо последующего уведомления антимонопольного органа.

В последние несколько лет произошел ряд изменений, которые напрямую затрагивают процедуру согласования сделок, в том числе в рамках государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией.

В настоящей статье авторы предлагают рассмотреть наиболее актуальные тенденции развития института контроля за сделками экономической концентрации в последние годы.

Ключевые слова: экономическая концентрация, антимонопольный контроль за сделками, пятый антимонопольный пакет, контрсанкционные указы, санкции, иностранный инвестор, иностранные инвестиции, стратегические общества

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.132-142

¹ Позиция авторов настоящей статьи является их личным доктринальным мнением и может не совпадать с официальной позицией организаций, по отношению к которым авторы заявили о своей аффилиации.

Stefania B. SEGAL (RESHETNIKOVA),
*Leading lawyer in the antimonopoly practice
of the Pepelyaev Group Law Company,
lecturer at the Department of Business,
Labor Law and Corporate Law
at the M. M. Speransky Law Faculty of the RANEPA*
s.segal@pgplaw.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Anton O. MASLOV,
*Senior Lecturer at the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
expert at the International Center for Competition Law
and Policy of the BRICS HSE University, Cand. Sci. (Law)*
aomaslov@msal.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Antimonopoly control over economic concentration in nowadays: novelties of legislation and law enforcement

Abstract. *The acquisition of shares, stakes, fixed assets, the creation of a joint venture, the creation or reorganization of a legal entity almost always entails not only positive consequences for business and the economy, but can also negatively affect competition, up to its complete elimination in certain commodity markets. For this reason, the legislator establishes certain cases when a transaction requires either prior consent or subsequent notification to the antimonopoly authority.*

In the last few years, there have been a number of changes that directly affect the procedure for approving transactions, including within the framework of state antimonopoly control over economic concentration.

In this article, the authors propose to consider the most relevant trends in the development of the institute for monitoring economic concentration in recent years.

Keywords: *economic concentration, antimonopoly control over transactions, fifth antimonopoly package, counter-sanctions decrees, sanctions, foreign investor, foreign investments, strategic companies*

Новое пороговое значение для контроля за экономической концентрацией в России

Вопросы контроля за экономической концентрацией всегда занимали особое место в антимонопольном регулировании². О необходимости реформирования подхода к пороговым значениям, при достижении которых возникает необходимость получить предварительное согласие на совершение сделки либо уведомить регулятора о факте совершения сделки, неоднократно писали исследователи в сфере конкурентного права³.

Новая редакция ст. 28 Закона «О защите конкуренции» предусматривает, что, если цена совершаемой участниками гражданского оборота сделки превышает 7 млрд рублей, такая сделка подлежит предварительному согласованию с антимонопольным регулятором. При этом норма сконструирована таким образом, что поддается двоякому толкованию. С одной стороны, создается ощущение, что цена сделки — самостоятельное пороговое значение, применяется независимо от стоимости активов участников сделки. С другой стороны, указанную норму можно прочесть таким образом, что цена сделки является альтернативным пороговым значением по отношению к стоимости активов лица, являющегося объектом экономической концентрации (800 млн рублей).

Мы склоняемся к первому варианту толкования⁴, поскольку он непосредственно следует из текста пояснительной записки к законопроекту⁵. Таким образом, сделки подлежат согласованию с ФАС России при соблюдении одного из следующих условий: а) если балансовая стоимость активов группы лиц продавца (когда его активы берутся в расчет), покупателя и объекта экономической концентрации превышает установленные в законе пороговые значения; б) если цена совершаемой сделки превышает 7 млрд рублей.

Данное новшество можно оценить позитивно. Указанная новелла позволит осуществлять контроль за сделками, которые ранее выпадали из сферы антимонопольного контроля по причине того, что активы покупателя и объекта экономической концентрации были меньше пороговых значений, а активы продавца в силу прямого указания закона не учитывались (ч. 3 ст. 28 Закона о защите конкуренции), поскольку в результате совершения сделки последний утрачивал контроль над отчуждаемыми активами. Важно, что пороговое значение цены сделки распространяется не только и не столько на «цифровой бизнес», сколько на привычные отрасли экономики. Так, в мае 2025 г. антимонопольный орган

² Гаврилов Д. А. Антимонопольный контроль сделок слияний и поглощений в текущих условиях // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4 (32). С. 36—41.

³ Овакимян К. Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией : монография. М. : Проспект, 2024 ; Ашфа Д. М. Антиконтурентные практики на цифровых рынках и правовые способы их пресечения // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 89—102.

⁴ Сегал (Решетникова) С. Б., Маслов А. О. Пятый антимонопольный пакет : научно-практический комментарий новелл // Закон. 2024. Июль.

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 160280-8 «О внесении изменений в Федеральный закон № 135-ФЗ “О защите конкуренции”».

согласовал сделку по приобретению медицинских центров, стоимость которых превышала 7 млрд рублей⁶.

Госпошлина и административный штраф

С начала 2025 г. также повысилась государственная пошлина за рассмотрение ходатайства о согласовании сделки в антимонопольном органе. В настоящее время размер пошлины составляет 400 тыс. рублей. При этом максимальный административный штраф за несогласование сделки с антимонопольным органом составляет 500 тыс. рублей. Как следствие, представители практического сообщества и доктрины конкурентного права активно обсуждают вопрос о необходимости повышения размеров административного штрафа за несоблюдение процедуры предварительного согласования сделки с антимонопольным органом.

Заключение об обстоятельствах сделки в рамках процедуры нотификации сделки в антимонопольном органе

С принятием пятого антимонопольного пакета также появляется институт заключения об обстоятельствах при рассмотрении ходатайства о даче согласия на совершение сделки или иного действия в рамках государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией. Ранее данный институт использовался только при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства.

Заключение об обстоятельствах дела выносится, если регулятор приходит к предварительному выводу, что нотифицируемая сделка приведет или может привести к ограничению конкуренции. Заключение содержит фактические и иные обстоятельства, установленные антимонопольным органом по результатам рассмотрения ходатайства (в том числе по итогам проведенного анализа состояния конкуренции), описание доказательств, подтверждающих предварительные выводы о влиянии сделки на состояние конкуренции, а также предложения ФАС по условиям, которые могут быть установлены в отношении заявителя и (или) иных лиц, участвующих в сделке.

Очная процедура рассмотрения ходатайств ФАС России

Очная процедура возможна по инициативе участников сделки или регулятора, если было вынесено заключение об обстоятельствах дела. Иными словами, если регулятор приходит к выводу, что совершаемая сделка может негативно отразиться на конкуренции, возможен механизм очного рассмотрения ходатайства, чтобы участники сделки и регулятор могли в формате слушаний рассмотреть и обсудить потенциальное негативное влияние сделки на конкуренцию.

⁶ URL: <https://www.interfax.ru/business/1027071> (дата обращения: 25.06.2025).

До введения указанных изменений заявители в период рассмотрения сделки в некоторых случаях направляли в антимонопольный орган дополнительные пояснения, утверждающие о безопасности сделки для конкуренции и даже ее положительных эффектах для рынка, но данные действия никак не были регламентированы законодательством, не было никаких гарантий, что ФАС примет во внимание указанные пояснения при вынесении решения.

С учетом этого полагаем, что нововведения положительным образом повлияют на процедуру согласования сделок в ФАС, поскольку предоставляют возможность заявителям еще до вынесения антимонопольным органом решения по сделке ознакомиться с предварительными выводами ФАС, сформировать свои возражения в случае несогласия с данными выводами, представить дополнительные пояснения, т.е. по факту предоставляют заявителю и иным участникам сделки возможность повлиять на финальное решение антимонопольного органа по сделке.

К новым механизмам, позволяющим заявителю и иным участникам сделки влиять на решение антимонопольного органа по ходатайству, относится также появление в рамках процедуры контроля за экономической концентрацией института добровольных обязательств (*commitments*)⁷. Теперь участники сделки до момента принятия антимонопольным органом решения по результатам рассмотрения ходатайства вправе представить письменные обязательства об осуществлении действий, направленных на обеспечение конкуренции. Указанные обязательства будут учитываться антимонопольным органом при принятии итогового решения по результатам рассмотрения ходатайства.

Данный инструмент активно используется в конкурентном праве ЕС и Англии в рамках процедуры согласования сделок и процедуры рассмотрения дел о злоупотреблении доминирующим положением и заключении ограничивающих конкуренцию соглашений⁸.

Сделки экономической концентрации и контроль за иностранными инвестициями в России

В последние годы наблюдается существенное усиление контроля за сделками иностранных инвесторов в России⁹, особенно в отношении предприятий, осуществляющих стратегические виды деятельности.

⁷ См. подробнее: Румянцева Е. М. Правовая природа института добровольных обязательств // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 4. С. 20—25.

⁸ См., например: решение Европейской комиссии от 20.12.2022 (дата публикации решения: 17.02.2023) по делу AT.40462 // URL: <https://competition-cases.ec.europa.eu/cases/AT.40462> (дата обращения: 31.08.2023).

⁹ Мазуренко В. А. Государственный контроль за внутригрупповыми сделками с активами стратегического хозяйственного общества // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 4. С. 26—33 ; Арутюнян А. А., Белицкая А. В. Правовой аспект расширения сферы контроля иностранных инвестиций в Российской Федерации // Закон. 2024. № 6. С. 164—170.

Так, в конце 2022 г. были приняты поправки в Федеральный закон от «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Изменения предусматривают, что если в антимонопольный орган поступило ходатайство о получении предварительного согласия на совершение сделки в соответствии с Законом о защите конкуренции, то указанная сделка анализируется на предмет необходимости соблюдения процедур, предусмотренных законодательством об иностранных инвестициях. Указанная проверка обязательна в отношении инвестиций в стратегические предприятия, а также инвестиций в определенные российские общества, перечисленные в ч. 1 ст. 6 Закона об иностранных инвестициях (например, градообразующих предприятий, доминирующих хозяйствующих субъектов)¹⁰.

Также в соответствии с поправками при подаче ходатайства о согласовании сделок в соответствии с Законом о защите конкуренции в ФАС России заявитель представляет дополнительные документы, позволяющие антимонопольному органу определить, нуждается ли сделка в проверке на необходимость согласования с Правительственной комиссией или нет, а также получить более подробную информацию об иностранных инвесторах, являющихся акционерами и конечными бенефициарами приобретателя по сделке.

Кроме того, важно отметить, что теперь в случае передачи сделки на рассмотрение председателю Правительственной комиссии срок рассмотрения сделки может быть продлен более чем на 60 дней.

Весной 2023 г. также вступили в силу поправки в Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (далее — Закон № 57-ФЗ), которые существенно расширили понятие «иностраный инвестор». Иностранцами стали признаваться не только российские граждане с двойным гражданством, но также российские граждане, имеющие вид на жительство в другой стране или другой документ с правом постоянного проживания в иностранном государстве, лица, изменившие гражданство, а также лица, в отношении которых решение о приеме в гражданство Российской Федерации отменено. Для таких инвесторов введена обязанность подавать ходатайство в Правительственную комиссию в течение трех месяцев после установления контроля над стратегическим обществом, в том числе например, в связи с получением второго гражданства или вида на жительство. Иными словами, в данном случае фактически устанавливается обязанность получать разрешение не на совершение сделки, а на приобретение статуса иностранного инвестора.

Кроме того, на лиц, имеющих акции или доли в стратегических общества в размере свыше 5 %, накладывается обязанность уведомлять антимонопольный орган о всех изменениях, которые могут свидетельствовать о появлении у них статуса иностранного инвестора¹¹.

¹⁰ Федеральный закон от 29.12.2022 № 620-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и статьи 32 и 33 Федерального закона «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 67.

¹¹ Федеральный закон от 29.12.2022 № 577-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 24

Важно также отметить, что, если конечным бенефициаром иностранной компании выступает гражданин России, который не имеет статуса иностранного инвестора, но перестал быть налоговым резидентом РФ, не применяются положение ч. 9 ст. 2 Закона № 57-ФЗ, на отношения по установлению иностранной компанией контроля над российскими стратегическими обществами распространяются положения Закона № 57-ФЗ¹².

Поправки также распространили действие Закона № 57-ФЗ на хозяйственные общества, которые обращаются с заявлением о получении лицензии, необходимой для осуществления хотя бы одного из видов деятельности, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Вводятся процедура согласования получения таких лицензий, сертификатов и иных разрешительных документов, а также меры по приостановлению действия выданных разрешений в случае выявления нарушений.

В настоящее время еще рассматривается ряд законодательных инициатив, направленных на усиление контроля в сфере иностранных инвестиций. ФАС России выступила с инициативой о расширении перечня стратегических видов деятельности. Так, помимо деятельности по вылову водных биологических ресурсов, уже признанной стратегическим видом деятельности, антимонопольный орган предлагает признать стратегическими иные виды деятельности, связанные с рыбной промышленностью, в том числе приемку, переработку, транспортировку и хранение водных биоресурсов, а также производство рыбной продукции и аквакультуру.

Антимонопольный орган детерминирует необходимость таких изменений тем, что иностранные инвесторы, с учетом выявленных антимонопольным органом случаев незаконно установленного контроля над рыбодобывающими обществами, лишают компании самостоятельности по всем аспектам комплексной деятельности, в связи с чем согласованию подлежит контроль над предприятиями, которые занимаются не только непосредственно добычей рыбы¹³.

Изменение подходов к контролю за сделками с участием иностранных инвесторов имеет важное значение для практики, и в первую очередь в контексте последствий нарушения требований о предварительном согласовании сделок. По Закону о защите конкуренции последствия нарушения правил о согласовании сделок весьма незначительные: административный штраф в размере до 500 тыс.

¹² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.06.2023 по делу № А42-7217/2021 ; определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 726-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Креславской Анастасии Александровны, Полещука Даниила Александровича, Романова Александра Адольфовича и акционерного общества “Зевс” на нарушение их конституционных прав частью 9 статьи 2 и статьей 15 Федерального закона “О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государств”».

¹³ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/regulation/npra/publicview?npaid=154454>.

руб. (при государственной пошлине за подачу ходатайства в 400 тыс. руб.), возможность оспаривания в суде совершенной сделки, если будет доказано, что она привела к ограничению конкуренции.

В то же время при нарушении требований Закона № 57-ФЗ негативные последствия существеннее. Заключенная с нарушением Закона № 57-ФЗ сделка является ничтожной, в связи с чем все полученные приобретателем в результате сделки акции или доли могут быть взысканы в доход государства. При этом изменения, которые предоставляют право на иск о взыскании в доход государства полученные по сделке акции или доли, были приняты в начале 2022 г. Указанная норма является процессуальной и распространяется на сделки и действия по установлению контроля, которые были совершены до ее вступления в силу. При этом суды достаточно активно используют данную норму на практике¹⁴ и применяют последствия недействительности ничтожной сделки путем взыскания в доход государства акций и долей, которые были приобретены иностранным инвестором в нарушение правил Закона № 57-ФЗ.

Кроме того, важно иметь в виду риски иных неблагоприятных последствий, вытекающих из нарушения требований Закона № 57-ФЗ. Так, например, в рамках иска заместителя Генерального прокурора РФ о признании недействительной сделки и о применении последствий недействительности сделки, в результате которой группа лиц с иностранным инвестором несанкционированно получила контроль над российскими рыбодобывающими предприятиями, также было заявлено и впоследствии удовлетворено требование о взыскании с ответчиков 358,7 млрд руб. ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам вследствие незаконного их вылова иностранными инвесторами¹⁵. Данное последствие напрямую из Закона № 57-ФЗ не вытекало, но суды посчитали возможным применить его в системе с нормами отраслевого законодательства, регулирующего ответственность за нарушения в сфере вылова водных биологических ресурсов.

Таким образом, складывающаяся судебная практика демонстрирует, что фактически перечень неблагоприятных последствий для иностранных инвесторов, не прошедших соответствующую процедуру согласования сделки по Закону № 57-ФЗ, постоянно пополняется.

Неоднозначным остается вопрос о возможности удовлетворения иска о взыскании полученного по сделке в доход государства, когда на момент рассмотрения дела гражданин Российской Федерации утратил статус иностранного инвестора (утратил связь с иностранным государством). Важно заметить, что суды признают нарушение порядка Закона № 57-ФЗ и удовлетворяют иск о взыскании в доход государства имущества, полученного по сделке, и в тех случаях, когда на момент рассмотрения дела гражданин Российской Федерации утратил статус иностранного инвестора¹⁶. Иными словами, суды считают, что если изначально

¹⁴ См. судебные акты по делам: А21-2269/2023, А40-221753/2022, А56-24370/2023, А51-13465/2023.

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2025 № 303-ЭС25-238 по делу № А51-1301/2024.

¹⁶ Судебные акты по делу А53-49116/2024 (URL: <https://mkad.arbitr.ru/card/5c17cb53-6b5d-4343-bd3c-c1f74d372612>).

сделка была совершена с нарушением Закона № 57-ФЗ, то дальнейшее устранения нарушения путем отказа от второго гражданства или вида на жительство не исцеляет первоначальную сделку. Данных примеров весьма немного, тем не менее подобная практика присутствует.

Равным образом, спорным и нерешенным на практике остается вопрос о необходимости согласования по правилам Закона № 57-ФЗ кандидатуры ЕИО (физического лица) стратегического общества в случае, если:

- ЕИО имеет вид на жительство или иностранное гражданство;
- ЕИО входит в группу лиц с иностранным инвестором (например, супруг(а) ЕИО имеет иностранное гражданство или вид на жительство).

Контрсанкционные ограничения для сделок экономической концентрации в России

С марта 2022 г. ряд сделок¹⁷ в отношении акций, долей, основных производственных средств российских юридических лиц с участием субъектов из недружественных стран, входящих в перечень иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации¹⁸, подлежат предварительному согласованию с Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций либо с Президентом РФ.

Как следствие, на практике возникает ситуация, при которой ряд сделок одновременно подпадает под необходимость согласования по правилам и Закона о защите конкуренции, и Закона № 57-ФЗ, а также по правилам контрсанкционного регулирования. При этом каждая из указанных процедур согласования имеет свои особенности и предполагает сбор и подачу разного пакета документов. По этой причине возникает вопрос: в каком порядке необходимо получать указанное согласование? Закон о защите конкуренции прямо предусматривает, что разрешение на сделку по его правилам может быть выдано только после получения согласования по правилам Закона № 57-ФЗ. По этой причине если сделка одновременно требует согласования по Закону о защите конкуренции и Закону № 57-ФЗ, то в антимонопольный орган подаются оба ходатайства. При этом ходатайство по Закону о защите конкуренции будет рассматриваться только после рассмотрения ходатайства по правилам Закона № 57-ФЗ.

Контрсанкционные правила не содержат указания на то, что сначала нужно получить согласие ФАС России по правилам Закона о защите конкуренции и Закона 57-ФЗ. Как следствие, заявители могут:

¹⁷ Указы Президента РФ от 08.09.2022 № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами»; от 15.10.2022 № 737 «О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций)»; от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации».

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц».

- инициировать одновременное согласование по правилам контрсанкционного регулирования, Закону о защите конкуренции и Закону № 57-ФЗ;
- сначала получить согласование по правилам Закона о защите конкуренции и далее обратиться за согласованием в рамках контрсанкционного регулирования. В данном случае важно не пропустить срок, в течение которого действует решение антимонопольного органа на совершение сделки в соответствии с Законом о защите конкуренции (такой срок равен 1 году);
- инициировать получение одобрения на сделку по правилам Закона № 57-ФЗ и контрсанкционного регулирования, а затем получить одобрение на сделку от ФАС России в соответствии с Законом о защите конкуренции.

При этом глава 7 Закона о защите конкуренции содержит указание на то, что сделки и иные действия, которые по общему правилу подлежат предварительному согласованию, не требуют такого согласования, если совершаются в случаях, которые прямо предусмотрены актами Президента РФ или Правительства РФ. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) если разрешение на совершение сделки выдал Президент РФ, то такая сделка не требует согласования по правилам Закона о защите конкуренции. При этом в ряде решений Президента РФ специально указывается, что сделка не требует согласования с иными органами. Делается это, вероятно, целенаправленно для исключения неопределенности относительно необходимости дальнейшего согласования сделки в ином порядке;
- 2) если разрешение на совершение сделки в рамках контрсанкционного регулирования выдала Правительственная комиссия, то также необходимо получить согласие по правилам Закона о защите конкуренции, поскольку Комиссия не входит в состав Правительства РФ.

С точки зрения правовых последствий, которые порождает совершаемая сделка, интересен следующий вопрос: сделки, совершенные с нарушением контрсанкционного регулирования, являются ничтожными или оспоримыми? Ряд контрсанкционных нормативных актов прямо содержат указание на ничтожность¹⁹ совершенной сделки, другие же вовсе не предусматривают последствия нарушения порядка. В то же время примеров в судебной практике по признанию указанных сделок ничтожными практически нет²⁰, поскольку в настоящее время уполномоченные органы власти и организации²¹ не совершают распорядительную сделку, если на нее потребуется предварительное разрешение Правительственной комиссией или Президента РФ.

¹⁹ Указ Президента РФ от 05.08.2022 № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций».

²⁰ Судебными актами по делу № А41-101031/2022 установлено, что сделка с недвижимым имуществом в нарушение Указа Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации», является ничтожной в силу ст. 168 ГК РФ.

²¹ Это Росреестр, если речь идет о сделках с недвижимым имуществом, нотариус и ФНС в случае сделок с долями в уставном капитале ООО, депозитарии, которые учитывают переход права на бездокументарные акции.

Вместо вывода

В текущих правовых условиях совершение сделок экономической концентрации требует повышенного внимания от участников гражданского оборота. Одна и та же сделка может потребовать соблюдения разных процедур согласования. При этом, если относительно согласования сделок по правилам Закона о защите конкуренции вся процедура и основания согласования являются достаточно четкими и прозрачными, то процедура и основания согласования сделок по правилам Закона № 57-ФЗ и контрсанкционных норм менее четкие и прозрачные. Сделки иностранных инвесторов (особенно из недружественных стран) в отношении российских компаний (в том числе стратегических обществ) находятся под пристальным вниманием антимонопольного органа и Правительственной комиссии. Равным образом в настоящее время процесс получения разрешения на такие сделки как никогда сложен и затянут.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнян А. А., Белицкая А. В. Правовой аспект расширения сферы контроля иностранных инвестиций в Российской Федерации // Закон. — 2024. — № 6. — С. 164—170.
2. Ашфа Д. М. Анतिकонкурентные практики на цифровых рынках и правовые способы их пресечения // Журнал российского права. — 2024. — № 4. — С. 89—102.
3. Гаверилов Д. А. Антимонопольный контроль сделок слияний и поглощений в текущих условиях // Российское конкурентное право и экономика. — 2022. — № 4 (32). — С. 36—41.
4. Мазуренко В. А. Государственный контроль за внутригрупповыми сделками с активами стратегического хозяйственного общества // Российское конкурентное право и экономика. — 2021. — № 4. — С. 26—33.
5. Овакимян К. Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией : монография. — М. : Проспект, 2024. — 128 с.
6. Румянцева Е. М. Правовая природа института добровольных обязательств // Российское конкурентное право и экономика. — 2024. — № 4. — С. 20—25.
7. Сегал (Решетникова) С. Б., Маслов А. О. Пятый антимонопольный пакет: научно-практический комментарий новелл // Закон. — 2024. — Июль.

Развитие правовых механизмов формирования пространства экологической и климатической безопасности в рамках Евразийского экономического союза¹

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации Целей устойчивого развития ООН в рамках ЕАЭС, которые являются на сегодняшний день главными политическими ориентирами для всего мирового сообщества. Авторы акцентировали внимание на экологических и климатических проблемах устойчивого развития.

Рассматривая Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, авторы показали, что вызовы и угрозы, обозначенные в Стратегии, по сути, являются вызовами и угрозами не только для России, но и для всех дружественных стран, в том числе для стран ЕАЭС. При этом существующие экологические проблемы в одной стране — участнице ЕАЭС чаще всего имеют трансграничный характер и не могут не влиять на экологическую обстановку в других странах.

В статье проведен анализ важнейшего документа ЕЭК — Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции. На основе научного анализа и теоретических обобщений авторы показали, что основой интеграционных процессов является общее понимание вызовов и угроз, а также степень вовлеченности ЕАЭС в мировые процессы, и прежде всего в экологической и климатической сфере.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция, экологическая и климатическая безопасность, Цели устойчивого развития, документы стратегического планирования

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.143-154

Наталья Григорьевна ЖАВОРОНКОВА,
член экспертного совета
при Счетной палате
Российской Федерации,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор
qavoron49@mail.ru
119121, Россия, г. Москва,
ул. Зубовская, д. 2

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
профессор кафедры
экологического
и природоресурсного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор
jgshpakovskij@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Natalia G. ZHAVORONKOVA,

Member of the Expert Council at the
Accounts Chamber of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Dr Sci. (Law), Professor
qavoron49@mail.ru
2, ul. Zubovskaya, Moscow, Russia, 119121

Yuri G. SHPAKOVSKY,

Professor of the Department
of Environmental and Natural Resource
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Dr Sci. (Law), Professor
jgshpakovskij@mail.ru
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

The regime of the share in the authorized capital (shares) as the spouses' common property

Abstract. *The article discusses the problems of implementing the UN Sustainable Development Goals within the EAEU, which are currently the main political guidelines for the entire global community. The authors focused on the environmental and climate challenges of sustainable development.*

By examining the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation, the authors showed that the challenges and threats outlined in the Strategy are essentially challenges and threats not only for Russia, but also for all friendly countries, including those in the EAEU. At the same time, the existing environmental problems in one EAEU member state are often cross-border in nature and cannot but affect the environmental situation in other countries.

The article provides an analysis of the EEC's most important document, "Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration." Based on scientific analysis and theoretical generalizations, the authors demonstrate that the foundation of integration processes lies in a shared understanding of challenges and threats, as well as the extent to which the EAEU is involved in global processes, particularly in the environmental and climate spheres.

Keywords: *Eurasian Economic Integration, Environmental and Climate Security, Sustainable Development Goals, Strategic Planning Documents*

В 2015 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия) состоялась конференция ООН, принявшая Повестку дня до 2030 года, включившую 17 целей устойчивого развития (ЦУР). Сегодня они являются главными политическими ориентирами для всего мирового сообщества. Эти 17 целей устойчивого развития разбиты по пяти направлениям: справедливое социальное развитие; инклюзивный экономический рост; охрана окружающей среды и экологическая безопасность; мир и справедливость; партнерство.

Концепция, реализующая ЦУР, является трехмерной (3D) категорией, охватывающей: а) экологический, включая климатический, аспект (измерение), активнее и острее всего обсуждаемый политиками на разного рода мировых форумах, б) социальное и в) экономическое измерения. Последние включают задачи минимизации голода, бедности, укрепления здоровья и развития образования (так называемого человеческого капитала), а также инклюзивного экономического роста, при котором процесс развития охватывает все слои населения, не позволяя людям остаться за бортом экономического прогресса. Принципиально, что все три измерения и все 17 ЦУР взаимосвязаны, взаимозависимы и направлены на достижение главной стратегической цели указанного развития — повышение качества жизни людей².

Почти 200 стран, подписались под Целями устойчивого развития ООН, но в силу экономических возможностей по-разному подходят к их реализации. По мнению академика РАН Б. Н. Порфирьева, «процесс перехода на рельсы устойчивого развития и в мире в целом, и в России в частности идет медленнее, чем хотелось бы, с ощутимыми противоречиями и трудностями. Причин несколько, но одна из главных заключается, на наш взгляд, в том, что в перечисленных выше моделях принятия решений принципиальная для бизнеса экономическая составляющая устойчивого развития уходит на второй план. Конечно, устойчивое развитие корпораций может и, вероятно, должно сближаться с понятием устойчивого развития общества в целом, но они никогда не будут тождественны. Для бизнеса была и остается главной его успешная коммерческая деятельность, что бы об этом ни говорили, — иначе это уже не бизнес и не рынок»³.

Вместе с тем наибольшее внимание мирового сообщества в последние годы уделяется решению (в контексте устойчивого развития) глобальных экологических проблем, в первую очередь вызванных изменением климата.

В 2025 г. Всемирный экономический форум опубликовал доклад о глобальных вызовах на предстоящее десятилетие⁴. Экологические проблемы в этом докладе в списке из десяти основных рисков занимают первые четыре позиции: экстремальные погодные явления; утрата биоразнообразия и разрушение экосистем;

² Порфирьев Б. Н. Устойчивое развитие, климат и экономический рост: стратегические вызовы и решения для России. СПб. : СПбГУП, 2020. С. 8.

³ Порфирьев Б. Н. Указ. соч. С. 9.

⁴ Обзор Доклада о глобальных рисках 2025 года Всемирного экономического форума (15 января 2025 г.) / Департамент торговых переговоров Минэкономразвития России // URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d11/obzor_doklada_o_globalnyh_riskah_2025_goda_vsemirnogo_ekonomicheskogo_foruma.html (дата обращения: 03.09.2025).

серьезные изменения в системе Земли; нехватка природных ресурсов. И на 10-м месте также стоят экологические проблемы — загрязнение окружающей среды.

Таким образом, половина главных вызовов сопряжена с проблемами трансформации окружающей среды и климатических изменений. Глобальные риски, связанные с состоянием окружающей среды, изменением климата, адресованы не отдельным государствам, а всему мировому сообществу. И каждое государство вырабатывает свой собственный подход для решения данной проблемы — одни страны опережают глобальный и международный уровень соответствующей политики, другие — наоборот.

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации четко и прагматично обозначены вызовы, стоящие перед страной: «...трансформация миропорядка, сопровождающаяся перестройкой глобальных финансовых, логистических и производственных систем, ростом геополитической и экономической нестабильности, международной конкуренции и конфликтности, системного неравенства на фоне ослабления национальных государственных институтов, снижения уровня и повышения сложности участия в международной кооперации в рамках научной, научно-технической и инновационной деятельности исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования экономики данных, ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта во всех отраслях экономики и социальной сферы и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих передовыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов;

демографический переход, обусловленный снижением рождаемости, увеличением продолжительности жизни, изменением образа жизни, и связанное с этим старение населения, возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих воспроизводству природных ресурсов, и связанный с их неэффективным использованием рост рисков для жизни и здоровья граждан, изменение климата и влияние последствий его изменения на различные отрасли экономики, население и окружающую среду, новые гибридные внешние угрозы национальной безопасности, в том числе военные, террористические, информационные и биологические, увеличение риска появления новых и возврата исчезнувших инфекций (носящих как природный, так и искусственный характер), усиление их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности»⁵.

Вызовы и угрозы, обозначенные в Стратегии, по сути, являются вызовами и угрозами не только для России, но и для всех дружественных стран, в том числе для стран ЕАЭС.

В мае 2024 г. Президент РФ подписал Указ о национальных целях развития страны⁶. В качестве одной из национальных целей развития России указано экологическое благополучие, определены целевые показатели и задачи достижения

⁵ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 3145).

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «Консультант-Плюс».

этой национальной цели. Среди целевых показателей и задач — формирование экономики замкнутого цикла; поэтапное снижение выбросов опасных загрязняющих веществ; ликвидация накопленного вреда окружающей среде; сохранение уникальной экологической системы озера Байкал и др.

Важно отметить, что в последние годы принят целый пакет законодательных и иных нормативных актов, в которых на стратегическом уровне обозначены ориентиры решения экологических и климатических проблем в России.

Так, среди приоритетных направлений научно-технологического развития выделены «адаптация к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов», в число критических технологий включены⁷:

- 1) мониторинг и прогнозирование состояния окружающей среды и изменения климата (в том числе ключевых районов Мирового океана, морей России, Арктики и Антарктики), технологии предупреждения и снижения рисков чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, негативных социально-экономических последствий;
- 2) экологически чистые технологии эффективной добычи и глубокой переработки стратегических и дефицитных видов полезных ископаемых;
- 3) технологии сохранения биологического разнообразия и борьбы с чужеродными (инвазивными) видами животных, растений и микроорганизмов.

Принятая в 2023 г. новая Климатическая доктрина стратегической целью климатической политики определила «обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации, включая институциональный, экономический, экологический и социальный, в том числе демографический, факторы, в условиях изменения климата и возникновения сопутствующих ему угроз»⁸.

Вполне логично, что реализация обозначенных Президентом России национальных целей развития и направлений в области экологии и климата не может эффективно решаться без взаимодействия с другими странами, в том числе в рамках Евразийского экономического союза. Более того, экологическая и климатическая повестка выступает в настоящий момент одной из ключевых составляющих как международных отношений в целом, так и национальных направлений развития.

Интересно, что ЕАЭС образовался практически в одновременно с принятием ООН Целей устойчивого развития. Именно для совместного противостояния глобальным вызовам ряд государств на постсоветском пространстве объединились в экономический союз, целями которого, в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе⁹, являются:

- создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения;

⁷ Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024 // СПС «КонсультантПлюс».

- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза;
- всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Существующие экологические проблемы в одной стране — участнице ЕАЭС чаще всего имеют трансграничный характер и не могут не влиять на экологическую обстановку в других странах. Именно совместный поиск решений существующих проблем является необходимостью и одной из основных целей в настоящее время.

В 2025 г. истекает срок реализации действующих Стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции. Документ, определяющий стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 г. и раскрывающий конкретные механизмы и мероприятия по реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, был подготовлен Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) совместно с правительствами государств-членов в соответствии с распоряжением Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 № 9¹⁰. Стратегия состоит из общих (концептуальных) положений и перечня из более чем 300 мер и механизмов, сгруппированных в 11 системных блоков по направлениям деятельности ЕАЭС.

Этот важный документ, утвержденный главами государств — членов ЕАЭС, определяет ключевые цели и задачи, направленные на углубление интеграционных процессов и укрепление позиций Союза на международной арене. Документ охватывает широкий спектр направлений — от развития инфраструктуры и цифровизации до усиления экономического сотрудничества и улучшения качества жизни граждан. Стратегические направления развития ЕАЭС сосредоточены на создании условий для устойчивого экономического роста и улучшения социально-экономического положения стран — членов Союза. В документе выделен ряд ключевых задач:

- углубление экономической интеграции, что включает устранение оставшихся барьеров для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также развитие общих рынков и координацию экономической политики;
- активное развитие инфраструктурных проектов, которые свяжут страны ЕАЭС в единую транспортную и энергетическую сеть. Особое внимание будет уделено развитию транспортных коридоров, модернизации железных дорог, портов и аэропортов, а также созданию новых энергетических мощностей;
- цифровизация экономики. Стратегия предполагает внедрение новых технологий в различные сферы, включая электронное правительство, электронную коммерцию, системы управления и производственные процессы;

¹⁰ Данный документ был утвержден решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года» (утв. Советом ЕЭК 05.04.2021).

— улучшение социально-экономического положения граждан стран ЕАЭС, которое включает в себя повышение уровня занятости, улучшение социальной защиты, доступ к качественному образованию и здравоохранению, а также создание условий для устойчивого развития регионов и др.

Актуальность принятия Стратегии обусловлена необходимостью адаптации экономик стран ЕАЭС к новым реалиям глобальной экономики, включая цифровизацию, изменение структуры мировой торговли и усиление роли региональных интеграционных объединений. В этом контексте ЕАЭС стремится занять лидирующие позиции в Евразии и укрепить свои позиции на международной арене.

Актуальность принятия Стратегии обусловлена необходимостью адаптации экономик стран ЕАЭС к новым реалиям глобальной экономики, включая цифровизацию, изменение структуры мировой торговли и усиление роли региональных интеграционных объединений. В этом контексте ЕАЭС стремится занять лидирующие позиции в Евразии и укрепить свои позиции на международной арене.

Согласно стратегическим направлениям, «одним из интеграционных приоритетов является повышение энергосбережения и энергоэффективности, разрешение существующих экологических проблем и обеспечение устойчивого развития. В этой сфере предполагается объединение усилий по созданию и использованию новых технологий и инноваций, в том числе “зеленых” технологий, возобновляемых источников энергии, моделей циркулярной экономики, биоинженерии и нанотехнологий»¹¹.

Кроме того, следует обратить внимание на проект Программы развития интеграции в сфере статистики ЕАЭС на 2021—2025 годы, в котором отмечается, что «интеграционные процессы оказывают возрастающее влияние на статистику: появляются новые разделы, такие как “зеленая” экономика и охрана окружающей среды»¹².

Возникает вопрос: возможно ли на современном этапе экономической интеграции в ЕАЭС принятие межгосударственного стратегического планирующего документа в области экологической и климатической безопасности, учитывающего современные общие и частные угрозы и вызовы в данных сферах.

В 2024 г. ЕАЭС отметил свой первый юбилей — 10 лет с даты подписания Договора. В мае 2024 г. на юбилейном саммите глав государств ЕАЭС Президент России В. В. Путин сказал, что за 10 лет ЕАЭС утвердился в качестве «самостоятельного центра формирующегося многополярного мира»¹³. Президент России также подчеркнул перспективность взаимодействия стран ЕАЭС в области охраны

¹¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² *Ефремова М. С.* Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2023. Т. 17. № 1 (43). С. 110—118.

¹³ URL: <https://www.ve-domosti.ru/politics/articles/2024/05/08/1036286-chto-vladimir-putin-govoril> (дата обращения: 25.08.2025).

окружающей среды и борьбы с климатическими изменениями¹⁴, что неразрывно связано с достижением глобальных Целей устойчивого развития ООН в рамках интеграционного объединения.

Заметим, что основным международно-правовым документом для ЕАЭС выступает Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г., кодифицировавший международные договоры, касавшиеся функционирования Таможенного союза, Единого экономического пространства, а также договоры, подписанные в рамках ЕАЭС.

Несмотря на большое количество международных соглашений, подписанных до 2014 г., среди них было немного многосторонних договоров, направленных на обеспечение экологической безопасности. Кроме того, в Договоре 2014 г. отсутствовал специальный раздел, посвященный правовому регулированию экологической безопасности.

При этом отдельные нормы, касающиеся регулирования экологических отношений, в Договоре все же присутствуют. Прежде всего это ст. 29, которая дает право на установление ограничений в торговле для охраны окружающей среды, флоры и фауны. Статья 52 Договора регламентирует принятие технических регламентов Союза «в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений»¹⁵.

Здесь также можно отметить наличие технических регламентов «О безопасности средств индивидуальной защиты», «О безопасности пищевой продукции», «О требованиях к минеральным удобрениям», «О требованиях к средствам обеспечения пожарной безопасности и пожаротушения», «О требованиях к магистральным трубопроводам для транспортирования жидких и газообразных углеводородов», «О безопасности продукции, предназначенной для гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и др.¹⁶

Так, например, Технический регламент ЕАЭС «О безопасности продукции, предназначенной для гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (ТР ЕАЭС 050/2021)»¹⁷ устанавливает обязательные для применения и исполнения на таможенной территории ЕАЭС требования к продукции, предназначенной для гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, выпускаемой в обращение на таможенной территории Союза.

¹⁴ Официальный сайт Евразийского экономического союза (ЕАЭС). URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁵ Сайт РСДМ. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/mezhdunarodnoe-ekologicheskoe-sotrudnichestvo-v-ramkakh-eaes/> (дата обращения: 29.08.2025).

¹⁶ Решение Коллегии ЕЭК от 02.04.2019 № 52 (с изм. и доп.) «О перечне технических регламентов Евразийского экономического союза (технических регламентов Таможенного союза)» // СПС «КоносултантПлюс».

¹⁷ Принят решением Совета Евразийской экономической комиссии от 05.10.2021 № 100.

Действие данного технического регламента не распространяется:

- а) на продукцию, разработанную и модифицированную для распознавания, обнаружения бактериологических (биологических) объектов и радиоактивных материалов, которые могут быть использованы в военных целях, или для защиты от таких объектов и материалов;
- б) продукцию, разработанную и модифицированную для распознавания, обнаружения токсичных химикатов, используемых в химическом оружии, и химических средств для борьбы с массовыми беспорядками или для защиты от таких химикатов и средств, а также на специально разработанные для этой продукции компоненты и т.д.

Также следует отметить отдельные международные соглашения по различным вопросам экологии, которые реализуются в рамках ЕАЭС. Пример — двустороннее Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов (2002 г.), в рамках которого Россия и Беларусь: принимают меры по предотвращению, ограничению и сокращению загрязнения трансграничных водных объектов; воздерживаются от действий или бездействия, которые могут привести к ухудшению гидрологического и гидрохимического режима трансграничных водных объектов; принимают меры по предотвращению или смягчению вредного воздействия вод, включая наводнения, водную эрозию, заболевания, передающиеся через воду.

Исследователи отмечают, что уровень экологического сотрудничества в рамках ЕАЭС характеризуется рядом проблем¹⁸.

Во-первых, в обеспечении экологической безопасности наблюдается нехватка унифицированных подходов, а национальное законодательство отличается несогласованностью и множеством декларативных положений. Несмотря на провозглашенные намерения в рамках ЕАЭС по развитию сотрудничества и созданию согласованных подходов к регулированию охраны окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, фактическое взаимодействие остается недостаточным.

Во-вторых, в рамках единого правового пространства ЕАЭС на первом месте стоят вопросы экономики, а решению экологических и климатических проблем отводится второстепенная роль. Поэтому главной практической проблемой в сфере экологической и климатической безопасности выступает необходимость разумного сочетания развития экономики и решения экологических проблем. Распространение интеграционных процессов на обеспечение экологической и климатической безопасности предполагает согласование национального законодательства с международными правовыми актами.

В-третьих, создание общей системы обеспечения устойчивого развития, экологической и климатической безопасности на пространстве ЕАЭС является необходимым интеграционным процессом. Это связано с изменением климата на планете в целом, в особенности с происходящими процессами глобального потепления.

¹⁸ См.: например: *Ражина К. Д.* Обеспечение экологической безопасности на уровне ЕАЭС // Актуальные вопросы публичного права. 2024. С. 571—580 ; *Ефремова М. С.* Указ. соч.

При этом новые экологические и климатические вызовы, обеспечение рационального использования природных ресурсов, охрана окружающей среды, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера объективно обуславливают необходимость выработки единой стратегии в области экологической и климатической безопасности в контексте устойчивого развития интеграционного объединения.

Важно отметить, что с 01.01.2023 Российская Федерация председательствует в органах ЕАЭС. Это дает реальную возможность продолжить активную работу не только по реализации стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года, но и по формированию новых интеграционных инициатив на среднюю и долгосрочную перспективу (с горизонтом до 2030 и 2045 гг.).

Следует отметить, что в рамках ЕАЭС в 2021 г., в соответствии с распоряжением Коллегии ЕЭК от 28.09.2021 № 150 во исполнение распоряжения Евразийского межправительственного совета от 20.08.2021 № 10 была создана Рабочая группа высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки, а 14.10.2021 на заседании Высшего Евразийского экономического совета было принято заявление об экономическом сотрудничестве государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки, проект которого был подготовлен Рабочей группой. Данный документ, подписанный в преддверии 26-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в Глазго, отражает позицию государств — членов ЕАЭС по глобальной климатической повестке и задает вектор для формирования согласованных подходов по этому направлению в рамках интеграционного объединения¹⁹.

В течение 2021—2022 гг. велась активная работа по согласованию Первого пакета мероприятий (Дорожной карты) по сотрудничеству государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки в целях предотвращения барьеров и ограничений на внутреннем рынке Союза и сохранения конкурентоспособности экономик государств — членов ЕАЭС в условиях глобальной технологической трансформации и изменения структуры мировой экономики.

Данный Первый пакет мероприятий (Дорожная карта) был принят 21.10.2022 на заседании Евразийского межправительственного совета. В этом документе выделяются следующие направления²⁰:

- анализ национального законодательного регулирования в климатической сфере и подготовка предложений по развитию общих подходов в данной области;

¹⁹ Сайт ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dotp/klimaticheskaya-povestka/> (дата обращения: 29.08.2025).

²⁰ См. например: Критерии зеленых проектов государств — членов ЕАЭС (одобренны Рабочей группой высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки. Протокол от 22.12.2022 № 43-АС); Шугуров М. В. Государства — члены ЕАЭС и Зеленый климатический фонд: перспективы скоординированного взаимодействия в сфере климатического финансирования // Международное право и международные организации. 2024. № 2. С. 12—50.

- разработка предложений по формированию совместных рыночных и нерыночных механизмов углеродного регулирования для достижения целей Парижского соглашения, в том числе реализация Евразийских инициатив низкоуглеродного развития, «зеленое» финансирование, формирование Банка климатических технологий и цифровых инициатив и др.;
- определение мер стимулирования низкоэмиссионной трансформации в энергетике, металлургии, химической промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и на транспорте;
- координация в сфере международных торговых отношений по вопросам климатической повестки и иное взаимодействие в целях продвижения интересов государств — членов ЕАЭС в климатической сфере на международной арене.

На заседании Евразийского межправительственного совета 04.06.2024 были приняты подходы по регулированию вопросов климатической повестки в рамках ЕАЭС, которые включают следующие направления:

- создание условий для реализации кооперационных низкоуглеродных проектов, в том числе через разработку межгосударственных стандартов;
- формирование согласованных подходов к аккредитации органов валидации и верификации в сфере углеродного регулирования;
- подготовка предложений по недопущению торгово-экономических барьеров, вызванных климатическим регулированием государств — членов ЕАЭС.
- разработка предложений по сближению позиций государств — членов ЕАЭС в рамках адаптации к изменению климата.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что ЕАЭС, являясь региональным объединением стран бывшего СССР, имеет определенный потенциал развития, и в первую очередь в экономической и социально-экологической сфере. На наш взгляд, основой интеграционных процессов является общее понимание вызовов и угроз, а также степень вовлеченности ЕАЭС в мировые процессы, и прежде всего в экологической и климатической сфере. Для укрепления эффективности функционирования ЕАЭС и повышения степени его влияния на международную экономическую и экологическую политику необходимо, на наш взгляд, предпринять следующие усилия:

- подготовить и принять «дорожную карту» развития ЕАЭС на основе признания эколого-экономической повестки в качестве главной цели на десятилетие;
- закрепить в основных документах перечень вызовов и угроз как отправной точки для планирования в рамках организации;
- подготовить и принять на уровне Коллегии Евразийской экономической комиссии перечень программ (на основе компендиума согласованных целей) по реализации экологической и климатической повестки;
- внести изменения в ряд деклараций и соглашений с учетом новых глобальных вызовов, взяв за основу ряд документов стратегического планирования, принятых в последние годы в России;
- разработать и принять Основы экологической и климатической политики ЕАЭС;

- определить содержание и правовые основы экологической и климатической безопасности как для отдельной страны, так и для объединения в целом;
- подготовить и принять межгосударственные акты о пространственном, технологическом и экологическом развитии как базы совместных действий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ефремова М. С.* Роль ЕАЭС и ШОС в формировании пространства экологической безопасности в Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2023. — Т. 17. — № 1 (43). — С. 110—118.
2. *Порфирьев Б. Н.* Устойчивое развитие, климат и экономический рост: стратегические вызовы и решения для России. — СПб. : СПбГУП, 2020. — Серия : Избранные лекции Университета. — Вып. 208. — 40 с.
3. *Ражина К. Д.* Обеспечение экологической безопасности на уровне ЕАЭС // Актуальные вопросы публичного права. — 2024. — С. 571—580.
4. *Шугуров М. В.* Государства — члены ЕАЭС и Зеленый климатический фонд: перспективы скоординированного взаимодействия в сфере климатического финансирования // Международное право и международные организации. — 2024. — № 2. — С. 12—50.

Ценности и риски современной цифровой демократии

Аннотация. В статье анализируются ценности и риски цифровой демократии. Подчеркивается, что цифровые технологии прочно вошли в повседневную жизнь людей, предоставляя им совершенно новые услуги связи. В качестве важнейшей ценности цифровой демократии указываются рационализация участия граждан в общественной и политической жизни и сближение органов публичной власти с населением посредством устранения лишних посредников в отношениях между ними. Благодаря внедрению современных технологий улучшается качество обслуживания населения, и формируются новые механизмы предоставления публичных услуг. Цифровая демократия является также важным драйвером развития других, более традиционных видов демократии. При этом порождаются и определенные риски. Граждане становятся все более транспарентными для государства и различных коммерческих структур в результате использования их персональных данных. Существует и такое явление, как цифровой разрыв, заключающийся в неспособности отдельных людей пользоваться современными технологиями должным образом и на регулярной основе. Различия в цифровой готовности, однако, существуют не только между конкретными индивидуумами, но и между отдельными странами и регионами, городской и сельской местностью.

Ключевые слова: цифровая демократия, представительная демократия, органы публичной власти, публичные услуги, электронное правительство, инновационные механизмы, группы интересов, цифровой разрыв

**Александр Игоревич
ЧЕРКАСОВ,**
ведущий научный
сотрудник сектора
прав человека
Института государства
и права РАН,
кандидат юридических
наук, доцент
aligorch@yandex.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.155-163

Aleksandr I. CHERKASOV,

Leading Research Fellow,

Human Rights Department

of the Institute of State and Law, RAS,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

aligorch@yandex.ru

10, ul. Znamenka, Moscow, Russia, 119019

The values and risks of modern digital democracy

Abstract. *The article analyzes the values and risks of digital democracy. It is emphasized that digital technologies have become firmly established in people's daily lives, providing them with completely new communication services. The most important value of digital democracy is the rationalization of citizen participation in public and political life and the rapprochement of public authorities with the population by eliminating unnecessary intermediaries in relations between them. Thanks to the introduction of modern technologies, the quality of service to the population is improving and new mechanisms for providing public services are being formed. Digital democracy is also an important driver for the development of other, more traditional types of democracy. This also creates certain risks. Citizens are becoming more and more transparent to the state and various commercial structures as a result of the use of their personal data. There is also a phenomenon called the "digital divide," which is the inability of individuals to use modern technology properly and on a regular basis. Differences in digital readiness, however, exist not only between specific individuals, but also between individual countries and regions, urban and rural areas.*

Keywords: *digital democracy, representative democracy, public authorities, public services, e-government, innovative mechanisms, interest groups, digital divide*

Современная цифровая (электронная) демократия базируется на использовании новейших информационных и коммуникационных технологий, отражая тем самым взаимосвязь общественно-социального и технологического прогресса. Важнейшей чертой Интернета «является способность объединять людей в виртуальные сообщества независимо от их географического местонахождения»¹. Цифровые технологии прочно вошли в повседневную жизнь людей, определяя ее различные аспекты и «глубоко меняя то, как люди общаются, работают, играют, учатся, делают покупки, управляют своим бизнесом и взаимодействуют с государством»².

¹ User Centric E-Government: Challenges and Opportunities / ed. by S. Saeed, T. Ramayah, Z. Mahmood. Cham, 2018. P. 5.

² Lips M. Digital Government: Managing Public Sector Reform in the Digital Era. London, 2020. P. 24.

Цифровые технологии предоставили гражданам абсолютно новые услуги связи по принципу «соединения многих со многими»³. Неудивительно, что на ранних этапах внедрения современных средств коммуникации возникала идея формирования некоего всеобъемлющего виртуального сообщества, в котором цифровая активность заменит реальную деятельность, способствуя тем самым отказу от посредничества и достижению так называемой смерти расстояния. Об этом, в частности, пишет журналист «Экономист» Ф. Кэрнкросс в своей книге «Смерть расстояния: как революция в области коммуникаций меняет нашу жизнь»⁴.

Формальной предшественницей цифровой демократии считается так называемая теледемократия. Ее концепция активно разрабатывалась в 80-х гг. прошлого века и была связана с развитием кабельного телевидения и предоставлявшимися им новыми интерактивными возможностями. Дальнейшая эволюция информационных и коммуникационных технологий определила ряд терминологических изменений. В настоящее время наиболее распространенным и в значительной степени обобщающим термином, характеризующим внедрение и последующее совершенствование современных технологий, является термин «цифровая (электронная) демократия»⁵.

По мере становления цифровой демократии усиливались ожидания того, что новые технологические возможности Интернета не только приведут к формированию инновационных управленческих форм, но и помогут коренным образом реорганизовать весь действующий административный аппарат. Подобные преобразования были призваны «радикально упростить бюрократию и заставить государство быть более чутким к нуждам граждан»⁶. При этом, однако, потребовалось установить некий компромиссный баланс «между традиционными бюрократическими ценностями, такими как универсализм, равенство, справедливость и конфиденциальность, и новыми ценностями цифрового государства, такими как партикуляризм, дифференциация клиентов, гражданоцентричность, эффективность и результативность»⁷.

Ценность цифровой демократии проявилась прежде всего в том, что она облегчила и рационализировала участие граждан в общественной и политической жизни и в определенном смысле сблизила органы публичной власти с населением, устранив лишних посредников в отношениях между ними. Тем самым цифровая демократия способствовала преодолению возникшего в рамках стагнирующих форм традиционной представительной демократии отчуждения государства и личности.

Благодаря внедрению современных технологий и последующей цифровой трансформации органов публичной власти улучшается качество обслуживания

³ Berg S., Hofmann J. Digital Democracy // Internet Policy Review. 2021. Vol. 10. Is. 4. P. 8.

⁴ См.: Cairncross F. The Death of Distance: How the Communications Revolution is Changing Our Lives. Boston, 2001.

⁵ См., например: Electronic Democracy in Europe: Prospects and Challenges of E-Publics, E-Participation and E-Voting / ed. by R. Lindner, G. Aichholzer, L. Hennen. Cham, 2016 ; Sgueo G. The Design of Digital Democracy. Cham, 2023.

⁶ Lips M. Op. cit. P. 11.

⁷ Lips M. Op. cit. P. 101.

населения, приобретающего все более персонализированные черты, и формируются новые механизмы предоставления публичных услуг. На разных властных уровнях внедряется институт цифрового (электронного) правительства, определяемый как «применение электронных информационных и коммуникационных технологий в целях осуществления управления»⁸. Данный институт считается «чрезвычайно важным с точки зрения коммуникации органов публичной власти с гражданами и их обслуживания»⁹, поскольку именно он позволяет населению получать многие услуги практически круглосуточно, при этом оставаясь в рамках своего домашнего пространства. Ранее гражданам для решения своих проблем приходилось лично посещать разнообразные государственные учреждения и тратить на это достаточное количество времени. Цифровизация же позволила «перевести людей в онлайн, вместо того чтобы ставить их в очередь» (to put people online instead of in line)¹⁰.

Цифровизация предполагает автоматизированное принятие решений и создание единой системы документооборота между различными административными подразделениями. Это способствует предотвращению ошибок при вводе данных, облегчает внедрение единых стандартов, содействует сокращению рутинной «бумажной» работы, ускорению действующих административных процедур, улучшению общей координации, а также экономии времени и ресурсов.

Внедряемый посредством цифровизации более интегрированный и клиентоориентированный механизм предоставления услуг соответствует основным постулатам нового публичного менеджмента, таким как рационализация функционирования органов публичной власти, внедрение в их деятельность рыночных механизмов, экономия ресурсов, оптимизация соотношения между расходами и доходами и повышение эффективности оказываемых услуг.

Формирующаяся инновационная система оказания услуг населению сочетает вертикальную (между органами публичной власти различных уровней) и горизонтальную интеграцию (между публичными службами, действующими на одном уровне). В рамках такой системы услуги стали предоставляться более оперативно, а скорость их оказания, как правило, возрастала в случае, если государственный служащий, рассматривавший соответствующий вопрос, обладал доступом в режиме реального времени к базам данных других административных подразделений.

Еще одна ценностная составляющая цифровой демократии заключается в том, что она способствует преодолению кризиса представительной демократии, базирующейся на принципе правления большинства, который сам по себе еще не гарантирует принятие правильных демократических решений. Указанный кризис, по общему мнению, определялся возрастающим отчуждением граждан от государства, падением доверия населения к существующим политическим институтам, политическим партиям, а также к своим избранным в органах публичной власти.

⁸ Henman P. *Governing Electronically: E-Government and the Reconfiguration of Public Administration, Policy and Power*. Houndmills, 2010. P. 3.

⁹ *Comparative E-Government* / ed. by Ch. G. Reddick. New York, 2010. P. 71.

¹⁰ Wirtz B. W. *Digital Government: Strategy, Government Models and Technology*. Cham, 2022. P. 9.

Как подчеркивают итальянские исследователи К. Кастельфранки и Р. Фальконе, характеризуя отношение людей к действующему политическому классу, «без чувства доверия к тем, кому ты делегировал свое представительство, демократия уже более не ощущалась действительно “представительной”, а воспринималась как экспроприация власти и воли “демоса”»¹¹.

У широких народных масс складывалось ощущение, что одним только электоральным путем уже невозможно разрешить многочисленные проблемы, с которым сталкивается современное общество, приводя существующее многообразие публичных интересов к единому знаменателю. Следствием такого кризиса стали падение явки избирателей на выборах, а также снижение общего уровня публичного участия в демократических процессах.

Значимым дополнением более традиционных демократических форм, таким образом, явились современные инновационные механизмы, ориентированные на интерактивное взаимодействие заинтересованных лиц и групп интересов. Внедрение цифровых механизмов гражданского участия (электронные форумы и дебаты, консультации с гражданами, партисипативное планирование, партисипативное бюджетирование и т.п.) способствовали повышению инклюзивности общественно-политических процессов и преодолению гражданской апатии.

В ходе цифровизации идет активное развитие веб-сайтов органов публичной власти, а также различных цифровых платформ, посредством которых граждане могут влиять на принимаемые публично-властные решения, выражать свое мнение по обсуждаемым проблемам и даже голосовать. Использование цифровых средств коммуникации и возможность асинхронного (т.е. в разное, более удобное для соответствующих пользователей время) участия в обсуждении рассматриваемых вопросов позволяют быть вовлеченными в общественно-политические процессы гораздо большему числу людей, чем это было ранее возможным в режиме офлайн. В онлайн-дискуссиях начинают принимать участие и лица, ранее не относившиеся к числу общественных активистов. Возможность обращения к более широкой аудитории получили и различные группы интересов, а также небольшие политические объединения.

Цифровая демократия предполагает формирование «нового архетипа информированного гражданина»¹². Население получает больше информации о событиях, происходящих как в мире в целом, так и в отдельных странах, регионах и местных сообществах, и это оказывает позитивное влияние на его общий кругозор, политическое, экономическое и социальное поведение. Должным образом информированные граждане обычно способны оказывать более действенное влияние на деятельность органов публичной власти и принимать более осмысленные решения, касающиеся собственной жизни.

Цифровая демократия не только дает дополнительные коммуникационные возможности и предлагает новые механизмы участия, но и порождает определенные риски. Данные риски проявляются, в частности, на информационном поле,

¹¹ The Future of Digital Democracy: An Interdisciplinary Approach / ed. by P. Contucci, A. Omicini, D. Pianini, A. Sirbu. Cham, 2019. P. 63.

¹² eDemocracy and eParticipation: The Precious First Steps and the Way Forward / ed. by R. Pohoryles, R. Decheva. Brussels, 2017. P. 10.

где прекрасно себя ощущающие в цифровом пространстве социальные сети и разнообразные мессенджеры теснят традиционные медиа и зачастую ставят под удар, казалось бы, общепринятые стандарты журналистики.

Цифровая реальность такова, что борющимся за выживание традиционным средствам массовой информации приходится конкурировать с новыми, не обремененными особыми стандартами информационными ресурсами, а иногда даже заимствовать их методы работы в погоне за монетизацией и актуализацией предлагаемого контента. В подобной ситуации неизбежны отступления от таких традиционных стандартов журналистики, как непредвзятость, беспристрастность, точность, правдивость, необходимость верификации получаемой информации и проведения фактчекинга. В итоге создается среда, благоприятная для манипуляции сознанием граждан и распространения фейковой информации. Тем самым подрывается доверие к самому информационному процессу, деформируемому в том числе и посредством современных коммуникационных технологий.

В научной литературе формулируется некий парадокс прозрачности (transparency paradox)¹³, характерный для складывающихся в рамках электронного правительства информационных отношений. По мере того как все больше публичной информации публикуется посредством цифровых каналов и становится формально доступной, гражданам бывает все сложнее найти в растущем и ускоряющемся информационном потоке интересующую их информацию. Парадокс прозрачности имеет и иной аспект — доступная широкой публике информация не всегда может быть ею должным образом понята и переработана в степени, достаточной для того, чтобы служить основой для каких-то осмысленных действий.

Предоставляемая цифровизацией возможность исследования большого потока информации ощутимо расширяет объем и типы персональных данных, которые государство может собирать о своих гражданах (поведение, потребительские предпочтения, выражение лица, маршруты передвижения, общественные настроения и т.п.). Граждане «оставляют все больше цифровых следов», что «делает их более наблюдаемыми, отслеживаемыми и познаваемыми»¹⁴. Причем в ситуации, если граждане хотят иметь доступ к конкретной государственной услуге, у них практически не остается выбора в вопросе раскрывать или нет свои персональные данные. Само же государство «делается все более невидимым для граждан»¹⁵ в силу своих действий в цифровом пространстве, построенных на не вполне понятных для населения алгоритмах, и это еще один из аспектов отмеченного выше парадокса прозрачности.

В складывающейся ситуации порождаются риски, связанные с использованием персональных данных вопреки интересам личности и с возможными ограничениями отдельных прав и свобод. Само же централизованное хранение персональных данных в цифровом формате чревато стремлением злоумышленников получить доступ к соответствующей базе данных и неправомерным образом использовать эти данные в своих корыстных интересах.

¹³ *Lips M. Op. cit. P. 106.*

¹⁴ *Lips M. Op. cit. P. 200.*

¹⁵ *Lips M. Op. cit. P. 199.*

Существует и такое явление, как цифровой разрыв, заключающийся в неспособности отдельных людей пользоваться современными технологиями должным образом и на регулярной основе. Подобный разрыв считается «ощутимым препятствием на пути превращения отдельных индивидуумов в полноправных членов современного технологического общества»¹⁶.

Первоначально казалось, что цифровой разрыв определяется преимущественно затруднениями с доступом в Интернет и может быть легко преодолен посредством обеспечения такого доступа. Постепенно, однако, выяснилось, что наличие формального доступа в Интернет совсем не обязательно влечет за собой его реальное использование. Стали выявляться и иные причины цифрового разрыва, что потребовало его более широкой и многоаспектной концептуализации.

Указывалось, в частности, на «растущую разницу в доходах между богатыми и бедными и увеличивающийся разрыв в уровне образования»¹⁷. Внимание стало обращаться и на текущие демографические изменения. Интересы достаточно большой части пожилых людей с весьма ограниченными навыками работы в Интернете все менее совпадали с интересами молодого поколения, выросшего с современными технологиями (названного в научной литературе *digital natives*, т.е. «цифровыми аборигенами»¹⁸) и требующего увеличения предоставления информации и услуг в режиме онлайн.

Причинами цифрового разрыва, таким образом, могут быть как характерная для отдельных личностей технофобия, так и боязнь использовать цифровые средства коммуникации из-за возможных негативных последствий (кражи персональных данных, взлома личных аккаунтов и т.п.). Негативную роль способны играть также языковой барьер, возрастные ограничения, плохое здоровье. Так, пожилые граждане, а также лица, испытывающие потерю памяти, зачастую не могут получить доступ к государственным услугам, будучи неспособными вспомнить необходимые для этого персональные данные, в том числе имена пользователей, пароли и PIN-коды. Важным негативным фактором для людей с непростым материальным положением может стать и сама стоимость доступа в Интернет.

Различия в цифровой готовности, однако, существуют не только между конкретными индивидуумами, но и между отдельными странами и регионами, городской и сельской местностью. Значимую роль при этом играет социально-экономический и культурный контекст. Страны с более высоким социально-экономическим статусом (особенно их городские районы) оказались лучше оснащенными для внедрения современных технологий и создания соответствующей инфраструктуры. В проигрышном положении обычно «оставались менее обеспеченные страны», а также «сельские жители, не имевшие надежного доступа к современным информационным и коммуникационным технологиям», и это «касалось даже таких развитых государств, как США»¹⁹.

Преодоление цифрового разрыва, таким образом, предусматривает «предотвращение маргинализации тех, у кого нет возможности подключиться к Интернету

¹⁶ User Centric E-Government. P. 12.

¹⁷ Wirtz B. W. Op. cit. P. 47.

¹⁸ Wirtz B. W. Op. cit. P. 48.

¹⁹ User Centric E-Government. P. 13.

по причинам низкого дохода, неразвитой инфраструктуры или же по соображениям конфиденциальности»²⁰. Ставится задача обеспечения обратного цифровому разрыву цифрового включения, без чего немыслимо дальнейшее развитие электронной демократии. Во многих странах реализуются специальные программы по обеспечению такого включения. Подобные программы предусматривают, в частности, развертывание широкополосной связи, субсидирование затрат по доступу в Интернет, установку в общественных местах бесплатного Wi-Fi, создание центров по доступу в Интернет в школах и библиотеках, установку сервисных киосков с доступом в Интернет в учреждениях, оказывающих публичные услуги.

Новейшие информационные и коммуникационные технологии носят политически нейтральный характер и сами по себе еще не превращают граждан в приверженцев демократии и общественных активистов. Весьма велика сила инерции, и Интернет зачастую рассматривается исключительно в качестве средства персонализированных развлечений, осуществления онлайн-покупок и сугубо личных коммуникаций.

Практика свидетельствует о том, что современные технологии могут быть использованы как во благо, так и во вред гражданам, и многое будет зависеть от ряда внешних, контекстуальных факторов. Дальнейшее развитие цифровой демократии и ее достижения «будут определяться не столько технологией как таковой, сколько глубоко укоренившимися социальными, институциональными, правовыми, политическими, экономическими и культурными процессами»²¹.

Цифровизацию не следует абсолютизировать и наделять какими-то волшебными свойствами с точки зрения влияния на современное общество. Как подчеркивается в научной литературе, «в неустанной гонке за тотальной оцифровкой» есть риск излишне механистического подхода и «недооценки значимости, универсальной сложности и всего разнообразия» факторов, определяющих человеческое поведение, таких, например, как «индивидуальный выбор или коллективные ожидания»²².

Перспективы цифровой демократии будут определяться и политическими реалиями «аналогового мира», в том числе наличием подотчетных населению демократических политических институтов, которые бы составляли стройную систему, обладали легитимностью, а также способностью должным образом направлять развитие технического прогресса и формализовывать результаты электронного участия граждан. Данные институты должны нести «равную демократическую ответственность за всех своих граждан, независимо от того, являются ли эти граждане «клиентами» государственных услуг или нет»²³.

²⁰ User Centric E-Government. P. 3.

²¹ Lips M. Op. cit. P. 12.

²² Sgueo G. Op. cit. P. 101.

²³ Lips M. Op. cit. P. 13.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Berg S., Hofmann J.* Digital Democracy // Internet Policy Review. — 2021. — Vol. 10. — Is. 4. — P. 1—23.
2. *Cairncross F.* The Death of Distance: How the Communications Revolution is Changing Our Lives. — Boston : Harvard Business School Press, 2001. — 317 p.
3. Comparative E-Government / ed. by Ch. G. Reddick. — New York : Springer, 2010. — 680 p.
4. eDemocracy and eParticipation: The Precious First Steps and the Way Forward / ed. by R. Pohoryles, R. Decheva. — Brussels : European Liberal Forum, 2017. — 113 p.
5. Electronic Democracy in Europe: Prospects and Challenges of E-Publics, E-Participation and E-Voting / ed. by R. Lindner, G. Aichholzer, L. Hennen. — Cham : Springer, 2016. — 195 p.
6. *Henman P.* Governing Electronically: E-Government and the Reconfiguration of Public Administration, Policy and Power. — Houndmills : Palgrave Macmillan, 2010. — 271 p.
7. *Lips M.* Digital Government: Managing Public Sector Reform in the Digital Era. — London : Routledge, 2020. — 289 p.
8. *Sgueo G.* The Design of Digital Democracy. — Cham : Springer, 2023. — 128 p.
9. The Future of Digital Democracy: An Interdisciplinary Approach / Ed. by P. Contucci, A. Omicini, D. Pianini, A. Sirbu. — Cham: Springer, 2019. — 101 p.
10. User Centric E-Government: Challenges and Opportunities // ed. by S. Saeed, T. Ramayah, Z. Mahmood. — Cham : Springer, 2018. — 256 p.
11. *Wirtz B. W.* Digital Government: Strategy, Government Models and Technology. — Cham : Springer, 2022. — 512 p.

**Мария Викторовна
ХАДЕЕВА,**
преподаватель кафедры
банковского права
Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
hadeeva_mariya@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

**Егор Константинович
ОВЧИННИКОВ,**
магистрант Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
mrcrabs02@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Правовые основы функционирования антифрод-системы на финансовом рынке

Аннотация. В настоящей статье исследуются правовые основы организации деятельности по противодействию мошенничеству на финансовом рынке. Выявлены две концептуальные модели совершения мошеннических действий с использованием информационно-коммуникационных технологий: при взаимодействии с клиентом финансовой организации и без непосредственного контакта с ним. Формулируется вывод о накоплении в современном российском законодательстве массива правовых норм, позволяющих выявить институциональные, организационные и функциональные основы национальной антифрод-системы (англ. anti-fraud — борьба с мошенничеством).

Рассматривается история развития антифрод-законодательства, приводятся основные нормативные правовые акты, принятые за последние несколько лет в целях противодействия мошенничеству на финансовом рынке, обосновывается выделение трех основных направлений антифрод-мониторинга. Результаты исследования оформлены в виде таблицы, иллюстрирующей архитектуру финансового сегмента национальной антифрод-системы, включающую его участников, перечень антифрод-мер (с нормативным обоснованием), а также задействованные в ходе их реализации государственные и частные информационные системы.

Ключевые слова: антифрод, антифрод-система, финансовый рынок, мошенничество, денежные средства

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.164-172

Maria V. KHADEEVA,

*Teacher of the Department of banking law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)*

hadeeva_mariya@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Egor K. OVCHINNIKOV,

*Master's student
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

mrcrabs02@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Legal basis for the functioning of the antifraud system in the financial market

Abstract. *This article examines the legal basis for the organization of anti-fraud activities in the financial market. The authors identify two conceptual models of committing fraudulent acts using information and communication technologies: when interacting with a client of a financial institution and without direct contact with him. It is concluded that the accumulation of an array of legal norms in modern Russian legislation make it possible to identify the institutional, organizational and functional foundations of the national anti-fraud system.*

The authors consider the history of the development of anti-fraud legislation, identify the main regulatory legal acts adopted over the past few years in order to combat fraud in the financial market, and substantiate the identification of three main areas of anti-fraud monitoring. The results of the study are presented in the form of a table illustrating the architecture of the financial segment of the national anti-fraud system, including its participants, a list of anti-fraud measures (with a regulatory justification), and public and private information systems involved in the implementation of anti-fraud measures.

Keywords: *anti-fraud, anti-fraud system, financial market, fraud, money*

I. Предпосылки появления национальной антифрод-системы¹

Активное взаимодействие финансовых организаций с клиентами по дистанционным каналам связи в последние несколько лет стало причиной широкого

¹ Под национальной антифрод-системой в настоящем исследовании понимаются совокупность ее участников и реализуемых ими мер, направленных на предупреждение неправомерного завладения денежными средствами, принадлежащими клиентам финансовых организаций.

распространения на финансовом рынке мошенничества, осуществляемого с использованием цифровых технологий².

В научной литературе, посвященной анализу состояния преступности в рассматриваемой сфере, упоминается значительное число различных способов, используемых злоумышленниками в целях завладения денежными средствами потерпевших³.

Несмотря на наличие *значительного количества частных способов* совершения мошеннических действий, представляется обоснованным их объединение в *две концептуальные модели*:

1. В рамках первой модели клиент самостоятельно передает преступнику либо свои денежные средств, либо все необходимые данные для распоряжения ими. Для этих целей могут быть использованы методы социальной инженерии, под которой понимается «психологическое манипулирование людьми с целью совершения ими определенных действий или разглашения конфиденциальной информации»⁴.

2. В рамках второй модели мошенник получает доступ к информации, необходимой для проведения банковских операций, дистанционно без непосредственного взаимодействия с клиентом финансовой организации.

С опорой на официальные статистические данные⁵ можно сделать вывод о том, что проблема мошенничества в отношении потребителей финансовых услуг в настоящее время требует принятия антифрод-мер не только на финансовом, но и на смежных рынках, в пределах которых реализуются отдельные этапы «жизненного цикла» мошенничества (например, на рынках услуг связи, интернет-услуг и др.).

Таким образом, сформировались объективные предпосылки для формирования межотраслевой национальной антифрод-системы, требующей доктринального

² Для целей настоящего исследования термин «мошенничество» употребляется в более широком понимании (не только в том, которое предусмотрено ст. 159 УК РФ), а именно в отношении действий, направленных на неправомерное завладение принадлежащими клиенту финансовой организации денежными средствами путем как тайного хищения, так и обмана или злоупотребления доверием.

³ См.: *Ивлиева Н. В.* Актуальные проблемы противодействия хищениям денежных средств с банковских счетов физических лиц // Научный портал МВД России. 2019. № 3. С. 68—74; *Медведева М. Б., Васин М. М.* Проблемы защиты от мошенничества в операциях с платежными картами в системе КБО физических лиц и развитие ее законодательного обеспечения // Финансовые рынки и банки. 2019. № 1. С. 30—35; *Брехов Д. А.* Способы совершения мошеннических действий с использованием сети Интернет, средств подвижной связи и систем дистанционного банковского обслуживания // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 4. С. 52—60.

⁴ *Менщиков А. А., Федосенко М. Ю.* Возможности применения методов социальной инженерии в организации телефонного мошенничества // Экономика и качество систем связи. 2021. № 4. С. 36—47.

⁵ Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, см.: URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 04.05.2025).

изучения. Центральным ее звеном стал финансовый рынок, являющийся в этом качестве предметом рассмотрения в рамках настоящей работы.

II. Нормативно-правовые основы функционирования национальной антифрод-системы на финансовом рынке

1. Федеральный закон от 27.06.2018 № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств» (далее — Закон № 167-ФЗ). Этот Закон стал хронологически первым нормативным правовым актом, заложившим основы антифрод-деятельности, в его рамках на некоторых субъектов национальной платежной системы была возложена обязанность принимать меры по противодействию осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента⁶, а также направлять в Банк России информацию обо всех случаях и (или) попытках осуществления таких переводов. В свою очередь, на Банк России возлагалась обязанность по формированию и ведению базы данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента⁷ (далее — база данных Банка России), а также по предоставлению информации из нее.

Законом № 167-ФЗ был предусмотрен и ряд конкретных мер по противодействию осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента, в частности приостановление расходной операции по банковскому счету клиента оператора по переводу денежных средств (ОПДС) на срок до двух рабочих дней при выявлении установленных Банком России признаков, а также по заявлению клиента — юридического лица об утрате или несанкционированном использовании его электронных средств платежа (ЭСП).

2. Федеральный закон от 24.07.2023 № 369-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О национальной платежной системе”» (далее — Закон № 369-ФЗ). Принятие этого Закона стало следующим масштабным шагом на пути формирования национальной антифрод-системы. Им, в частности, был значительно модифицирован институт приостановки перевода денежных средств по

⁶ Представляется, что именно это положение стало отправной точкой в формировании национальной антифрод-системы, так как оно возложило на участников финансового рынка обязанности по осуществлению постоянного мониторинга операций их клиентов в целях противодействия мошенничеству. Установление подобных обязанностей финансовых организаций (предусматривающих их участие в обеспечении национальной финансовой безопасности) не является чем-то принципиально новым. Так, с 2001 г. на них возложены, например, функции в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ. Вместе с тем, в отличие от антиотмывочной сферы, архитектура антифрода формировалась с нуля, без опоры на общепризнанные международные стандарты, что обуславливает особый интерес при ее научном исследовании.

⁷ В настоящее время — автоматизированная система «Фид-АнтиФрод».

признакам его совершения без добровольного согласия клиента⁸, сформирован институт отказа в совершении операции по антифрод-основаниям.

Новые нормы закрепили следующий механизм:

1) на ОПДС возложена обязанность проверять каждый перевод денежных средств на наличие признаков⁹ его осуществления без добровольного согласия клиента до момента списания денежных средств (в рамках операций с использованием платежных карт, электронных денежных средств (ЭДС), сервиса быстрых платежей Банка России (СБП)) или при приеме к исполнению распоряжения клиента (в иных случаях);

2) при выявлении обозначенных признаков ОПДС обязан отказать в совершении соответствующей операции (по платежным картам, ЭДС, СБП) или приостановить ее совершение на два дня (в иных случаях);

3) ОПДС информирует клиента о факте принятия соответствующего решения и о его праве в течение одного дня направить повторное распоряжение о совершении операции или подтверждение текущего распоряжения. Дополнительно ОПДС вправе запросить у клиента информацию о добровольном характере совершаемой операции.

Если от клиента в установленный срок поступает запрошенная информация, ОПДС обязан незамедлительно совершить действия, направленные на осуществление операции. При этом, если ОПДС получил информацию из базы данных Банка России, он обязан повторно отказать в совершении соответствующей операции или повторно приостановить ее совершение на два дня даже если клиент предпринимает действия по совершению операции.

Если клиент после совершения всех указанных действий по-прежнему предпринимает действия по совершению операции, в отношении которой были приняты антифрод-меры, ОПДС обязан ее осуществить.

Значимой новеллой стало и введение института приостановки использования клиентом ЭСП по антифрод-основаниям.

В частности, при получении из базы данных Банка России информации, содержащей сведения о клиенте и (или) его ЭСП, ОПДС:

- вправе приостановить использование клиентом ЭСП на период нахождения в базе соответствующих сведений;
- обязан приостановить такое использование, если информация в базу Банка России поступила от органа внутренних дел.

Федеральным законом № 369-ФЗ были также внесены следующие изменения:

1) обязанности по осуществлению антифрод-мер были распространены на операторов электронных платформ как новых субъектов национальной платежной системы;

⁸ То есть без согласия клиента или с согласия клиента, полученного под влиянием обмана или при злоупотреблении доверием. Внедрение термина «добровольный» повлекло за собой расширение предмета антифрод-проверки на случаи использования в типологиях мошенничества методов социальной инженерии.

⁹ Указанные признаки устанавливаются Банком России и размещаются на его официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

2) Банку России были предоставлены полномочия запрашивать у финансовых организаций, входящих в национальную антифрод-систему, информацию о переводах, связанных с переводами денежных средств без добровольного согласия, в отношении которых от органов внутренних дел получены сведения о совершенных противоправных действиях.

3. Федеральные законы от 26.02.2024 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О кредитных историях” и Федеральный закон “О потребительском кредите (займе)”» (далее — Закон № 31-ФЗ); от 25.02.2025 № 9-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 9); от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». За последние два года был принят ряд законов, внесших существенные изменения в архитектуру финансового сегмента национальной антифрод-системы.

1. Федеральным законом № 31-ФЗ были заложены основы для формирования нового направления антифрод-мониторинга — противодействия несанкционированному кредитованию¹⁰.

На кредитные и микрофинансовые организации была возложена обязанность до заключения договора потребительского кредита (займа) проверять наличие у клиента самозапрета на выдачу кредитов и, в соответствующих случаях, отказывать в заключении договора. При несоблюдении обозначенных требований кредитор лишается права требовать от заемщика исполнения обязательств по кредитному договору (договору займа).

2. Еще более масштабные изменения были внесены Законом № 9-ФЗ. В его рамках получили закрепление нормы, создающие правовые основы для двух новых направлений антифрод-мониторинга:

а) в целях противодействия несанкционированному кредитованию¹¹ на кредитные и микрофинансовые организации была возложена обязанность до передачи денежных средств:

- получать из всех квалифицированных бюро кредитных историй (КБКИ) ряд сведений о потенциальном заемщике, а также обеспечивать их хранение в течение пяти лет, а также фиксировать факты, связанные с обращением за получением кредита (займа) и перечислением денежных средств с точностью до секунды и передавать эту информацию в течение 30 минут в КБКИ;
- при перечислении кредитных средств на счет третьего лица проверять наличие информации о нем в базе данных Банка России, а также отказывать в таком перечислении при наличии вышеуказанных сведений (для микрофинансовых организаций запрет по перечислению заемных средств на счет

¹⁰ Этим же Федеральным законом в национальную антифрод-систему были соответственно интегрированы микрофинансовые организации и бюро кредитных историй.

¹¹ Необходимо отметить, что данное направление распространяется исключительно на потребительское кредитование (потребительские займы).

третьего лица при заключении договоров дистанционно носит абсолютный характер (за некоторыми исключениями);

- не передавать заемщику — физическому лицу кредитные средства до истечения определенного периода времени (4 часа для сумм от 50 тыс. до 200 тыс. руб.; 48 часов для сумм более 200 тыс. руб.) с момента подписания им кредитного договора (договора займа) (период охлаждения).

Еще одной значимой мерой стало введение Федеральным законом № 9-ФЗ правила «второй руки» — лица, уполномоченного клиентом подтверждать заключение им кредитного договора. По не вполне ясным причинам аналогичная мера не была предусмотрена для потребительских займов;

б) Законом № 9-ФЗ в целях противодействия использованию наличных денег в мошеннических схемах также была предусмотрена обязанность кредитных организаций отказывать во внесении наличных денежных средств на счет токенизированной (цифровой) платежной карты с использованием технических устройств (в том числе банкоматов) на общую сумму более 50 тыс. рублей в течение 48 часов с момента преобразования такой платежной карты.

3. Еще одним законодательным актом, принятым в целях совершенствования национальной антифрод-системы, является Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ, которым:

- во-первых, сфера применения института «второй руки» была распространена на вопросы противодействия переводам денежных средств без добровольного согласия клиентов, а также использования наличных денег в мошеннических схемах (за исключением операций с использованием ЭСП). Порядок взаимодействия кредитных организаций с уполномоченными лицами клиентов был подробно регламентирован.
- во-вторых, на кредитные организации, предоставившие платежную карту, были возложены обязанности по проверке операций клиентов по снятию наличных денег (через банкоматы) на наличие признаков их осуществления без добровольного согласия. При выявлении указанных признаков объем выдачи наличных в течение 48 часов лимитирован до 50 тыс. руб. в сутки, а при поступлении информации из базы данных Банка России — до 100 тыс. руб. в месяц.

Однако наиболее значимым с точки зрения дальнейшего повышения эффективности национальной антифрод-системы стало формирование в рамках Закона № 41-ФЗ правовых основ функционирования Государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий — единой информационной среды, позволяющей осуществлять оперативное взаимодействие между компетентными органами государственной власти и финансовыми организациями. Оператором обозначенной системы будет выступать Минцифры России.

Заключение

С учетом изложенного архитектуру финансового сегмента национальной антифрод-системы можно представить следующим образом (таблицу на с. 171–172).

Участники	
<p>Органы публичной власти:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Банк России; 2) правоохранительные органы. <p>Финансовые организации:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) кредитные организации; 2) микрофинансовые организации; 3) операторы электронных платформ; 4) Бюро кредитных историй 	
Информационные антифрод-системы	
<p><i>Государственные информационные системы:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1) автоматизированная система «Фид-АнтиФрод»; 2) Государственная информационная система противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий. <p><i>Частные информационные системы:</i></p> <p>локальные антифрод-системы финансовых организаций</p>	
Антифрод-меры	Нормативное регулирование
I. Противодействие переводам без добровольного согласия клиентов	
1. Приостановление: — совершения операции (автоматически и по заявлению юридического лица); — использования ЭСП	Ч. 3.1—3.15 ст. 8; ч. 11.1—11.5 ст. 9; ч. 11.6—11.11 ст. 9 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (Закон № 161-ФЗ)
2. Отказ: — в совершении операции; — в заключении договора об использовании ЭСП	Ч. 3.1—3.15 ст. 8; ч. 2.1 ст. 9 Закона № 161-ФЗ
3. Ограничение суммы операций в рамках определенного срока в пользу определенных получателей с использованием ЭСП	Ч. 11.6 ст. 9 Закона № 161-ФЗ
4. Правило «второй руки» для переводов	Ч. 19—27 ст. 30 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (Закон о банках)
II. Противодействие несанкционированному кредитованию	
1. Самозапрет на кредиты	Ч. 4.6 ст. 7; ч. 6 ст. 13 Закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (Закон о кредите)
2. Ограничение на перечисление кредитных средств на счет третьих лиц	Ч. 5 ст. 9 Федерального закона от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»; ч. 9.1, 9.2 ст. 7; ч. 7 ст. 13 Закона о кредите

3. Период охлаждения	Ч. 9.3 ст. 7 Закона о кредите
4. Правило «второй руки» для выдачи кредитов	Абз. 10 ст. 24.2 Закона о банках; п. 4 ч. 9.5 ст. 7 Закона о кредите
III. Противодействие использованию наличных денег в мошеннических схемах	
1. Ограничение по сумме внесения наличных на счет «свежевыпущенной» токенизированной платежной карты	Абз. 1 ст. 24.3 Закона о банках
2. Ограничение на снятие наличных с использованием банкоматов (и фиксация фактов получения наличных по доверенности)	Абз. 3 ст. 24.3-1 (и ч. 4 ст. 31) Закона о банках
3. Правило «второй руки» для выдачи наличных	Ч. 19—27 ст. 30 Закона о банках

Исходя из проведенного в работе анализа, можно констатировать, что российское антифрод-законодательство развивается системно и последовательно. Законодатель в настоящее время выстраивает организационные и функциональные основы национальной антифрод-системы, вовлекает в нее все большее количество органов публичной власти и организаций.

Ряд положений вышеуказанных федеральных законов в настоящее время еще не вступили в силу. Вместе с тем полагаем, что применение их на практике позволит существенно сократить число случаев, связанных с совершением мошеннических действий в отношении клиентов финансовых организаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брехов Д. А.* Способы совершения мошеннических действий с использованием сети Интернет, средств подвижной связи и систем дистанционного банковского обслуживания // Вестник Поволжского института управления. — 2021. — № 4.
2. *Излиева Н. В.* Актуальные проблемы противодействия хищениям денежных средств с банковских счетов физических лиц // Научный портал МВД России. — 2019. — № 3.
3. *Медведева М. Б., Васин М. М.* Проблемы защиты от мошенничества в операциях с платежными картами в системе КБО физических лиц и развитие ее законодательного обеспечения // Финансовые рынки и банки. — 2019. — № 1.
4. *Менщиков А. А., Федосенко М. Ю.* Возможности применения методов социальной инженерии в организации телефонного мошенничества // Экономика и качество систем связи. — 2021. — № 4.
5. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/.

Предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства

Аннотация. В статье проанализирован институт предписаний о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, как инструмент, сочетающий превентивную, пресекательную и восстановительную функции. Отмечается правовая неопределенность, связанная с дублированием административных штрафов и предписаний, а также проблема субъективного усмотрения регулятора. Особое внимание уделяется эволюции судебной практики, включая позиции Конституционного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Верховного Суда РФ.

Несмотря на потенциал исследуемых предписаний как средства социально-экономической справедливости, их эффективность ограничена пробелами в законодательстве и противоречивой правоприменительной практикой. Предложены решения, в том числе требующие законодательных изменений. Акцент сделан на необходимость выработки системного подхода, с учетом гармонизации мер принудительного воздействия для обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: предписание антимонопольного органа, предписание о перечислении дохода в бюджет, монополистическая деятельность, злоупотребление доминирующим положением, правоприменительная практика, судебная практика, меры принудительного воздействия, административная ответственность, публичные и частные интересы, антимонопольные органы

**Филипп Фуадович
КАДЫМОВ,**

аспирант кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
заместитель руководителя
Московского УФАС России
kadymovph@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.173-182

Philipp Ph. KADYMOV,

Postgraduate student of the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Deputy head of the Moscow office of Federal Antimonopoly Service

kadymovph@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

**Order on the transfer to the federal budget of income received
as a result of violation of antimonopoly legislation pursuing
an effective solution**

Abstract. *The article analyzes the legal institution of orders requiring the transfer of income to the federal budget obtained through violations of antitrust legislation, highlighting its role as a tool combining preventive, suppressive, and restorative functions. The author identifies legal uncertainties stemming from the overlapping application of administrative fines and such orders, as well as challenges linked to the regulator's subjective discretion. Particular emphasis is placed on the evolution of judicial practice, including positions adopted by the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, and the Supreme Court of the Russian Federation.*

Despite the potential of these orders as instruments of socio-economic justice, their effectiveness is constrained by legislative gaps and contradictory enforcement practices. The author proposes solutions, including legislative amendments, and underscores the need for a systemic approach to harmonize coercive measures, ensuring a balance between public and private interests.

Keywords: *antimonopoly authority injunction, order for income transfer to the budget, monopolistic activity, abuse of dominant position, law enforcement practice, judicial practice, enforcement measures, administrative liability, public and private interests, antimonopoly authorities*

Введение

В последние годы в условиях существенного санкционного давления на российскую экономику во многом именно товарно-рыночная активность позволила опровергнуть самые негативные прогнозы. Предпринимательское сообщество показало себя гибким, способным к решению нетривиальных проблем поиска дохода и выживания, в то же время удовлетворяя возникающий спрос.

Таким образом, было бы несправедливым поставить под сомнение тот факт, что основополагающая цель предпринимателя в получении прибыли обеспечивает развитие и, в рассматриваемом случае, сохранение экономики.

Однако аппетит приходит во время еды. Множество нарушений антимонопольного законодательства совершаются с целью получения дохода, который не мог быть получен при добросовестном поведении. И зачастую именно потребитель платит цену нарушения антимонопольного

Эффективность инструментов, направленных на предупреждение и пресечение нарушений, в арсенале антимонопольных органов является первостепенной задачей регулятора для обеспечения осуществления экономической деятельности в допустимых пределах.

Особое место среди таких инструментов занимает предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства. Такое полномочие предоставлено антимонопольным органам Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (пп. 5 п. «а» ч. 1 ст. 23 и ч. 3 ст. 51).

Эта мера сочетает превентивную и пресекательную функции, она призвана не только наказывать нарушителя, но и сдерживать совершение незаконных действий — ожидаемый результат должен нивелироваться риском его потери. Лишение незаконной прибыли также определяет восстановительную функцию, и именно данная цель рассматриваемого предписания видится основополагающей — восстановить положение на товарном рынке, которое сложилось до выявленного нарушения.

Однако в полной ли мере практика применения предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, выполняет названные функции, сдерживает от совершения нарушений, формирует экономические стимулы для соблюдения закона? Вопрос сложный и многосоставный.

В первую очередь само по себе лишение дохода, полученного от нарушения антимонопольного законодательства, не может являться самодостаточным сдерживающим фактором. Потеря планируемого сверхдохода по предписанию антимонопольного органа может быть заложена в финансовую модель участника рынка как риск, наступление которого всего-навсего не позволит вытянуть «счастливый билет» и остаться незамеченным.

Репутационные последствия и гражданско-правовая ответственность должны дополнять инструменты антимонопольных органов. Риск потерять доход уже в двойном размере становится реальным сдерживающим фактором.

Таким образом, эффективность данного инструмента напрямую связана с его неразрывностью с другими возможными последствиями нарушения антимонопольного законодательства, которые может претерпевать хозяйствующий субъект, выбирающий оппортунистическую стратегию поведения.

Однако, прежде чем задумываться о достаточности комплексных последствий предупреждения и пресечения действий нарушителей антимонопольного законодательства, необходимо ответить на вопрос: все ли инструменты в арсенале контролирующего органа работают?

Применение и эффективность исследуемого в данной статье предписания существенно ограничены проблемами правовой неопределенности.

Основные вехи правового регулирования

Период до 2016 г. Впервые полномочие по выдаче рассматриваемого предписания было предоставлено антимонопольным органам Законом РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в который в 1995 г. было внесено соответствующее изменение¹. Закон о защите конкуренции также сохранил данную меру антимонопольного реагирования. Понимание данного инструмента обоснованно преломляется сквозь призму соотношения с мерой административного наказания — штрафом.

Рассматриваемый период характеризуется наличием авторитетных мнений правоприменителей — Высшего Арбитражного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

Если Высший Арбитражный Суд РФ определяет предписание о перечислении дохода в бюджет как меру публичной ответственности², то Конституционный Суд РФ — как специфическую форму принудительного воздействия³. В действительности характер данной меры не является линейным, многообразие его смыслов в определенной степени оказывает влияние и на его правоприменение, порождает неопределенность.

Также первостепенным вопросом, разрешение которого искали суды высших инстанций в данный период времени, стала возможность одновременного использования антимонопольным органом штрафных санкций, предусмотренных Кодексом РФ об административных правонарушениях за нарушения антимонопольного законодательства, и предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода от соответствующего нарушения.

Конституционный Суд признает возможность параллельного использования данных мер, указывая на компенсаторный характер исследуемого предписания. Высший Арбитражный Суд, напротив, исключает возможность их одновременного применения, отмечая, что взыскание в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства, может быть применено только в отсутствие возможности расчета административного штрафа.

Период после 2016 г. Ряд авторов расценивали поправки, внесенные ФАС России в Закон о защите конкуренции и КоАП РФ, точкой в споре⁴.

¹ Федеральный закон от 25.05.1995 № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках”» // СЗ РФ. 1995. № 22. Ст. 1977.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И. Ю. Артемьев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016 (комментарий к ст. 51 подготовлен Д. А. Гавриловым, Т. А. Каменской, А. Н. Плетешковым).

Действительно, так называемым антимонопольным научным и экспертным сообществом четвертым антимонопольным пакетом ограничено параллельное использование административной ответственности в виде штрафа и выдачи рассматриваемого предписания, в случае если такое предписание исполнено⁵.

Однако бесспорно ли это можно называть точкой, разрешающей правовую неопределенность? Не позволит ответить на данный вопрос утвердительно ни актуальное нормативное регулирование, которым до настоящего момента не определена приоритетность использования соответствующих мер антимонопольными органами, ни все еще пытающаяся приобрести хоть сколько-нибудь четкие очертания практика применения.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 25.12.2014 № 4-П, произвольное определение санкции административным органом недопустимо.

Чуть более полугодом прошло между двумя разъяснениями ФАС России, которыми служба предпринимала попытки заполнить правовой пробел. Еще в декабре 2015 г., казалось бы, регулятором определена формула: если доход, полученный от нарушения антимонопольного законодательства, больше размера исчисляемого штрафа, то приоритет отдается предписанию о перечислении в федеральный бюджет дохода, в ином случае — административному наказанию в виде штрафа⁶.

В июле 2016 г. ФАС России был заложен принцип, являющийся главенствующим в практике и до настоящего времени: если административный штраф может быть рассчитан исходя из суммы выручки или расходов нарушителя, то предписание не выдается⁷. Данные разъяснения фактически заморозили практику использования данной меры антимонопольными органами почти на десятилетие.

В последующем и арбитражные суды неоднократно подчеркивали невозможность выдачи предписания, когда антимонопольный орган обладает сведениями о сумме выручки нарушителя⁸.

Также нельзя оставить без внимания выводы судов, фиксирующие процессуальные особенности выдачи предписаний. В рамках оценки обоснованности исковых требований антимонопольного органа о взыскании в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, Арбитражный суд Московского округа указал на несоблюдение органом процедуры по предварительной выдаче хозяйствующему субъекту соответствующего предписания в рамках антимонопольного дела.

⁵ Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 41 (ч. I). Ст. 5629.

⁶ Письмо ФАС России от 24.12.2015 № ИА/74666/15 «О применении «четвертого антимонопольного пакета» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Письмо ФАС России от 08.07.2016 № ИА/46433/16 «О выдаче предписаний о перечислении в федеральный бюджет доходов, полученных от монополистической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26.12.2018 по делу № 309-ПЭК18, А40-75556/2017 ; определение Верховного Суда РФ от 07.04.2020 № 305-ЭС20-3081 по делу № А40-201222/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, необходимо учитывать возможность выдачи соответствующего предписания исключительно по факту установления нарушения антимонопольного законодательства, поэтому использование такой меры при выдаче нарушителю предупреждения об устранении признаков нарушения является неправомерным. К такому выводу пришла в том числе и Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в рамках определения от 17.01.2020 № 309-ЭС19-19206 по делу № А76-17497/2018 по результатам рассмотрения жалобы антимонопольного органа.

Отдельно стоит выделить постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2022 № 7-П «По делу о проверке конституционности статей 14.8 и 51 Федерального закона “О защите конкуренции” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Медэксперт”». Суд, видимо, определил новые паттерны применения исследуемого предписания, указав на возможность возложения обязанности перечислить доход от совершенного деяния, если в результате нарушения причинен «значительный, явный и прямой ущерб хозяйствующим субъектам-конкурентам или соответствующее деяние носило грубый характер». В данном случае Суд с учетом предмета рассматриваемого вопроса оценивал такую возможность при выявлении факта недобросовестной конкуренции, однако справедливо данные выводы также распространить и на злоупотребление доминирующим положением.

Возрождение практики правоприменения. В настоящее время мы можем наблюдать возрождение использования исследуемого инструмента принудительного воздействия. Так, ФАС России обязало ПАО «МТС»⁹, АО «Издательство “Просвещение”»¹⁰ перечислить в федеральный бюджет доход, полученный вследствие злоупотребления доминирующим положением. При этом ФАС России установлено, что действия данных хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на товарных рынках, привели к ущемлению неопределенного круга потребителей.

При определении меры принудительного воздействия антимонопольная служба явно основывает свое решение на новых актуальных выводах Конституционного Суда РФ. Учитывая размер рассчитанного службой дохода от нарушения антимонопольного законодательства данными обществами, можно считать справедливым вывод регулятора о том, что выявленные нарушения причиняют явный, прямой ущерб потребителям и носят грубый характер.

При ущемлении интересов неопределенного круга потребителей нельзя не учитывать извлечение необоснованной экономической выгоды за счет потребителей ввиду наличия рыночной власти на товарном рынке.

Выдача предписания о перечислении в бюджет в таком случае является единственной соразмерной допущенному нарушению мерой, поскольку привлечение к административной ответственности при таких обстоятельствах не влечет

⁹ Сайт Федеральной антимонопольной службы. URL: <https://fas.gov.ru/news/33517> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁰ Сайт Федеральной антимонопольной службы. URL: <https://fas.gov.ru/news/33752> (дата обращения: 01.06.2025).

превенции новых нарушений и не лишает доминирующий субъект полученной экономической выгоды.

Также стоит учитывать, что как разъяснения ФАС России, отраженные в письме от 08.07.2016 № ИА/46433/16, так и ранее указанная судебная практика, а также выводы, отраженные в п. 31 актуального Обзора судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства, подготовленного Верховным Судом РФ¹¹, ограничивают возможность выдачи предписания о перечислении в бюджет дохода только в том случае, если не представляется возможным рассчитать административный штраф *исходя из суммы выручки правонарушителя от реализации товара (работы, услуги)*, на рынке которого совершено административное правонарушение.

Вместе с тем при ущемлении интересов неопределенного круга лиц законодатель предусмотрел административное наказание в виде фиксированного штрафа от 300 тыс. до 1 млн руб., расчет которого не основан на сумме выручки нарушителя (ч. 1 ст. 13 КоАП РФ).

Таким образом, в настоящий момент отсутствуют какие-либо препятствия для выдачи в указанном случае предписания о перечислении дохода от антимонопольного нарушения в бюджет. Более того, такой подход согласуется с актуальными выводами Конституционного Суда РФ.

Однако в случаях, когда штраф подлежит расчету именно на основании выручки нарушителя, такая возможность существенно ограничена сложившейся судебной практикой. Позволят ли выводы Конституционного Суда РФ, отраженные в постановлении № 7-П, использовать рассматриваемое предписание, несмотря на возможность расчета штрафа исходя из выручки нарушителя, покажет только практика.

Поиск эффективного решения. Видится целесообразным определить системный подход к выбору антимонопольными органами меры принудительного воздействия — принять решение, которое не будет оставлять возможности субъективного усмотрения.

Снова обратимся к разграничительным линиям, сформулированным Конституционным Судом РФ. Возложение обязанности перечисления дохода от нарушения антимонопольного законодательства возможно, если соблюдается хотя бы одно из следующих условий:

- в результате нарушения причинен значительный, явный и прямой ущерб;
- соответствующее деяние носит грубый характер.

С. А. Пузыревский, рассматривая данную меру принудительного воздействия, справедливо отмечает, что исследуемое предписание должно обеспечивать восстановление баланса публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в результате злоупотреблений, устраняя

¹¹ Обзор судебной практики, связанной с привлечением к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025).

негативные социально-экономических последствия нарушения антимонопольного законодательства¹².

Именно по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства комиссия антимонопольного органа принимает решение, в том числе о выдаче предписания, направленного на прекращение соответствующих нарушений, устранение их последствий, включая восстановление положения, существовавшего до нарушения.

При этом исключительным поводом к возбуждению дела об административном правонарушении за нарушение антимонопольного законодательства является решение комиссии антимонопольного органа.

Законодатель тем самым определенно установил первичность мер предупреждения и пресечения нарушения по отношению к мерам административной ответственности, так как решение о выдаче того или иного предписания принимается комиссией непосредственно по итогам рассмотрения дела. От выбора решения о применении тех или иных мер, которыми располагает контролирующий орган для воздействия на нарушителя, зависит и эффективность реализуемых им полномочий.

Возложение на комиссию антимонопольного органа обязанности оценить размер предполагаемой в последующем штрафной санкции в целях определения приоритетной стратегии является избыточным, выходящим за пределы предоставленных комиссии полномочий.

Выдача предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, при одновременном использовании потерпевшими лицами гражданско-правовых способов защиты своих прав, обеспечит выполнения целей эффективного антимонопольного контроля.

Законодательно не ограничена возможность принятия решения о выдаче соответствующего предписания как приоритетного способа антимонопольного контроля. Однако преодолеть накопившийся объем практических выводов, даже при подготовке новых разъяснений коллегиальным органом ФАС России, будет сложно.

Поэтому предлагается дополнить Закон о защите конкуренции положениями, определяющими приоритет предписания о взыскании дохода в бюджет перед мерами административной ответственности, сохранив возможность привлечения к административной ответственности при неисполнении нарушителем соответствующего предписания.

Такая возможность привлечения к ответственности даже при выдаче предписания о перечислении дохода в бюджет уже прямо предусмотрена законодателем. Однако обжалование актов антимонопольного органа, вынесенных по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, приостанавливает их действие до вступления в законную силу.

Таким образом, казалось бы, заложенная в Законе о защите конкуренции мотивация к исполнению выданного предписания под угрозой применения мер административного наказания фактически может стимулировать нарушителя к длительному судебному спору, в том числе в целях уклонения от дополнительного

¹² Процедуры в конкурентном праве : учебное пособие / Ю. И. Абакумова, О. Р. Афанасьева, А. В. Борисов [и др.] ; отв. ред. С. А. Пузыревский. М. : Проспект, 2019.

наказания в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

При этом, если не оплачен штраф, орган в короткие сроки передает исполнительные документы судебным приставам-исполнителям для организации процедуры взыскания. Помимо этого, нарушение срока оплаты штрафа грозит должнику дополнительным штрафом, накладываемым в двойном размере¹³.

Неисполнение предписания вынудит контролирующий орган обратиться в суд с иском о взыскании дохода, полученного от выявленного нарушения. В действительности такой доход может быть взыскан с лица только через несколько лет, и выполнит ли рассматриваемая мера восстановительную функцию — вопрос риторический. Неисполнение предписания должно запускать динамический подход к расчету суммы взыскиваемого дохода, определяющий мотивацию нарушителя к скорейшему погашению задолженности перед бюджетом.

Превенция продолжения нарушения, от которого хозяйствующий субъект получает доход. Помимо прочего, нерешенным является вопрос о действиях антимонопольного органа в случае продолжения нарушителем противоправного поведения, в рамках которого последний получает незаконный доход.

Так, вероятно ситуация, при которой хозяйствующий субъект, обжалуя предписание, нарушение не прекратит. Однако расчет дохода, подлежащего перечислению в бюджет, рассчитывается на момент завершения рассмотрения антимонопольного дела. Органу должна быть предоставлена возможность перерасчета суммы, подлежащей перечислению в бюджет, на основании выданного ранее и вступившего в законную силу предписания, без доказывания того, каким является размер получаемого в этот период дохода.

Так, например, исключить такое злоупотребление нарушителя можно, производя перерасчет предписания, исходя из произведения суммы среднесуточного дохода, ранее установленного в предписании, на количество дней до даты фактического прекращения выявленного нарушения.

Заключение

Институт предписаний о перечислении дохода в бюджет обладает значительным потенциалом для защиты от монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, но требует совершенствования. Ключевые шаги — устранение правовых пробелов и выработка стратегических решений — снизят усмотрение регулятора, повысят предсказуемость для бизнеса, сформируют мотивацию к прекращению и даже предупреждению нарушений.

Примеры новых актуальных выявленных нарушений, в рамках которых антимонопольная служба реинкарнировала исследуемую меру, подтверждают ее эффективность при массовых грубых нарушениях, а ее развитие соответствует глобальному тренду на социальную справедливость.

¹³ Так, статья 20.25 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение сроков оплаты назначенного наказания в виде штрафа в сумме двукратного размера неисполненного обязательства.

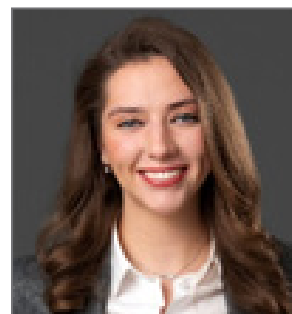
БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Что же такое «конкурентное право?» // Закон. — 2020. — № 2. — С. 44—64.
2. Клейн Н. И. Рассмотрение дел о нарушениях антимонопольного законодательства арбитражными судами и антимонопольными органами // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. — М. : Статут, 2008. — С. 417—437.
3. Курдюмов М. Д. О восстановлении антимонопольным органом нарушенных прав потребителей банковских услуг посредством выдачи предписания // Банковское право. — 2021. — № 6. — С. 59—68.
4. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И. Ю. Артемьев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2016.
5. Право интеллектуальной собственности : учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — М. : Статут, 2017.
6. Процедуры в конкурентном праве : учебное пособие / Ю. И. Абакумова, О. Р. Афанасьева, А. В. Борисов [и др.] ; отв. ред. С. А. Пузыревский. — М. : Проспект, 2019. — 296 с.
7. Рыженков А. Я. Право и монополии в современной России : монография. — М. : Юстицинформ, 2017. — 208 с.
8. Тотьев К. Ю. Предписание антимонопольного органа о перечислении незаконного дохода: правовая природа и функции // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2010. — № 8. — С. 40—48.
9. Хохлов Е. С. Меры предупредительного воздействия на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение // Закон. — 2017. — № 4. — С. 132—140.

Добровольные обязательства в конкурентном праве: сравнительно-правовой анализ моделей регулирования¹

Аннотация. В статье представлено оригинальное сравнительно-правовое исследование моделей утверждения добровольных обязательств в зарубежных юрисдикциях, включая Европейский союз, Великобританию, США, Японию, Китай, Турцию, Бразилию и ЮАР. Автором предложена классификация указанных моделей по институциональному критерию: административная, судебная и смешанная. Показано, что выбор модели влияет на объем внешнего контроля, юридические последствия обязательств и степень их интеграции в национальные правовые системы. В результате анализа обоснована высокая степень адаптивности и институциональной гибкости административной модели, что позволяет рассматривать ее как наиболее перспективную для возможной имплементации в российскую правовую систему. Исследование имеет прикладной характер и способствует формированию комплексного представления о правовой природе и функциональных характеристиках добровольных обязательств в антимонопольном регулировании.

Ключевые слова: конкурентное право, добровольные обязательства, урегулирование, административная модель, судебная модель, смешанная модель, сравнительно-правовой анализ, публичный интерес

**Елизавета Михайловна
РУМЯНЦЕВА,**

аспирант кафедры
конкурентного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
юрист международной
юридической фирмы *Denuo*
[elizaveta.rumyantseva@
denuo.legal](mailto:elizaveta.rumyantseva@denuo.legal)
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.183-193

¹ Статья подготовлена под научным руководством Д. А. Гаврилова, заместителя заведующего кафедрой конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Elizaveta M. RUMYANTSEVA,

Postgraduate student of the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
associate at Denuo international law firm
elizaveta.rumyantseva@denuo.legal
9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Commitments in competition law: a comparative legal analysis of regulatory models

Abstract. *The article presents an original comparative legal study of commitment approval models in foreign jurisdictions, including the European Union, the United Kingdom, the United States, Japan, China, Canada, Turkey, Brazil, and South Africa. The author proposes a classification of these models based on institutional criteria: administrative, judicial, and hybrid. It is demonstrated that the choice of model affects the degree of external oversight, the legal consequences of commitments, and their integration into national legal systems. The analysis substantiates the high level of adaptability and institutional flexibility of the administrative model, which makes it the most promising for potential implementation within the Russian legal framework. The study is of applied nature and contributes to a comprehensive understanding of the legal nature and functional characteristics of commitments in competition law enforcement.*

Keywords: *competition law, commitments, settlement, administrative model, judicial model, hybrid model, comparative legal analysis, public interest*

Общая характеристика института добровольных обязательств

В широком смысле институт добровольных обязательств следует рассматривать как административный договор между антимонопольным органом и ответчиком². Его сущность заключается в том, что хозяйствующий субъект, подозреваемый в нарушении законодательства о защите конкуренции, добровольно предлагает меры, направленные на устранение выявленных антимонопольным органом признаков нарушения, взамен прекращения рассмотрения дела и освобождения от ответственности. Подробный анализ правовой природы института представлен нами в предыдущем исследовании³.

Утверждение антимонопольным органом добровольных обязательств влечет за собой ряд унифицированных последствий, характерных для большинства зарубежных юрисдикций:

² Румянцева Е. М. Правовая природа института добровольных обязательств // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 4 (40). С. 20—25.

³ Румянцева Е. М. Указ. соч.

- 1) прекращение дела без признания вины;
- 2) освобождение ответчика от административной ответственности;
- 3) придание обязательного характера принятым мерам;
- 4) установление механизма мониторинга исполнения, осуществляемого антимонопольным органом или назначенным наблюдателем;
- 5) возобновление расследования в случае неисполнения обязательств с возможным наложением штрафов, включая санкции за нарушение самих обязательств.

Таким образом, институт добровольных обязательств устанавливает баланс между гибкостью процедуры и обеспечением публичного контроля. Тем самым достигается цель оперативного восстановления конкуренции без издержек, связанных с длительным расследованием и судебным оспариванием⁴. Указанные особенности определяют перспективность и актуальность института в правоприменительной практике.

В этой связи предлагаем обратиться к ряду зарубежных правопорядков, которые уже ввели и активно применяют институт добровольных обязательств в своей правоприменительной деятельности.

Сравнительно-правовой анализ моделей утверждения обязательств

Механизмы добровольных обязательств в разных странах можно классифицировать по процедуре их утверждения компетентным органом. Автором выделяются три основные модели:

- 1) административная модель. Обязательства утверждаются непосредственно антимонопольным органом (административным ведомством) без необходимости судебного санкционирования. Эта модель обеспечивает оперативность и институциональную гибкость. Большинство стран придерживаются именно административной модели;
- 2) судебная модель. Добровольные обязательства подлежат обязательному рассмотрению и утверждению судебным (или квазисудебным) органом. Такая модель обеспечивает внешний контроль за принимаемыми антимонопольными органами добровольными обязательствами (проверка в суде на соответствие публичному интересу), повышая легитимность результата;
- 3) смешанная модель. Комбинирует элементы обоих подходов. В некоторых юрисдикциях обязательства могут утверждаться либо административно, либо через судебный орган — в зависимости от стадии дела или по выбору сторон.

Далее рассмотрим конкретные страны, относящиеся к каждой модели, с указанием национальной терминологии, законодательства и процедурных особенностей утверждения добровольных обязательств.

⁴ OECD. Remedies and commitments in abuse cases. Paris: OECD, 2022. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/11/remedies-and-commitments-in-abuse-cases_c215224a/b975b0e3-en.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

Административная модель

При административной модели окончательное решение об утверждении обязательств принимает антимонопольный орган (или иной административный орган, наделенный полномочиями по контролю за соблюдением антимонопольного законодательства) без обязательного вынесения судебного акта. Все юридические последствия наступают на основании акта этого органа. Административная модель применяется, в частности, в Европейском союзе, Великобритании, Турции, Японии, Китае. Несмотря на различия в деталях, в этих юрисдикциях процедура достаточно похожа: антимонопольное ведомство и нарушитель приходят к утверждению добровольных обязательств, после чего ведомство выносит решение, приостанавливающее или прекращающее расследование. Ниже анализируется механизм добровольных обязательств в каждой из указанных стран.

Европейский союз. Европейская комиссия (далее — Комиссия) в соответствии со ст. 9 Регламента Совета (ЕС) № 1/2003 от 16.12.2002 о применении правил конкуренции, предусмотренных ст. 81 и 82 Договора о ЕС⁵, как наднациональный антимонопольный орган вправе принять от компании добровольные обязательства (commitments) по устранению этих нарушений. Процедура включает несколько стадий: предварительная оценка Комиссией проблем (preliminary assessment), разработка и представление добровольных обязательств компаний, публикация краткого содержания обязательств в Официальном журнале ЕС и сбор замечаний третьих лиц (market test), затем решение Комиссии об утверждении обязательств⁶.

Решение Комиссии носит обязательный характер (commitment decision) и приводит к прекращению дела без установления нарушения и без штрафа. Однако несоблюдение утвержденных обязательств влечет возобновление расследования и уже вынесение обвинительного решения (prohibition decision) со штрафными санкциями.

Механизм commitments применим во всех сферах антимонопольного права ЕС, кроме картелей, поскольку для них предусмотрен механизм специальных соглашений о сотрудничестве (leniency, settlement).

Таким образом, европейская модель стала образцом для многих стран, демонстрируя баланс между эффективностью и транспарентностью.

Великобритания. Несмотря на выход из ЕС, Великобритания сохранила правовой механизм добровольных обязательств (commitments), во многом аналогичный институту, предусмотренному в праве ЕС, однако обладающий рядом национальных особенностей. Данный механизм закреплен в ст. 31А Закона о конкуренции 1998 г.⁷ и реализуется посредством прецедентной и институциональной практики Управления по конкуренции и рынкам (Competition and Markets Authority,

⁵ Council Regulation (EC) № 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of competition rules laid down in Articles 81 and 82 of the EC Treaty // OJ L 1, 04.01.2003.

⁶ Commission notice on best practices for the conduct of proceedings concerning Articles 101 and 102 TFEU № 2011/C 308/06 // OJ C 308, 20.10.2011. P. 27—28.

⁷ Competition Act 1998. United Kingdom.

СМА), обладающего широкими дискреционными полномочиями на всех стадиях антимонопольного разбирательства.

В соответствии с Руководством по проведению СМА процедуры расследования⁸, добровольные обязательства могут быть предложены компанией в любой момент до вынесения решения по существу, включая как структурные, так и поведенческие меры либо их комбинацию⁹.

В отсутствие строгих процессуальных сроков агентство, как правило, воздерживается от принятия обязательств на поздних стадиях, например, после рассмотрения возражений по Уведомлению о претензиях (Statement of Objections), руководствуясь соображениями процессуальной экономии и защиты публичного интереса¹⁰.

Отказ в принятии обязательств допускается в случаях, когда выявленные нарушения носят особо тяжкий характер, включая картельные соглашения или злоупотребление доминирующим положением с серьезными последствиями¹¹. Также СМА отказывается от утверждения обязательств, если их реализация представляется затруднительной для контроля либо если отказ от продолжения разбирательства потенциально подрывает превентивную функцию антимонопольного законодательства¹².

Таким образом, британская модель сочетает в себе процессуальную гибкость, сохраняя при этом функциональную автономию и институциональную целесообразность. По сравнению с моделью ЕС механизм обязательств в Великобритании демонстрирует более адаптивный характер, что подтверждает его востребованность в условиях усиления национального контроля над конкуренцией.

Турция. В турецком антимонопольном праве институт добровольных обязательств (тур. taahhüt, англ. commitments) был формализован сравнительно недавно — с принятием поправок от 16.06.2020 к Закону № 4054 «О защите конкуренции»¹³ (далее — Закон № 4054) и последующим Коммюнике № 2021/2¹⁴ Турецкого совета по конкуренции (Turkish Competition Authority, TCA). Нововведения предоставили компаниям, в отношении которых инициировано предварительное расследование либо формальное разбирательство по делам, связанным с нарушениями ст. 4 (антиконкурентные соглашения, за исключением картелей) или ст. 6 (злоупотребление доминирующим положением), право предложить добровольные обязательства, направленные на устранение выявленных признаков нарушения. Согласно ст. 43 Закона № 4054, такие предложения могут быть поданы в течение трех месяцев с момента официального уведомления о начале

⁸ Guidance on the CMA's investigation procedures (CMA8). United Kingdom, 2019.

⁹ Guidance on the CMA's investigation procedures (CMA8). P. 10.16.

¹⁰ Guidance on the CMA's investigation procedures (CMA8). P. 10.22

¹¹ Guidance on the CMA's investigation procedures (CMA8). P. 10.20.

¹² Guidance on the CMA's investigation procedures (CMA8). P. 10.21.

¹³ Act on the Protection of Competition № 4054 dated December 7. Turkey.

¹⁴ Turkish Competition Authority. Communiqué № 2021/2 on the Commitments to be Offered in Preliminary Inquiries and Investigations Concerning Agreements, Concerted Practices and Decisions Restricting Competition, and Abuse of Dominant Position // URL: <https://www.rekabet.gov.tr> (дата обращения: 30.05.2025).

расследования и рассматриваются ТСА на предмет их достаточности для разрешения выявленных проблем.

Существенной особенностью турецкой модели является возможность отклонения обязательств на любом этапе процедуры — как по инициативе ТСА, так и в случаях, когда характер возможного нарушения требует дополнительного анализа¹⁵. Повторное представление обязательств в рамках одного и того же дела не допускается.

Процедура подачи и оценки обязательств подробно регламентирована в Коммюнике, который содержит нормы, касающиеся сроков подачи обязательств, требований к их содержанию, а также возможного проведения консультаций с третьими сторонами (опционально).

Япония. Институт добровольных обязательств (commitments) в японском антимонопольном праве был формализован сравнительно недавно, на фоне растущего влияния международных договоренностей (в частности, обязательств Японии по Соглашению о Транстихоокеанском партнерстве) и в целях повышения процессуальной эффективности правоприменения. Соответствующие положения были закреплены в главе VI-2 Закона о запрете монополистических частных ограничений и поддержании честной торговли (Antimonopoly Act, AMA) в ст. 48-2—48-9¹⁶.

Процедура утверждения обязательств инициируется Японской комиссией по справедливой торговле (Japan Fair Trade Commission, JFTC) в случаях, когда она предварительно усматривает признаки нарушения закона, прежде всего охватывающие антиконкурентные соглашения, злоупотребления доминированием, вертикальные ограничения и эксплуатативные практики. Уведомление о возможности представления обязательств (commitment notice) направляется компании до вынесения формального предписания и предполагает 60-дневный срок для подачи так называемого плана устранения предполагаемого нарушения (Exclusion Measures Plan).

Принятие обязательств влечет освобождение от запретительного предписания и от административного штрафа¹⁷, при этом признание вины от ответчика не требуется. Вместе с тем институт неприменим к картелям — об этом прямо заявлено JFTC в пояснительных документах к законопроекту, несмотря на формально широкий охват категории дел в тексте закона¹⁸.

Японская модель отличается высокой степенью институциональной автономии JFTC: решение об утверждении обязательств выносится комиссией без обязательного рыночного тестирования или публичных консультаций, что выгодно отличает ее от более формализованной процедуры в ЕС. Вместе с тем

¹⁵ Turkish Competition Authority. Communiqué № 2021/2... Art. 6.

¹⁶ Antimonopoly Act of Japan // Translation by Japanese Fair Trade Commission. [n. p.], 2024.

¹⁷ Antimonopoly Act of Japan. Art. 48-4, 48-8.

¹⁸ Shiraishi T. Commitment Decisions in the Japanese Context // OECD Competition Committee, 125th Meeting, 15—17 June 2016. Paris : OECD, 2016. P. 3—4. (DAF/COMP/WD(2016)54). URL: [https://one.oecd.org/document/daf/comp/wd\(2016\)54/en/pdf](https://one.oecd.org/document/daf/comp/wd(2016)54/en/pdf) (дата обращения: 30.05.2025).

зафиксированы случаи, когда JFTC использует неформальные переговоры до направления официального уведомления, что усиливает гибкость механизма¹⁹.

Особенность японской системы также заключается в возможности отзыва утвержденных обязательств в случае их неисполнения или предоставления недостоверной информации (ст. 48-5, 48-9 AMA), после чего JFTC вправе в течение двух лет инициировать стандартную процедуру принудительного предписания и наложения штрафа, даже по истечении обычного пятилетнего срока давности.

Китай. Китайская модель применения обязательств в антимонопольных делах представляет собой институционально развитый механизм урегулирования, формально закрепленный в ст. 53 Закона КНР «О противодействии монополистической деятельности» (в ред. 2022 г.)²⁰ и детализированный в Руководстве по применению обязательств (Commitment Guidelines), утвержденном Антимонопольным комитетом Госсовета в 2019 г.²¹ В соответствии с данными нормами Государственное управление по регулированию рынка КНР (State Administration for Market Regulation, SAMR) вправе приостановить, а затем прекратить расследование, если компания добровольно предлагает меры, устраняющие последствия предполагаемого антиконкурентного поведения.

В механизме добровольных обязательств Китая установлены точные процессуальные рамки: обязательства могут быть предложены только после того, как антимонопольный орган начал применение мер расследования (например, внеплановые выездные проверки, письменные запросы), но до направления предварительного уведомления о штрафе (Advance Penalty Notice)²². Это означает, что как только SAMR квалифицирует поведение как нарушение, подача обязательств становится невозможной. Подобный подход отличает китайскую модель от более гибкой британской, где обязательства формально допустимы вплоть до финальных стадий разбирательства.

При этом, в отличие от формальной модели ЕС, SAMR может не только принимать обязательства, но и инициировать консультации, побуждая хозяйствующих субъектов к их выдвижению²³, что сближает подход Китая с Японией. Процедура допускает как закрытую, так и открытую (public consultation) модель рассмотрения.

По аналогии с другими странами повторная подача обязательств после возобновления расследования (в случае их нарушения или предоставления недостоверной информации) недопустима²⁴.

¹⁹ Antimonopoly Act of Japan. Art. 48-5, 48-9.

²⁰ Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China (2022 revision).

²¹ Guidelines on Undertakings' Commitments in Anti-Monopoly Cases. State Administration for Market Regulation, 2019.

²² Guidelines on Undertakings' Commitments in Anti-Monopoly Cases. Art. 4

²³ Guidelines on Undertakings' Commitments in Anti-Monopoly Cases. Art. 10, 14.

²⁴ Guidelines on Undertakings' Commitments in Anti-Monopoly Cases. Art. 17. Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China. Art. 53.

Судебная модель

Судебная модель характерна тем, что добровольные обязательства, представляемые ответчиком, подлежат обязательному рассмотрению независимым судебным или квазисудебным органом (судом общей юрисдикции либо специализированным трибуналом), прежде чем вступит в силу. Иначе говоря, окончательное утверждение обязательств происходит вне пределов самого антимонопольного ведомства — через внешнюю инстанцию. Цель такого подхода — обеспечить, с одной стороны, проверку предлагаемых добровольных обязательств на соответствие публичному интересу, а с другой — придать добровольным обязательствам характер судебного приказа, поддающегося прямому исполнению и контролю судом. К странам, реализующим судебную модель, относятся прежде всего США, Канада и Южно-Африканская Республика (ЮАР). Эти три юрисдикции исторически пошли по пути вовлечения суда в процесс утверждения добровольных обязательств. Ниже рассмотрим подробнее их механизмы.

Соединенные Штаты Америки. В США утвердилась двухуровневая практика использования добровольных обязательств в антимонопольном правоприменении — судебная (через consent decree) и административная (через consent order) модели. Судебная модель реализуется Министерством юстиции (Department of Justice, DOJ) посредством согласования добровольных обязательств, оформляемых в виде проекта судебного решения об урегулировании, подлежащего утверждению федеральным судом в порядке, установленном Законом от 21.12.1974 «О мерах по реформе процедур согласительных решений и усилению ответственности за нарушение антитрестового законодательства»²⁵ (Tunney Act).

Согласно § 2 Tunney Act, суд может санкционировать внесудебное соглашение (добровольные обязательства) лишь после проверки его на соответствие публичному интересу (public interest review). Для этого одновременно с подачей иска в суд DOJ представляет специальное заявление о предполагаемом влиянии обязательств на конкуренцию (Competitive Impact Statement), содержащее сведения о предмете и целях дела, описание нарушений, обсуждаемые альтернативы (§ 16 (b)(1)–(6) Tunney Act). Проект добровольных обязательств и указанное заявление подлежат публикации в федеральном реестре, а также дублируются в прессе по месту нахождения суда (§ 16 (c)). С этого момента начинается срок открытого общественного обсуждения продолжительностью не менее 60 календарных дней (§ 16 (d)). Все письменные комментарии, направленные в DOJ, подлежат обязательному рассмотрению, а их анализ в виде официального ответа также публикуется и приобщается к делу (§ 16 (d), (f)). Лишь после этого судья может утвердить добровольные обязательства или отказаться от их утверждения при наличии весомых возражений (§ 16 (e) Tunney Act).

Особенностью судебной модели является то, что утверждение добровольных обязательств не сопровождается признанием вины ответчиком, равно как и не влечет наложения на него санкций в виде штрафа. Согласно устоявшейся практике Министерство юстиции США в гражданских делах не требует признания

²⁵ Antitrust Procedures and Penalties Act, Pub. L. No. 93-528, 88 Stat. 1706 (1974) // 15 U.S.C. § 16 (b)–(h) (Tunney Act).

ответственности и не включает штрафные санкции в текст добровольных обязательств, если иное прямо не предусмотрено соглашением. Вместе с тем в случае последующего нарушения согласованных мер утвержденные добровольные обязательства приобретают обязательную силу судебного приказа.

В отличие от DOJ, Федеральная торговая комиссия (Federal Trade Commission, FTC) утверждает добровольные обязательства в порядке внутреннего административного судопроизводства. Добровольные обязательства (consent order) выносятся комиссией после рассмотрения заявления компании, публикации его проекта и сборов комментариев в течение 30 дней²⁶. По завершении процедуры утвержденные добровольные обязательства вступают в силу как обязательное административное предписание.

Южно-Африканская Республика. Правовая модель добровольных обязательств в Южно-Африканской Республике (ЮАР) реализуется через заключение добровольных обязательств (consent orders) между Комиссией по конкуренции ЮАР (Competition Commission), независимым антимонопольным органом, уполномоченным проводить расследования и предъявлять обвинения в антимонопольных делах, и хозяйствующим субъектом, подозреваемым в нарушении положений Закона о конкуренции ЮАР (Competition Act № 89 of 1998). Утверждение таких добровольных обязательств отнесено к компетенции Трибунала по конкуренции ЮАР (Competition Tribunal), специализированного квазисудебного органа с исключительной юрисдикцией по вопросам конкуренции, осуществляющего функции институционального контроля.

Согласно ст. 63 Закона о конкуренции, Комиссия, завершив расследование и достигнув договоренности с ответчиком, вправе представить проект добровольных обязательств в Трибунал на утверждение силой приказа Трибунала (Section 63(1)). После утверждения оно становится обязательным и подлежит исполнению в порядке, аналогичном решению Высокого суда (Section 64(1)).

Существенным элементом модели ЮАР является возможность включения в текст добровольных обязательств положений об административном штрафе. В соответствии со ст. 60(1)(a)(iii) и 61 Закона о конкуренции, Трибунал вправе наложить штраф даже в рамках утверждения добровольных обязательств, а его максимальный размер составляет до 10 % годового оборота нарушителя за предшествующий финансовый год. При этом Закон о конкуренции не требует от ответчика признания вины: добровольные обязательства могут быть утверждены без установления факта правонарушения, если ответчик соглашается на предложенные условия²⁷.

Кроме того, по соглашению с потерпевшей стороной в текст добровольных обязательств может быть включено решение о компенсации — такая возможность прямо предусмотрена ст. 63(2) Закона о конкуренции.

²⁶ Federal Trade Commission Rules of Practice, 16 C.F.R. § 2.34 (2023).

²⁷ Competition Act. № 89 of 1998 (South Africa). Section 63(1).

Смешанная модель

Смешанная (административно-судебная) модель включает различные модификации процедур, сочетающие в себе элементы первых двух подходов. К ней можно отнести системы, где на разных стадиях дела применяются разные механизмы утверждения, либо где акт антимонопольного органа должен подтверждаться или исполняться через суд, хотя само первоначальное решение принимается административно. Примером страны со смешанной моделью является Бразилия.

Бразилия. В бразильском конкурентном праве ответчик вправе прекратить предполагаемое нарушение конкурентного законодательства, представив в адрес Conselho Administrativo de Defesa Econômica (CADE) добровольные обязательства (Termo de Compromisso de Cessação, TCC) без признания вины²⁸.

TCC может быть заключено на любом этапе административного расследования с участием двух органов CADE — Следственного управления (Superintendência-Geral) и Административного трибунала. На ранней стадии расследования, до передачи дела в трибунал, добровольные обязательства утверждаются решением Superintendência-Geral (административным порядком). На более поздней стадии, когда дело уже передано на рассмотрение Трибунала CADE, заключение TCC требует одобрения коллегии Трибунала на открытом заседании путем голосования. Закон № 12.529/2011, регулирующий защиту конкуренции в Бразилии, устанавливает ключевые требования к TCC²⁹.

В период выполнения условий TCC административное дело приостанавливается, а при успешном исполнении обязательств подлежит прекращению³⁰. В случае же нарушения условий TCC расследование возобновляется (дело продолжается с того этапа, на котором было остановлено) и на нарушителя накладываются предусмотренные санкции.

Таким образом, бразильская модель TCC носит смешанный характер: она сочетает черты административного подхода (утверждение добровольных обязательств в рамках антимонопольного органа, возможность применения согласованного штрафного платежа) с элементами судебного (формальное утверждение коллегиальным органом на открытом заседании), занимая промежуточное положение между сугубо административными и судебными режимами антимонопольных урегулирований.

Вывод

Проведенный сравнительно-правовой анализ подтверждает, что институт добровольных обязательств — при всем многообразии его форм — сохраняет свою сущностную природу как механизм административного урегулирования публично-правового конфликта между антимонопольным органом и хозяйствующим субъектом. Добровольные обязательства позволяют эффективно устранить

²⁸ Lei nº 12.529 de 30 de novembro de 2011 «Lei de Defesa da Concorrência». Brasil.

²⁹ Lei nº 12.529 de 30 de novembro de 2011 «Lei de Defesa da Concorrência». Brasil. Art. 85.

³⁰ Lei nº 12.529 de 30 de novembro de 2011 «Lei de Defesa da Concorrência». Brasil. § 8 Art. 85.

признаки нарушения без установления вины и без наложения санкций, обеспечивая при этом баланс между гибкостью правоприменения и защитой публичного интереса.

При этом именно административная модель, по мнению автора, демонстрирует наибольшую эффективность в сочетании с институциональной гибкостью и оперативностью процедур.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Румянцева Е. М. Правовая природа института добровольных обязательств // Российское конкурентное право и экономика. — 2024. — № 4 (40). — С. 20—25.
2. Shiraishi T. Commitment Decisions in the Japanese Context / OECD Competition Committee, 125th Meeting, 15—17 June 2016. — Paris : OECD, 2016. — P. 3—4. — (DAF/COMP/WD(2016)54). — URL: [https://one.oecd.org/document/daf/comp/wd\(2016\)54/en/pdf](https://one.oecd.org/document/daf/comp/wd(2016)54/en/pdf) (дата обращения: 30.05.2025).

Алина Олеговна

ЗАЙЦЕВА,

аспирант кафедры
конкурентного права

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)

s2021664@msal.edu.ru

125993, Россия, г. Москва,

ул. Садовая-Кудринская,

д. 9

Проблемы взыскания убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем реализации гражданско-правового механизма взыскания убытков за нарушения антимонопольного законодательства в России. Несмотря на конституционные гарантии защиты конкуренции и предпринимаемые законодательные и правоприменительные усилия по развитию данного института, его практическая эффективность остается крайне низкой. На основе анализа статистических данных за 2015—2024 гг. и экспертных позиций автор систематизирует ключевые факторы, сдерживающие применение частных антимонопольных исков, среди которых существенный экономический дисбаланс между участниками спора, процессуальные сложности доказывания убытков, а также низкий уровень доверия пострадавших лиц к судебным механизмам защиты.

В работе дана оценка принятых мер для упрощения взыскания антимонопольных убытков и предложена интегрированная модель, включающая предварительный расчет основных параметров для взыскания ущерба антимонопольным органом, который может быть положен в основу иска пострадавшего лица.

Ключевые слова: защита конкуренции, антимонопольное регулирование, взыскание антимонопольных убытков, частные антимонопольные иски, гражданско-правовой механизм защиты прав пострадавших лиц, альтернативные способы защиты

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.194-203

Alina O. ZAYTSEVA,

*Postgraduate student of the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

s2021664@msal.edu.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Challenges regarding recovery of damages for antitrust infringements

Abstract. *The article examines the challenges in implementing civil law mechanisms for recovering damages caused by antitrust infringements in Russia. Despite constitutional guarantees of competition protection and ongoing legislative and enforcement efforts to develop this institution, its practical effectiveness remains critically low.*

Through an analysis of statistical data (2015—2024) and expert opinions, the author identifies key factors hindering private antitrust enforcement, including significant economic asymmetry between disputing parties and procedural difficulties in proving the amount of damages and low confidence among affected parties in judicial protection mechanisms.

The study provides a comprehensive analysis of existing measures to improve antitrust damages recovery and proposes an integrated model in which the antitrust authority pre-calculates key parameters for damage recovery, followed by judicial enforcement by the injured party.

Keywords: *competition protection, antitrust regulation, antitrust damages recovery, private antitrust enforcement, civil law remedies for injured parties, alternative protection mechanisms*

В России на конституционном уровне гарантируются единство экономического пространства, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ст. 8), запрещаются монополизация и недобросовестная конкуренция (ч. 2 ст. 34) и определяется необходимость создания условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан (ст. 75.1)¹. При этом поддержка конкуренции является не самоцелью, а инструментом решения ключевых социально-экономических задач, включая повышение уровня жизни населения, стимулирование инновационного и технологического развития, рациональное использование ресурсов и обеспечение устойчивого экономического роста.

Для реализации соответствующих целей действующее антимонопольное законодательство предусматривает систему взаимодополняющих правовых механизмов, направленных на охрану конкурентной среды и защиту прав и законных интересов участников гражданского оборота. В рамках данной системы

¹ Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993 с изменениями, одобренными 01.07.2020) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 26.05.2025).

антимонопольное регулирование использует как механизмы превентивного характера для предупреждения нарушений (государственный контроль за экономической концентрацией, стимулирование внедрения антимонопольного комплаенса), инструменты пресечения антимонопольных нарушений (выдача антимонопольным органом обязательных для исполнения предупреждений и предписаний), так и меры гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой ответственности, призванные восстановить имущественное положение пострадавших лиц, укрепить правопорядок и доверие к государственным институтам, обеспечивающим защиту конкуренции, в также предупредить дальнейшие нарушения антимонопольного законодательства.

В российской правоприменительной практике административно-правовой механизм защиты конкуренции остается наиболее распространенным и эффективным способом реагирования на нарушения антимонопольного законодательства, в отличие от гражданско-правовых мер, направленных на восстановление имущественной сферы пострадавших лиц. Это подтверждается статистическими данными за период 2020—2024 гг., отражающими существенный дисбаланс между количеством принятых антимонопольным органом решений о таких нарушениях (6 599 решений за 5 лет: 1 823 — в 2020 г., 1 373 — в 2021 г., 1 239 — в 2022 г., 1 108 — в 2023 г. и 1 056 — в 2024 г.²) и числом частных исков о взыскании антимонопольных убытков (22 спора³ за тот же период: 7 — в 2020 г.⁴, 5 — в 2021 г.⁵, 3 — в 2022 г.⁶, 3 — в 2023 г.⁷ и 4 — в 2024 г.⁸).

Приведенная статистика свидетельствует, что участники оборота достаточно редко используют гражданско-правовой механизм защиты своих прав, позволяющий компенсировать имущественные потери от антимонопольных нарушений. Низкий уровень востребованности механизма взыскания антимонопольных убытков представляет собой актуальную проблему, привлекающую внимание как научных деятелей, так и практикующих специалистов.

² Данные о количестве принятых решений о нарушении антимонопольного законодательства сформированы на основании Доклада ФАС России о состоянии конкуренции Российской Федерации за 2024 год.

³ Статистика по частным искам о взыскании убытков за нарушения антимонопольного законодательства основана на данных из открытых источников и не включает дела, рассмотренные в закрытом режиме, а также дела, возбужденные ранее 2020 г.

⁴ См.: судебные дела № А40-236965/2020 ; № А58-616/2020 ; № А70-16784/2020 ; № А70- 20191/2020 ; № А60-40491/2020 ; № А79-6184/2020 ; № А10-4231/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: судебные дела № А05П-565/2021 ; № А40-142299/2021 ; № А40- 152921/2021 ; № А40- 152925/2021 ; № А40-60353/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: судебные дела № А47-11037/2022 ; № А40-218414/2022 ; № А79- 6997/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: судебные дела № А32-7179/2023 ; А45-15457/2023 ; А72-1540/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: судебные дела № А40-217885/2024 ; № А40-48326/2024 ; № А45-22746/2024 ; № А56- 73815/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

В частности, С. А. Пузыревский выявляет три ключевых фактора, ограничивающих применение данного способа защиты гражданских прав: 1) экономический дисбаланс сторон, формирующий у пострадавшего лица представление о бесперспективности судебного спора; 2) сложность доказывания размера антимонопольных убытков; 3) недостаточную результативность инструментов судебной защиты⁹.

А. В. Молчанов и Р. М. Лобанов связывают небольшое число антимонопольных исков с неравным положением участников спора, сложностью обоснования размера антимонопольных убытков, а также с отсутствием стандартизированных методик оценки ущерба и принципиальной невозможностью разработки универсального механизма расчета убытков¹⁰.

А. Д. Сулименко объясняет несформированность системы взыскания антимонопольных убытков чрезмерно высоким стандартом их доказывания, сопоставимым с применимым к уголовным делам, что делает их взыскание практически невозможным¹¹.

И. В. Башлаков-Николаев объясняет низкую эффективность гражданско-правового механизма защиты введением ч. 1.2 ст. 28.1 КоАП РФ¹², допускающей возбуждение административного производства только на основании антимонопольного, а не судебного решения, устанавливающего факт антимонопольного нарушения. Для усиления роли гражданско-правового механизма защиты конкуренции, по мнению автора, необходимо сместить фокус судов с проверки решений регулятора на самостоятельное установление нарушений и убытков¹³.

Как представляется, позиция автора не подкреплена достаточными эмпирическими данными и дискуссионна. Включение в КоАП РФ дополнительного основания для возбуждения дела об административном правонарушении в виде решения суда, устанавливающего факт нарушения антимонопольного законодательства, вряд ли способно стимулировать пострадавших лиц к обращению в суд с самостоятельными (stand-alone) исками, возлагающими бремя доказывания антимонопольного нарушения на истца. Предлагаемое автором снижение роли антимонопольных органов в пользу судебной системы не учитывает риск ее перегрузки и игнорирует ключевую проблему — отсутствие у судов специализированной экспертизы в области конкурентного права, что может отразиться на качестве судопроизводства. Кроме того, экономическое неравенство сторон

⁹ Пузыревский С. А. Коллективные иски как способ защиты // Конкуренция и право. 2013. № 5.

¹⁰ Молчанов А. В., Лобанов Р. М. Возмещение убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 4. С. 45.

¹¹ Сулименко А. Д. Взыскание убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // Юрист. 2019. № 7. С. 61, 69.

¹² Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

¹³ Башлаков-Николаев И. В. О соотношении гражданско-правового и административного способов обеспечения конкуренции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 73, 77.

спора может привести к процессуальному неравенству с приоритетом для доминирующего субъекта.

В рамках дискуссии на Антимонопольном форуме 2021 г. (сессия 4.2 «Несчастлива ли судьба частных антимонопольных исков?») антимонопольными экспертами также оценивались причины слабого развития института взыскания антимонопольных убытков и предлагались пути решения рассматриваемой проблемы¹⁴. В числе таких причин выделены:

- 1) консервативная судебная практика, создающая системные сложности, требующая значительных ресурсов для обоснования размера убытков и подрывающая доверие бизнеса к эффективности этого инструмента;
- 2) нежелание потенциальных истцов рисковать деловыми отношениями с ответчиками, обладающими сильной рыночной властью;
- 3) информационная асимметрия в пользу ответчиков, выражающаяся в том, что истец зачастую лишен доступа к критически важным, как правило, конфиденциальным данным оппонента. Примечательно, что проблема информационной асимметрии актуальна и для правопорядка ЕС, при этом авторы обращают внимание также на наличие ресурсной асимметрии: ответчики зачастую обладают более внушительными юридическими ресурсами для сдерживания будущих дорогостоящих судебных процессов¹⁵.

Развитию института частных антимонопольных исков в России, по мнению экспертов, могут способствовать: 1) усиление разъяснительной роли ФАС России по примеру Еврокомиссии, чья методическая работа и предложенные модели расчета убытков привели к росту числа частных антимонопольных исков в ЕС; 2) указание в решении антимонопольного органа причинно-следственной связи между нарушением и убытками, а также их размера (пусть и приблизительного) в качестве возможного ориентира для истцов; 3) проведение антимонопольным органом детального анализа рынка как до, так и после нарушения, что позволило бы объективно оценить масштаб негативных последствий и причиненных убытков.

В ходе обсуждения эксперты также привели статистику частных антимонопольных исков с 2015 г. по февраль 2021 г.: из 23 рассмотренных судебных дел 43 % завершились отказом, 35 % — полным удовлетворением требований, 22 % — частичным¹⁶.

Таким образом, низкая востребованность частных антимонопольных исков обусловлена:

- 1) диспропорцией в экономическом положении участников спора, порождающей у пострадавшего лица опасения утраты критичных бизнес-связей с ответчиком;

¹⁴ Антимонопольный форум 2021 года (сессия 4.2 «Несчастлива ли судьба частных антимонопольных исков?») // URL: <https://youtu.be/7dcL4o7mN6w?si=c2qxS3kJLyI5OOoNm> (дата обращения: 26.05.2025).

¹⁵ *Juan Delgado*. Antitrust damages actions in the EU: the way forward // *Global Competition Litigation Review*. 2021. 14 (2). P. 77, 86.

¹⁶ Данные приведены по состоянию на 16.02.2021 по результатам проведенного компанией Bryan Cave Leighton Paisner (BCLP) анализа. Не учитывались дела, переданные на новое рассмотрение и не рассмотренные в кассации.

- 2) объективными сложностями в доказывании размера причиненных убытков ввиду консервативных подходов судов, информационной асимметрии, отсутствия унифицированного подхода к исчислению размера антимонопольных убытков, отсутствия у пострадавшей стороны ресурсов для комплексного экономического анализа последствий антимонопольных нарушений;
- 3) скептическим отношением пострадавших лиц к перспективам обращения в суд, в том числе из-за статистически незначительной вероятности удовлетворения их требований.

Для преодоления сложившейся ситуации законодателем и ФАС России принят ряд шагов.

Первым системным шагом стала имплементация в рамках третьего антимонопольного пакета в Закон о защите конкуренции¹⁷ положений ч. 3 ст. 37, закрепляющей допустимость применения наряду с публично-правовыми гражданско-правовых механизмов защиты прав лиц, пострадавших от нарушения антимонопольного законодательства.

В развитие данных положений Президиумом ФАС России утверждены соответствующие разъяснения:

- в 2016 г. в рамках реализации плана мероприятий по развитию конкуренции и совершенствованию антимонопольной политики («дорожная карта»)¹⁸ утверждено разъяснение № 6 «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства»¹⁹, посвященное ключевым аспектам доказывания таких убытков, включая реальный ущерб и упущенную выгоду;
- в 2017 г. принято разъяснение № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства»²⁰ об основных методиках расчета убытков, выработанных на основе анализа отечественной правоприменительной практики и европейского опыта.

Разъяснение № 11 было положительно воспринято экспертным сообществом: А. В. Стариков выделяет в качестве его ключевого достоинства тезис об

¹⁷ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2013. № 2. Ст. 110.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2579-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики» и отмене распоряжений Правительства РФ от 19.05.2009 № 691-р и от 17.12.2010 № 2295-р» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Разъяснение Президиума ФАС России № 6 «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 25.05.2016 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Разъяснение Президиума ФАС России № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20).

отсутствии универсального метода оценки, применимого ко всем случаям,²¹ а О. Москвитин, Р. Суслов и И. Бочинин отмечают среди наиболее ценных аспектов содержащиеся в нем методические рекомендации по расчету убытков, подчеркивая, что именно отсутствие подобных официально закрепленных систематизированных подходов долгое время препятствовало взысканию антимонопольных убытков²².

Анализ судебной практики за период 2020—2024 гг., однако, показывает, что из 22 рассмотренных дел о взыскании антимонопольных убытков суды первой инстанции лишь в 6 случаях²³ учли разъяснение ФАС России № 11 по существу, в двух делах²⁴ ограничились формальной ссылкой на данный документ, а в остальных 14 случаях вовсе его не упомянули, что свидетельствует о фрагментарном применении данных разъяснений и их ограниченном влиянии на правоприменение.

Существенным этапом развития механизма частных антимонопольных исков стало принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства», в пп. 61—65 которого систематизированы ключевые аспекты взыскания антимонопольных убытков, включая субъектный состав лиц, имеющих право на их возмещение (конкуренты, контрагенты, конечные потребители, не являющиеся прямыми покупателями товара), методы доказывания и расчета убытков, особенности исчисления срока исковой давности, а также особенности групповых исков, призванных повысить эффективность судебной защиты для широкого круга лиц, пострадавших от антимонопольных нарушений.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды чаще используют положения вышеупомянутого Пленума Верховного Суда РФ № 2, нежели разъяснение № 11. Из 22 судебных дел, иски по которым приняты к производству в период с 2020 по 2024 г., в 18 суды ссылались на Пленум²⁵.

Дополнительно необходимо упомянуть, что в качестве альтернативы антимонопольным убыткам, учитывая сложность их доказывания, ФАС России предлагала ввести институт антимонопольной компенсации, призванный упростить процесс восстановления прав пострадавших лиц. Согласно проекту изменений в

²¹ *Стариков А. В.* Гражданско-правовые способы защиты от нарушений антимонопольного законодательства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. С. 133.

²² *Москвитин О., Суслов Р., Бочинин И.* Взыскание убытков от антимонопольных нарушений: обзор практики и разъяснения Президиума ФАС России // Экономика и жизнь. 23.05.2018. № 20 (9736).

²³ См.: судебные дела № А79-6184/2020 ; № 40-236965/2020 ; № А40-60353/2021 ; № А40-152925/2021 ; № А40-218414/2022 ; № А56-73815/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: судебные дела № А79-6997/2022 и № А40-217885/24 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: судебные дела № А40-236965/2020 ; № А60-40491/2020 ; № А79-6184/2020 ; № А10- 4231/2020 ; № А05П-565/2021 ; № А40-142299/2021 ; № А40- 152921/2021 ; № А40- 152925/2021 ; № А40-60353/2021 ; № А47-11037/2022 ; № А40-218414/2022 ; № А79- 6997/2022 ; № А45-15457/2023 ; № А72-1540/2023 ; № А40- 217885/2024 ; № А40-48326/2024 ; № А45-22746/2024 ; № А56-73815/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

ч. 4 ст. 37 Закона о защите конкуренции компенсация определялась по усмотрению суда в границах от 1 до 15 % от цены товара, реализованного с нарушением антимонопольного законодательства²⁶.

Рассматриваемая законодательная инициатива о внедрении института антимонопольной компенсации стала предметом оживленной научной дискуссии и встретила существенное сопротивление со стороны предпринимательского сообщества.

По мнению В. А. Белова, антимонопольная компенсация, не связанная с установлением факта и размера ущерба, представляет собой не частноправовой инструмент, а дополнительную штрафную меру публично-правового характера, которая вместе с административными штрафами и возможностью взыскания в бюджет дохода за нарушение антимонопольного законодательства образует систему тройной ответственности за одно правонарушение, что противоречит основополагающим принципам юридической ответственности²⁷.

Позиция В. А. Белова представляется дискуссионной по следующим основаниям:

- во-первых, действующее законодательство исключает возможность кумулятивного применения мер по взысканию в бюджет дохода и наложению административного штрафа за одно и то же нарушение антимонопольного законодательства (ч. 3 ст. 51 Закона о защите конкуренции, прим. 5 к ст. 14.31 КоАП РФ), что опровергает тезис о возникновении тройной ответственности;
- во-вторых, предлагаемая мера направлена на восстановление имущественной сферы пострадавшего лица, а не на охрану установленного порядка осуществления предпринимательской деятельности, что не позволяет относить ее к публично-правовым инструментам воздействия на нарушителя;
- в-третьих, современная доктрина гражданского права допускает в ряде случаев двойственную природу гражданско-правовой ответственности, сочетающую как компенсационную, так и превентивную (штрафную) функции, что позволяет рассматривать возможность применения к нарушителям мер, направленных не только на восстановление прав пострадавших лиц, но и на предупреждение антиконкурентных практик²⁸.

М. А. Егорова аналогичным образом относит антимонопольную компенсацию исключительно к частноправовым механизмам и видит предназначение данного инструмента в возмещении вреда, а не в наказании нарушителя антимонопольного законодательства²⁹.

²⁶ Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 37 Федерального закона “О защите конкуренции”» по состоянию на 10.02.2015 (ID проекта 00/04-23098/02-15/23-13-4).

²⁷ Белов В. А. Антимонопольная компенсация (юридические аспекты новой инициативы ФАС России) // Законодательство. 2014. № 12. С. 35.

²⁸ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 521—522.

²⁹ Егорова М. А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства : монография. М., 2020.

Необходимо отметить, что итогом научной полемики и противодействия со стороны бизнес-сообщества стали отказ от законодательного закрепления антимонопольной компенсации, отсутствие дальнейших инициатив регулятора по внедрению альтернативных инструментов и сохраняющаяся неэффективность гражданско-правовых способов возмещения вреда от антиконкурентных практик, что подтверждает необходимость поиска новых решений.

С учетом изложенного автор считает целесообразным предложить альтернативную механизму взыскания убытков меру, позволяющую избежать системные сложности доказывания убытков, применимую к конкретным видам антимонопольных нарушений, связанным с установлением (поддержанием) необоснованно высоких цен, нарушением порядка ценообразования, а также иными аналогичными антиконкурентными практиками.

В рамках данной модели предлагается возложить на антимонопольный орган обязанность фиксировать в решении по упомянутым категориям дел не только факт установления (поддержания) необоснованно высоких цен, но и определять:

- обоснованный уровень цены;
- объем реализованного товара в период действия нарушения.

Далее на основании разницы между фактической и обоснованной ценой, а также данных об объеме реализации товара рассчитывать:

- размер необоснованно полученного дохода нарушителя;
- уровень завышения стоимости единицы товара.

Указанные параметры позволят создать правовую определенность для обеих сторон: потерпевший получает четкие ориентиры для взыскания ущерба, а нарушитель — возможность рассчитать и добровольно возместить вред пострадавшим лицам, что согласно прим. 4 к ст. 14.31 КоАП РФ позволяет снизить размер административного штрафа до минимального размера.

При обращении в суд потерпевшему остается доказать факт приобретения товара и подтвердить статус конечного потребителя или промежуточного звена, не переложившего издержки на конечного покупателя или переложившего их частично. При этом сумма компенсации рассчитывается путем умножения подтвержденных истцом единиц приобретенного товара (работ, услуг) на дельту завышения стоимости единицы товара, установленную антимонопольным органом. В случае частичного перекладывания издержек на последующих приобретателей сэкономленная сумма вычитается из суммы компенсации.

Необходимо отметить, что предлагаемый механизм эквивалентен возмещению реального ущерба и исключает его взыскание при реализации рассматриваемой модели, но не ограничивает право потерпевшего доказывать дополнительно упущенную выгоду. Соответствующая компенсация может быть реализована в рамках как индивидуального, так и группового иска, что особенно актуально для дел, затрагивающих интересы неопределенного круга лиц (например, при монопольно высоких ценах на лекарственные препараты).

Разработанный подход интегрирует публично-правовые (расчет параметров нарушений) и частноправовые (судебное взыскание) механизмы, устраняя имеющиеся в настоящий момент сложности в доказывании размера ущерба, способствуя восстановлению имущественного положения пострадавших лиц и превенции антимонопольных нарушений. Необходимость внедрения такого механизма

подтверждается приведенным выше крайне низким процентом обращений в суд с исками о взыскании антимонопольных убытков.

Предложенная автором альтернативная модель ориентирована на упрощение процедуры взыскания ущерба и повышение ее прозрачности, призвана обеспечить эффективную защиту прав пострадавших лиц и решить системные проблемы, возникающие при взыскании антимонопольных убытков. Внедрение данной модели может способствовать сокращению антиконкурентных практик, укреплению конституционных гарантий в сфере поддержки конкурентной среды, а также повышению уровня доверия со стороны предпринимательского сообщества и граждан к правовым инструментам защиты конкуренции, формируя тем самым устойчивые основы для эффективной и стабильной экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Башлаков-Николаев И. В.* О соотношении гражданско-правового и административного способов обеспечения конкуренции // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2024. — № 3. — С. 67—78.
2. *Белов В. А.* Антимонопольная компенсация (юридические аспекты новой инициативы ФАС России) // *Законодательство.* — 2014. — № 12. — С. 32—43.
3. *Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2019. — Т. 1. — 546 с.
4. *Егорова М. А.* Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства : монография. — М. : Юстицинформ, 2020. — 408 с.
5. *Молчанов А. В., Лобанов Р. М.* Возмещение убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // *Журнал предпринимательского и корпоративного права.* — 2018. — № 4. — С. 42—47.
6. *Москвитин О., Суслов Р., Бочинин И.* Взыскание убытков от антимонопольных нарушений: обзор практики и разъяснения Президиума ФАС России // *Экономика и жизнь.* — 2018. — № 20.
7. *Пузыревский С. А.* Коллективные иски как способ защиты // *Конкуренция и право.* — 2013. — № 5.
8. *Стариков А. В.* Гражданско-правовые способы защиты от нарушений антимонопольного законодательства // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* — 2020. — № 5. — С. 72—135.
9. *Сулименко А. Д.* Взыскание убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // *Юрист.* — 2019. — № 7. — С. 61—69.
10. *Juan Delgado.* Antitrust damages actions in the EU: the way forward // *Global Competition Litigation Review.* — 2021. — 14 (2). — P. 77—87.

Александр Николаевич

СИЛАКОВ,

аспирант кафедры
конкурентного права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

alexander.silakov

@denuo.legal

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов в условиях цифровой трансформации: от ассоциаций и союзов до цифровых платформ

Аннотация. Исследование посвящено анализу применения запрета на антиконкурентную координацию экономической деятельности в свете появления принципиально нового типа координаторов — цифровых платформ. Показано, что цифровые платформы, даже в отсутствие рыночной власти в контексте доминирования, могут иметь значительную власть над участниками таких платформ благодаря сетевым эффектам, цифровым алгоритмам и контролю над данными. Сделан вывод, что в таких случаях запрет на антиконкурентную координацию экономической деятельности может стать эффективным механизмом пресечения антиконкурентных практик в цифровой среде. Особое внимание уделено проблеме разграничения вертикальных соглашений и запрещенной координации, а также роли цифровых алгоритмов в усилении антиконкурентных эффектов. В обоснование выводов проведен сравнительно-правовой анализ российского и европейского регулирования, результаты которого демонстрируют необходимость адаптации антимонопольных норм к цифровой среде. **Ключевые слова:** координация экономической деятельности, экономическая зависимость, конкурентное право, цифровые платформы, цифровые алгоритмы

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.204-213

Aleksandr N. SILAKOV,

Postgraduate student of the Department of Competition Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

alexander.silakov@denuo.legal

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Family and modern bankruptcy law

**Coordination of Economic Activities in the Context
of Digital Transformation: from Associations
and Unions to Digital Platforms**

Abstract. The study examines the application of prohibition on anti-competitive coordination of economic activity in light of the emergence of a fundamentally new type of coordinator — digital platforms. It demonstrates that digital platforms, even without market dominance, can exert significant control over their participants through network effects, digital algorithms, and data control.

The conclusion is drawn that in such cases, prohibition on anti-competitive coordination can serve as an effective tool for curbing anti-competitive practices in the digital environment. Special attention is given to distinguishing between “vertical” agreements and prohibited coordination, as well as the role of digital algorithms in amplifying anti-competitive effects. A comparative legal analysis of Russian and European regulation supports these conclusions, highlighting the need to adapt antitrust norms to the digital landscape.

Keywords: coordination of economic activities, economic dependence, competition law, digital platforms, digital algorithms

Запрет на антиконкурентную координацию экономической деятельности в отечественном антимонопольном законодательстве появился только в 1995 г. путем принятия поправок в Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее — Закон 1991 г.). Изначально законодатель ограничил сферу действия данного запрета, распространив его исключительно на объединения коммерческих организаций (ассоциации и союзы), хозяйственные общества и товарищества. Однако в 2002 г. упоминание субъектов-координаторов и вовсе было исключено из Закона 1991 г.

Несмотря на широкий круг субъектов, потенциально имеющих возможность координировать экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, объектом особого контроля антимонопольного органа в тот период являлась деятельность ассоциаций и союзов, поскольку такие объединения создаются непосредственно для целей координации предпринимательской деятельности их членов. По этой же причине действия по созданию союзов и ассоциаций были включены в предмет государственного контроля за экономической концентрацией.

Следует согласиться с тем, что базовый смысл категории координации экономической деятельности, заложенный в Законе 1991 г. соответствующими поправками, корреспондировал ведущим зарубежным правовым порядкам, в частности, положениям ст. 101 Договора о функционировании Европейского союза, которая, среди прочего, запрещает объединениям хозяйствующих субъектов принимать решения, приводящие к противоразным последствиям¹.

Дальнейшая история развития практики применения запрета на антиконкурентную координацию демонстрирует фундаментальные изменения в экономических отношениях, вызванные цифровой трансформацией общества.

¹ Гаверилов Д. А. Становление и развитие правового запрета антиконкурентной координации экономической деятельности в отечественном конкурентном праве // Российское конкурентное право и экономика. 2023. № 3 (35). С. 12.

Цифровая платформа как новая разновидность субъекта-координатора

В отличие от начального этапа развития отечественного антимонопольного законодательства, когда личность координатора ассоциировалась преимущественно с отраслевыми предпринимательскими объединениями, сегодня круг потенциальных координаторов существенно расширился, и прежде всего за счет появления цифровых платформ.

В юридической науке наличие у цифровых платформ координационных возможностей не подвергается сомнению. Так, Л. К. Терещенко в качестве одной из значимых характеристик цифровой платформы называет ее способность обеспечивать взаимодействие большого числа участников в единой интернет-среде, координируя действия различных участников².

Д. В. Кожемякин и С. М. Миронова также обращают внимание на возможность оператора цифровой платформы контролировать и координировать деятельность большого количества формально независимых продавцов, подрядчиков и исполнителей³.

Вместе с тем в российской правоприменительной практике подавляющее большинство дел о нарушении антимонопольного законодательства цифровыми платформами связано со злоупотреблением последними доминирующим положением, тогда как применение запрета на координацию экономической деятельности к цифровым платформам на данном этапе не нашло широкого распространения.

Последняя зарубежная практика свидетельствует об активизации применения запрета на антиконкурентную координацию в рамках ЕАЭС, а также сходных с ним институтов в иных юрисдикциях. Так, Агентство по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан привлекло к административной ответственности агрегатора такси за координацию экономической деятельности таксопарков⁴.

Другим показательным примером является дело гостиничного агрегатора Booking, которое стало объектом разбирательства во многих европейских юрисдикциях. Booking требовал от гостиниц соблюдения паритета цен при размещении на платформе предложений таких гостиниц, в результате чего отели были лишены возможности предлагать более выгодные условия размещения как на собственном сайте (узкий паритет цен), так и на платформах других агрегаторов (широкий паритет цен)⁵.

² Терещенко Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. № 9. С. 163—175.

³ Кожемякин Д. В., Миронова С. М. Антимонопольные аспекты деятельности операторов цифровых платформ в гиг-экономике // Закон. 2024. № 3. С. 150—159.

⁴ Об итогах антимонопольного расследования в отношении «Яндекс. Такси» в Казахстане // URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/zk/press/news/details/671812> (дата обращения: 07.06.2025).

⁵ Мильчакова О. В. Нарушение конкуренции онлайн-платформами в сфере туризма (в части требований о паритете цен): опыт зарубежных стран // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 3 (19). С. 55.

Большинство европейских регуляторов квалифицировали указанные действия в качестве недопустимых вертикальных соглашений. Причем ответчиком была признана только платформа, но не гостиницы, что весьма сходно с подходом российского антимонопольного органа, применяемым при рассмотрении дел о вертикальной координации⁶.

В этой связи отечественными исследователями небезосновательно высказывается мнение о том, что «по своему внутреннему содержанию и правовой природе квалификации рассматриваемых действий, примененной конкурентными ведомствами зарубежных стран, могут соответствовать положения ч. 5 ст. 11 Закона о защите конкуренции»⁷.

И хотя российский регулятор пошел по иному пути — через обвинение Booking в злоупотреблении доминирующим положением⁸, запрет на антиконкурентную координацию, на наш взгляд, может стать эффективным механизмом пресечения антиконкурентных практик в цифровой среде, особенно в тех случаях, когда цифровая платформа, формально не занимающая доминирующее положение, обладает определенной властью над участниками такой платформы.

Координация и экономическая зависимость

Текущая редакция п. 14 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» под координацией понимает согласование действий хозяйствующих субъектов третьим лицом, которое не входит в одну группу лиц с такими хозяйствующими субъектами и не осуществляет деятельность на том же товарном рынке, на котором происходит координация. Причем запрещенной признается не любая координация, а только та, которая приводит к последствиям, указанным в ч. 1—3 ст. 11 Закона о защите конкуренции.

Несмотря на то, что суть процесса согласования в Законе не раскрывается, правоприменительная практика и юридическая доктрина выработали свои критерии, согласно которым согласование предполагает совершение координатором активных действий, направленных на формирование у координируемых лиц определенной согласованной модели поведения путем понуждения к совершению или отказу от совершения определенных действий, и обеспечиваемых применением различных санкций или мер стимулирования (выплатой бонусов, премий). Основой согласования может выступать экономическая зависимость координируемых субъектов от координатора.

Особенно ярко такая зависимость находит проявление в отношениях между продавцами и транзакционными цифровыми платформами, что достигается прежде всего за счет сетевых эффектов, т.е. повышения ценности платформы вследствие увеличения количества продавцов и покупателей, совершающих сделки через платформу.

⁶ Гаверилов Д. А. Указ. соч. С. 14.

⁷ Мильчакова О. В. Указ. соч. С. 59.

⁸ Решение ФАС России от 29.12.2020 по делу № 11/01/10-41/2019 // URL: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2025).

Очевидно, что продавцы, полностью интегрировавшие свои бизнес-процессы (учет, логистику, маркетинг) с конкретной цифровой платформой, могут столкнуться со значительными барьерами при попытке диверсификации каналов сбыта ввиду высоких издержек перехода на альтернативные площадки. Такой переход может быть сопряжен, помимо прочего, с утратой конкурентных преимуществ, накопленных продавцом на прежней платформе. Кроме того, платформы через свои алгоритмы ранжирования могут существенно влиять на видимость продажи товаров, фактически создавая ситуацию, при которой соблюдение «рекомендаций» платформы становится обязательным условием выживания бизнеса.

В этом контексте заслуживающим внимание представляется итальянский опыт. В Италии, как и во многих других европейских юрисдикциях (например, Германии, Франции, Бельгии), наряду с запретом на злоупотребление доминирующим положением, в качестве самостоятельного запрета выделяется запрет на злоупотребление экономической зависимостью⁹.

Хотя данный запрет не является абсолютным аналогом отечественного запрета на антиконкурентную координацию, следует признать, что в основе обоих институтов лежит сходная категория экономической зависимости.

Согласно ст. 9 итальянского Закона от 18.06.1998 № 192¹⁰ экономическая зависимость определяется как чрезмерный дисбаланс в правах и обязанностях в коммерческих отношениях и оценивается с учетом реальной возможности контрагента найти разумную альтернативу на рынке. Именно отсутствие разумной альтернативы создает ситуацию дисбаланса в отношениях между сторонами, одна из которых, даже не обладая рыночной властью, свойственной доминирующим игрокам, имеет определенную власть над контрагентом.

Соответственно, в ситуации экономической зависимости наблюдается власть над конкретным контрагентом, а не власть на рынке в целом, что позволяет разграничить злоупотребление экономической зависимостью и злоупотребление доминирующим положением.

Обращение к итальянскому опыту в данном случае обусловлено тем, что, в отличие от иных европейских юрисдикций, Италия первой законодательно закрепила опровержимую презумпцию нахождения участников цифровой платформы в состоянии экономической зависимости от такой платформы.

Так, согласно ст. 33 итальянского Закона от 05.08.2022 № 118¹¹, которой были внесены изменения в упомянутую ст. 9 итальянского Закона от 18.06.1998 № 192, пока не доказано иное, экономическая зависимость предполагается, если хозяйствующие субъекты пользуются посредническими услугами, оказываемыми цифровой платформой, которая играет решающую роль для доступа к конечным

⁹ Борзило Е. Ю. Концепция экономической зависимости в регулировании предпринимательской деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 205—229.

¹⁰ LEGGE 18 giugno 1998, n. 192. Disciplina della subfornitura nelle attività produttive // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/n2ls?urn:nir:stato:legge:1998;192> (дата обращения: 07.06.2025).

¹¹ LEGGE 5 agosto 2022, n. 118. Legge annuale per il mercato e la concorrenza 2021 // URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2022;118> (дата обращения: 07.06.2025).

потребителям или поставщикам, в том числе с учетом сетевых эффектов и доступности данных.

Цель данной поправки состояла не столько в распространении на новые случаи действия запрета на злоупотребление экономической зависимостью, который сам по себе имеет широкую сферу применения, сколько в содействии его применению в конкретных сферах, где существует особая необходимость в борьбе со злоупотреблениями недоминирующих игроков, обладающих «относительной рыночной властью»¹².

Представляется, что подход итальянского регулятора может быть в дальнейшем учтен в российской законотворческой и правоприменительной деятельности при оценке недобросовестных практик цифровых платформ.

Координация и вертикальные соглашения

Основной вопрос, который возникает при попытке квалификации действий цифровой платформы в качестве запрещенной координации экономической деятельности, — это природа отношений между платформой и участниками, которым платформа оказывает посреднические услуги.

Как следует из п. 14 ст. 4 Закона о защите конкуренции, не являются координацией экономической деятельности действия хозяйствующих субъектов, осуществляемые в рамках вертикальных соглашений. В этой связи в условиях цифровой экономики вопрос разграничения вертикальных соглашений и координации экономической деятельности приобретает все большую актуальность.

В юридической литературе приводятся полярные мнения: ряд исследователей отрицают возможность квалификации таких отношений в качестве вертикальных соглашений, аргументируя это специфической природой опосредующих их договорных конструкций¹³, тогда как другие представители юридической науки допускают такую квалификацию¹⁴. Данная полемика представляет собой закономерное развитие более общей научной дискуссии о включении агентских договоров в сферу регулирования вертикальных соглашений.

¹² *Bachelet V.* Il rafforzamento del contrasto agli abusi di posizione “non dominante” delle piattaforme digitali, in *Nuove leggi civ. comm.*, n. 1, 2023. P. 42 // URL: [https://www.academia.edu/99635998/Il_rafforzamento_del_contrasto_agli_abusi_di_posizione_non_dominante_delle_piattaforme_digitali_Art_33_l_5_agosto_2022_n_118_che_modifica_l_art_9_l_18_giugno_1998_n_192_\(дата_обращения:_07.06.2025\).](https://www.academia.edu/99635998/Il_rafforzamento_del_contrasto_agli_abusi_di_posizione_non_dominante_delle_piattaforme_digitali_Art_33_l_5_agosto_2022_n_118_che_modifica_l_art_9_l_18_giugno_1998_n_192_(дата_обращения:_07.06.2025).)

¹³ *Федоров П. Г.* Ретейл против маркетплейса // *Российское конкурентное право и экономика.* 2020. № 4 (24). С. 45.

¹⁴ См., например: *Жевняк О. В.* Антиккурентная практика цифровых платформ и меры реагирования по российскому и зарубежному законодательству // *Право и политика.* 2021. № 5. С. 27 ; *Маслов А. О.* Использование владельцами цифровых платформ оговорки о паритете цен: правовой аспект // *Российское конкурентное право и экономика.* 2022. № 2 (30). С. 76.

В обновленных методических рекомендациях Еврокомиссии 2022 г., посвященных вертикальным ограничениям¹⁵, данный вопрос нашел разрешение, исходя из ранее воспринятой европейским регулированием концепции финансовых и коммерческих рисков¹⁶. Так, в п. 3.2.3 рекомендаций Еврокомиссия отметила, что соглашения об оказании посреднических услуг, заключаемые между платформами и продавцами, по сути, являются вертикальными соглашениями, поскольку платформы обычно действуют в качестве независимых операторов, обслуживающих огромное количество продавцов. Сильные сетевые эффекты вкупе с особенностями бизнес-модели цифровых платформ способствуют значительному дисбалансу в переговорной силе сторон, в результате чего условия реализации товаров и коммерческая стратегия, как правило, определяются самой платформой, а не поставщиками товаров. Кроме того, значительные инвестиции платформ в технологии, маркетинг и сервисное обслуживание свидетельствуют о том, что они несут существенные финансовые и коммерческие риски, связанные с посредническими операциями.

Тот факт, что соглашения между цифровыми платформами и поставщиками товаров могут являться вертикальными соглашениями, вовсе не означает невозможность применения в данном случае запрета на антиконкурентную координацию. Принципиально важно подчеркнуть, что квалификация таких соглашений в качестве вертикальных распространяется исключительно на отношения по оказанию платформой посреднических услуг. В аспекте же регулирования условий реализации товаров через платформу данные соглашения не обладают признаками вертикальных, поскольку цифровые платформы в классическом понимании не выступают ни покупателями, ни продавцами соответствующих товаров, а следовательно, такие соглашения не опосредуют передачу товара.

Сходный подход был продемонстрирован антимонопольным органом в деле ООО «Форд Соллерс Холдинг»¹⁷. В частности, положения дилерского договора, касающиеся услуг по техническому обслуживанию, не были квалифицированы в качестве вертикального соглашения, поскольку данные услуги не являлись предметом перепродажи в рамках дилерского договора.

Более того, указанный подход согласуется с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ, согласно которой направление лицом указаний продавцам относительно их поведения в отношении потребителей, в том числе если такие указания были реализованы в связи с наличием гражданско-правового договора и в силу экономической зависимости продавцов от давшего указания лица, может быть рассмотрено в качестве недопустимой координации экономической деятельности¹⁸.

¹⁵ Guidelines on vertical restraints 2022/C 248/01 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/?uri=celex%3a52022xc0630%2801%29> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁶ Гаврилов Д. А. Агентский договор как «вертикальное» соглашение // Корпоративный юрист. 2015. № 7. С. 64.

¹⁷ Решение ФАС России от 29.02.2016 по делу № 1-11-38/00-05-15 // URL: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2025).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства». Абз. 3 п. 26.

Цифровые алгоритмы как инструмент координации

Активное внедрение цифровых технологий в предпринимательскую деятельность привело к распространению алгоритмических инструментов, оказывающих существенное влияние на координацию экономических процессов.

Так, в ряде дел против производителей смартфонов антимонопольным органом было установлено, что общества использовали ценовые алгоритмы в качестве одного из инструментов координации экономической деятельности реселлеров при реализации последними смартфонов LG и Samsung¹⁹. Такие алгоритмы позволяли осуществлять контроль за поддержанием реселлерами розничных цен на одном уровне.

Таким образом, российская правоприменительная практика по делам об антиконкурентной координации восприняла подход к алгоритмам как инструментам, способствующим нарушению антимонопольного законодательства. При таком подходе цифровые алгоритмы не могут выступать в качестве самостоятельного элемента состава антиконкурентной координации, поскольку им отведена лишь вспомогательная роль.

Аналогичный подход находит подтверждение и в зарубежной практике. Так, в решениях Еврокомиссии против Philips, Pioneer, Asus, Denon & Marantz²⁰, связанных с координацией производителями электроники деятельности реселлеров по установлению цены перепродажи товаров, отмечается, что использование ценовых алгоритмов усиливало эффект ценовой координации со стороны производителей и позволяло последним оперативно выявлять, а также пресекать любые попытки реселлеров снижать цены.

Примечательно, что российский антимонопольный орган в упомянутых знаковых делах против производителей смартфонов прямо отметил, что использование алгоритмов само по себе не является нарушением антимонопольного законодательства. Однако их использование может являться обстоятельством, способствовавшим совершению противоправных действий.

В дальнейшем антимонопольный орган предпринял попытку изложить такую логику в рамках пятого антимонопольного пакета, первый проект которого предусматривал возможность признания допустимой (в рамках ст. 13 Закона о защите конкуренции) только координации экономической деятельности, «реализуемой с использованием ценовых алгоритмов»²¹.

Однако из принятой редакции пятого антимонопольного пакета упоминание ценовых алгоритмов было исключено, а возможность применения общих правил допустимости была распространена на координацию в целом, независимо от применения ценовых алгоритмов, что представляется вполне оправданным.

¹⁹ См.: решение ФАС России от 02.03.2018 по делу № 1-11-18/00-22-17 ; решение ФАС России от 07.05.2019 по делу № 1-11-11/00-22-19 // URL: <https://br.fas.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2025).

²⁰ Case AT.40181 (Philips), Case AT.40182 (Pioneer), Case AT.40465 (ASUS), Case AT.40469 (Denon & Marantz) // URL: <https://competition-cases.ec.europa.eu/> (дата обращения: 07.06.2025).

²¹ См.: ID законопроекта: 02/04/03-18/00079428 // URL: <https://regulation.gov.ru/regulation/npa/publicview?npaid=79428> (дата обращения: 07.06.2025).

Так, цифровые алгоритмы, являясь прежде всего инструментами реализации координационной политики, не меняют экономико-правовой сущности самой координации, позитивные эффекты которой могут достигаться и с помощью традиционных методов без применения алгоритмических инструментов.

Заключение

В условиях цифровой трансформации экономики и продолжающейся платформизации отдельных рынков запрет на антиконкурентную координацию экономической деятельности приобретает особую актуальность. Это обусловлено появлением принципиально нового типа координаторов — цифровых платформ, которые, даже в отсутствие рыночной власти в контексте доминирования, получают возможность существенно влиять на конкурентную среду и диктовать условия взаимодействия участникам платформы, формируя новые модели экономической зависимости, обеспечиваемой сетевыми эффектами, эксклюзивным доступом к данным и использованием сложных алгоритмических инструментов.

В такой ситуации традиционные меры антимонопольного реагирования, ориентированные преимущественно на борьбу со злоупотреблением доминирующим положением, оказываются недостаточно эффективными, что делает запрет на координацию экономической деятельности важным дополнением к существующему правовому арсеналу антимонопольного органа в условиях меняющейся цифровой реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Борзило Е. Ю. Концепция экономической зависимости в регулировании предпринимательской деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 4. — С. 205—229.
2. Гаврилов Д. А. Агентский договор как вертикальное соглашение // Корпоративный юрист. — 2015. — № 7. — С. 62—64.
3. Гаврилов Д. А. Становление и развитие правового запрета антиконкурентной координации экономической деятельности в отечественном конкурентном праве // Российское конкурентное право и экономика. — 2023. — № 3 (35). — С. 10—16.
4. Жевняк О. В. Антиконкурентная практика цифровых платформ и меры реагирования по российскому и зарубежному законодательству // Право и политика. — 2021. — № 5. — С. 14—41.
5. Кожемякин Д. В., Миронова С. М. Антимонопольные аспекты деятельности операторов цифровых платформ в гиг-экономике // Закон. — 2024. — № 3. — С. 150—159.
6. Маслов А. О. Использование владельцами цифровых платформ оговорки о паритете цен: правовой аспект // Российское конкурентное право и экономика. — 2022. — № 2 (30). — С. 74—83.

7. Мильчакова О. В. Нарушение конкуренции онлайн-платформами в сфере туризма (в части требований о паритете цен): опыт зарубежных стран // Российское конкурентное право и экономика. — 2019. — № 3 (19). — С. 54—59.
8. Терещенко Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. — 2024. — № 9. — С. 163—175.
9. Федоров П. Г. Ретейл против маркетплейса // Российское конкурентное право и экономика. — 2020. — № 4 (24). — С. 44—49.
10. Bachelet V. Il rafforzamento del contrasto agli abusi di posizione “non dominante” delle piattaforme digitali, in Nuove leggi civ. comm., n. 1. — 2023. — P. 39—85.

Илья Павлович**БОЧИНИН,**старший юрист
юридической фирмы

Vegas Lex

ilya.bochinin@gmail.com125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

К вопросу о необходимости антимонопольных иммунитетов от признания хозяйствующего субъекта занимающим доминирующее положение

Аннотация. Статья посвящена исследованию антимонопольных иммунитетов, при которых хозяйствующий субъект не признается занимающим доминирующее положение на товарном рынке. Автор на основании анализа нормативного регулирования, а также доктринальных источников доказывает, что рыночная власть участника рынка напрямую не связана с размером выручки хозяйствующего субъекта. Аргументируется, что при предоставлении единственному участнику локального товарного рынка иммунитета при его соответствии ряду формальных критериев, предусмотренных антимонопольным законодательством, факт обладания таким хозяйствующим субъектом рыночной властью (рыночной силой) фактически не учитывается. В статье отмечается наличие научной дискуссии относительно существования в антимонопольном законодательстве и иных иммунитетах — от вменения злоупотребления доминирующим положением на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Приводится позиция Конституционного Суда РФ относительно применения указанных иммунитетов, которая, по мнению автора, может быть по аналогии применима и к иммунитетам от признания хозяйствующего субъекта занимающим доминирующее положение. Автор приходит к выводу, что применение обсуждаемых в статье иммунитетов в действительности может не соответствовать целям антимонопольного регулирования.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, антимонопольные иммунитеты, доминирующее положение, злоупотребление доминирующим положением, конкуренция, рыночная власть, рыночная сила

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.132.8.214-223

Ilya P. BOCHININ,

Senior Associate at VEGAS LEX law firm

ilya.bochinin@gmail.com

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

On the necessity of antitrust immunities from the designation of an undertaking as holding a dominant position

Abstract. *The article is devoted to the study of antitrust immunities, in which an economic entity is not designated as holding a dominant position in the commodity market. Based on the analysis of regulatory regulation, as well as doctrinal sources, the author proves that the market power of a market participant is not directly related to the amount of revenue of an economic entity. It is argued that when granting immunity to a single participant in the local commodity market if it meets a number of formal criteria stipulated by antitrust legislation, the fact that such an economic entity possesses market power (market force) is not actually taken into account. The article notes the existence of a scientific discussion regarding the existence of other immunities in antimonopoly legislation — from the imputation of abuse of a dominant position to actions to exercise exclusive rights to results of intellectual activity and means of individualization, and provides the position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the application of these immunities, which, according to the author, can be applied by analogy and to immunities from the designation of undertaking as holding a dominant position. The author concludes that the application of the immunities discussed in the article may not actually meet the aims of antitrust regulation.*

Keywords: *antitrust legislation, antitrust immunities, dominant position, abuse of a dominant position, competition, market power, market force*

Федеральным законом от 03.07.2016 № 264-ФЗ (далее — Закон № 264-ФЗ)¹ ст. 5 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»², определяющая критерии признания лица занимающим доминирующее положение, была дополнена частями 2.1—2.2, посвященными так называемым иммунитетам — условиям, при наличии которых хозяйствующий субъект не может быть признан занимающим доминирующее положение на товарном рынке.

В дальнейшем Федеральным законом от 16.02.2022 № 11-ФЗ³ третий из названных критериев был уточнен: показатель выручки, необходимый для получения иммунитета, увеличен в 2 раза — до 800 млн рублей.

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4197.

² СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

³ Федеральный закон от 16.02.2022 № 11-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции” и статью 1 Федерального закона “Об основах государственного

Сходные, по существу, критерии (с известными оговорками) применимы в силу ч. 2.2 ст. 5 Закона о защите конкуренции также для получения антимонопольного иммунитета индивидуальными предпринимателями⁴.

Из содержания пояснительной записки к законопроекту № 817991-6, который в итоге был принят в качестве Закона № 264-ФЗ, следует, что сам по себе законопроект был разработан на основании п. 25 Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 г.⁵ (далее — План мероприятий).

Указанный пункт Плана мероприятий действительно предусматривал разработку федерального закона об установлении таких иммунитетов для предпринимателей, не обладающих (по указанию самого Плана мероприятий) значительной рыночной силой.

С учетом содержания как законопроекта № 817991-6, так и ч. 2.1—2.2 ст. 5 Закона о защите конкуренции, в том числе в текущей редакции, можно предположить, что законодатель, по существу, как минимум, если не приравнивает, то считает взаимосвязанными понятия «рыночная сила» и «выручка».

Закон о защите конкуренции определение понятия «рыночная сила» (или сходного с ним понятия «рыночная власть», зачастую используемого в литературе) не дает.

В. Ф. Попондопуло отмечает, что в Законе о защите конкуренции описание рыночной власти производится посредством понятия доминирующего положения⁶.

Е. С. Хохлов в диссертационном исследовании, посвященном доминирующему положению хозяйствующего субъекта в конкурентном праве, справедливо отмечает, что «понятие рыночной власти... является все же принадлежностью экономической теории, хотя именно оно лежит в основе юридических категорий, используемых в конкурентном праве»⁷.

При этом указанный автор, в частности, не соглашаясь с наличием связи рыночной власти лишь с запретом злоупотребления доминирующим положением⁸, предлагает понимать под рыночной властью «относительно независимое

регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 8. Ст. 1035.

⁴ Необходимо отдельно отметить интересное замечание Д. А. Полуяна о том, что включение самозанятых в понятие хозяйствующего субъекта приводит к несколько противоречивой ситуации, когда индивидуальным предпринимателем иммунитет частью 2.2 ст. 5 Закона о защите конкуренции предоставляется, а самозанятым не предоставляется (см.: *Полуян Д. А. О распространении на самозанятых антимонопольного регулирования // Конкурентное право. 2024. № 3.*

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-р «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // СЗ РФ. 2015. № 5. Ст. 866.

⁶ *Попондопуло В. Ф. Рыночная власть производителей и потребителей товаров, формы ее проявления и законодательное регулирование // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 2.*

⁷ *Хохлов Е. С. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта в конкурентном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 27.*

⁸ *Хохлов Е. С. Указ. соч.*

положение на товарном рынке, которое создает реальную или потенциальную возможность ограничивать эффективную конкуренцию вследствие возможности действовать в значительной степени независимо от конкурентов, покупателей и в конечном итоге потребителей»⁹.

О. А. Символоков также отмечает, что не только доминирующее положение, но и антиконкурентные соглашения базируются на рыночной власти¹⁰.

Вместе с тем, по нашему мнению, если даже гипотетически исходить из применимости категории рыночной власти (силы) только к категории доминирующего положения, надлежит принимать во внимание, что признание лица доминантом лишь на основании определенной в ходе анализа доли на рынке невозможно — необходимо установить качественные критерии доминирования, в частности — возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке¹¹.

При этом в Законе о защите конкуренции законодатель прямо указывает на возможность непризнания лица доминантом даже в случае, если его доля на рынке превышает 50 % (п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона о защите конкуренции).

В судебной практике толкование данного законоположения приводит к справедливым выводам о том, что для признания хозяйствующего субъекта доминирующим на товарном рынке решающим является влияние такого лица на общие условия обращения товара¹².

Вместе с тем, как представляется, верно и обратное: отсутствие у лица доминирующего положения не может автоматически означать отсутствие у него рыночной власти¹³.

Примечательно, что определение понятия «рыночная сила» дано в Правилах осуществления антимонопольного регулирования и контроля в электроэнергетике, утв. постановлением Правительства РФ от 17.12.2013 № 1164¹⁴, под которым данный нормативный акт понимает и как (1) способность хозяйствующего субъекта оказывать определяющее влияние на формирование равновесной цены на электрическую энергию и (или) мощность, так и (2) определенное состояние оптового рынка. Соответствующий подход к построению определения отчасти

⁹ Хохлов Е. С. Указ. соч. С. 33.

¹⁰ Символоков О. А. Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 136.

¹¹ См. об этом, например: разъяснения Президиума ФАС России от 07.06.2017 № 8 «О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 07.06.2017 № 11). Раздел 1.3.

¹² См., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.11.2024 по делу № А59-6271/2023.

¹³ См. об этом также: Маслов А. О. Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 1. С. 34.

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 17.12.2013 № 1164 «Об утверждении Правил осуществления антимонопольного регулирования и контроля в электроэнергетике» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6874.

напоминает сочетание разработанных в экономической науке структурного и поведенческого подходов к исследованию конкуренции, которое, как отмечается исследователями, может прослеживаться и в самом определении термина «конкуренция», данном в п. 7 ст. 4 Закона о защите конкуренции¹⁵.

Также в ныне уже недействующих Методических рекомендациях по определению доминирующего положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке, утв. приказом ГКАП РФ от 03.06.1994 № 67¹⁶, фактически ставился знак равенства между обладанием способностью воздействовать на конкуренцию и обладанием рыночной властью.

Таким образом, несмотря на отсутствие единого определения понятия «рыночная сила» (или «рыночная власть»), в любом случае соответствующая «сила» («власть») как минимум не зависит напрямую от размера хозяйствующего субъекта на рынке, а тем более от размера финансовых показателей его деятельности, отраженных в бухгалтерской отчетности, а связана в первую очередь с возможностью оказания значительного влияния на условия обращения товара на соответствующем рынке, а следовательно, и на конкуренцию.

Направленность введения иммунитетов на снижение административной нагрузки на субъекты малого предпринимательства, отвечающих по критерию выручки критериям микро- и малых предприятий¹⁷, понятна. Вместе с тем это же может в действительности способствовать неоправданному «развязыванию рук» соответствующим хозяйствующим субъектам, которые могут, формально отвечая критериям для получения такого иммунитета, но при этом обладая существенной рыночной властью на конкретном товарном рынке, злоупотреблять соответствующим положением.

Так, по нашему мнению, вполне возможны — и это подтверждается практикой — ситуации, например, существования товарных рынков, на которых действует лишь один участник, от производства товаров (оказания услуг, выполнения работ) которым находятся фактически в зависимости его контрагенты.

Примечательно, что пунктом 3 ч. 2.1 ст. 5 Закона о защите конкуренции установлена невозможность распространения рассматриваемого иммунитета на

¹⁵ *Тумов Е. Е.* Административная ответственность за нарушения антимонопольного законодательства РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 18.

¹⁶ Приказ ГКАП РФ от 03.06.1994 № 67 «О Методических рекомендациях по определению доминирующего положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1994. № 11.

¹⁷ Так, на момент принятия Закона № 264-ФЗ действовало постановление Правительства РФ от 09.02.2013 № 101 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства», согласно которому предельные значения выручки для микропредприятий составляли 60 млн рублей, для малых предприятий — 400 млн рублей.

С 01.08.2016 и по настоящее время действует постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства», согласно которому указанные предельные значения выросли в 2 раза и составляют 120 млн и 800 млн рублей, соответственно.

субъект естественной монополии при осуществлении деятельности на естественном монопольном рынке.

Фактически, как представляется, законодатель подразумевает, что с учетом содержания самого термина «естественная монополия», предоставлять иммунитет хозяйствующему субъекту, какая бы выручка у него ни была, действующему в условиях отсутствия конкуренции, неверно.

Вместе с тем очевидно, что деятельность хозяйствующего субъекта на рынке при фактическом отсутствии конкуренции возможна не только в сферах деятельности субъектов естественной монополии, что связано в том числе с возможностью существования локальных рынков, географические границы которых не выходят за пределы муниципального образования. Если на таком рынке существует лишь один хозяйствующий субъект, реализующий товар, а возможность, например, приобретения товара на иных территориях или в целом отсутствует, или крайне невыгодна контрагентам (по общему правилу, если издержки превышают более 10 % цены товара, который можно приобрести «здесь»), следует признать, что соответствующий хозяйствующий субъект — в отсутствие применения правил об иммунитете — будет занимать доминирующее положение на соответствующем товарном рынке, и на него будут распространяться запреты, предусмотренные ст. 10 Закона о защите конкуренции.

В случае же применения иммунитета в такой же ситуации хозяйствующий субъект, участником которого, например, является одно физическое лицо, при этом выручка составляет 750 млн рублей, уже не будет признан занимающим доминирующее положение. Такой хозяйствующий субъект фактически освобождается от соблюдения запрета злоупотребления доминирующим положением и может гипотетически, допустим неоднократно, повышать цену на реализуемый товар в отсутствие фактического изменения его себестоимости, пользуясь зависимым положением своих контрагентов, при этом не превышая установленный законодательством «верхний предел» выручки в 800 млн рублей в год.

Соответственно, в данном случае способность влиять на условия обращения товара на рынке фактически не учитывается — хозяйствующий субъект не будет считаться доминантом лишь на основании совокупности формальных критериев.

В этом смысле мы не можем в полной мере согласиться с позицией исследователей о том, что «субъект малого предпринимательства не обладает значительной рыночной властью, не может диктовать свои условия другим хозяйствующим субъектам»¹⁸, а наличие такого субъекта подразумевает низкие барьеры входа на рынок¹⁹. Основания для правомерности соответствующей позиции возможны, на наш взгляд, в случаях наличия на рынке как минимум нескольких хозяйствующих субъектов, причем при ситуации их небольшой, недостаточной доли для применения общих критериев для признания лица доминирующим субъектом.

Вместе с тем, как уже отмечалось, размер выручки хозяйствующего субъекта не определяет уровень (степень) его рыночной власти: на некоторых рынках

¹⁸ Чоракаев К. Особенности антимонопольного регулирования малого и среднего бизнеса // ЭЖ-Юрист. 2016. № 32. С. 3.

¹⁹ Чоракаев К. Указ. соч.

субъект малого предпринимательства может быть его единственным участником²⁰. Более того, с практической точки зрения само по себе установление антимонопольных иммунитетов означает не то, что субъекты малого бизнеса не могут оказывать решающее влияние на рынок, а наоборот, что применение таких иммунитетов возможно по отношению к тем хозяйствующим субъектам, которые отвечают общим критериям, предусмотренным ч. 1 или ч. 3 указанной статьи для признания их занимающими доминирующее положение. Вместе с тем с учетом их небольшой выручки законодателем принято решение не рассматривать их в качестве доминанта.

Следует отметить, что предусмотренные ч. 2.1—2.2 ст. 5 Закона о защите конкуренции иммунитеты — не единственные в антимонопольном законодательстве. Так, например, ч. 4 ст. 10 того же Закона распространяет иммунитет от вменения злоупотребления доминирующим положением на действия по осуществлению доминирующим субъектом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг.

Вопрос об отмене указанных иммунитетов достаточно часто поднимается представителями ФАС России и обсуждается в литературе²¹.

Так, например, С. А. Пузыревский отмечая фактическое противоречие таких иммунитетов Конституции РФ, указывает на то, что их существование приводит к привилегированному положению правообладателей по сравнению с иными участниками рынка, а также к невозможности защиты пострадавших лиц от соответствующих злоупотреблений²².

Следует также отметить, что относительно предусмотренных в ч. 4 ст. 10 Закона о защите конкуренции иммунитетов интересные выводы еще в 2018 г. сделал Конституционный Суд РФ, указав, что они «не могут интерпретироваться и применяться как полностью выводящие коллизию интересов правообладателей товарных знаков и иных участников правоотношений... из-под действия механизмов обеспечения баланса конституционно значимых ценностей. Иное означало бы злоупотребление исключительным правом на товарный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться»²³.

²⁰ Например, ФАС России в письме от 11.04.2017 № АД/24002/17 «О направлении разъяснений о предоставлении государственных или муниципальных преференций в целях поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» отмечено, что доля субъектов малого и среднего предпринимательства на отдельных товарных рынках достигает 100 %.

²¹ См., например: *Ашфа Д. М.* Антиконтурные практики на цифровых рынках и правовые способы их пресечения // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 89—102; *Пузыревский С. А.* К вопросу об отмене антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности // Юрист. 2024. № 11. С. 39—45.

²² *Пузыревский С. А.* Указ. соч. С. 45.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4

Полагаем, что соответствующие выводы во многом применимы и к антимонопольным иммунитетам, обсуждаемым в настоящем исследовании: потенциальное применение к одному хозяйствующему субъекту (обладающему выручкой, например, 850 млн рублей) антимонопольных запретов при неприменении к другому (обладающему выручкой, например, 750 млн рублей), которые примерно равны по рыночной силе (допустим, первый и второй хозяйствующие субъекты — единственные участники локальных рынков), не представляется оправданным.

В частности, с учетом возможных значительных размеров «оборотных» штрафов, предусмотренных за нарушение ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ²⁴, у небольших хозяйствующих субъектов, действующих на локальных рынках, создается, на наш взгляд, стимул не выходить за очерченные Законом о защите конкуренции критерии для получения иммунитета, учитывая как зависимость от них потребителей, так и небезграничные возможности, как правило, субъектов малого предпринимательства по получению прибыли (выручки) на таких рынках.

Также, например, применение иммунитетов может приводить к парадоксальной ситуации невключения в состав коллективно доминирующих субъектов лица, обладающего таким иммунитетом, с одновременным рассмотрением в качестве участника коллективного доминирования хозяйствующего субъекта, таким критериям не отвечающего, однако имеющего меньшую долю рынка. В такой ситуации последний — участник с меньшей долей на соответствующем рынке, но превышающей 8 %, — будет нести ограничения, предусмотренные ст. 10 Закона о защите конкуренции, исходя из поддерживаемой в настоящее время в правоприменительной практике позиции о возможности индивидуального злоупотребления коллективным доминирующим положением²⁵.

Верховный Суд РФ с учетом содержания основополагающего для антимонопольного регулирования п. 1 ч. 1 ст. 1 Закона о защите конкуренции, фактически закрепляющего предмет антимонопольного законодательства, указывал, что содержащиеся в антимонопольном законодательстве меры в целом направлены на исключение ситуаций, при которых хозяйствующие субъекты обладают возможностью своими действиями в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке²⁶.

статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1435.

²⁴ Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

²⁵ О проблематике возможности индивидуального злоупотребления коллективным доминирующим положением см., например: *Башлаков-Николаев И. В., Максимов С. В.* Коллективное доминирование: возможно ли индивидуальное злоупотребление доминирующим положением «коллектива» доминантов? // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 13—17; *Борзило Е. Ю.* Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 284—286.

²⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018). Пункт 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3 ; № 4.

В ситуации применения обсуждаемых антимонопольных иммунитетов в действительности может иметь место обратная ситуация — фактически допущение монопольного положения хозяйствующего субъекта на соответствующем рынке с одновременным его выведением из-под действия антимонопольных запретов, специально предусмотренных для лиц, занимающих такое монопольное положение (доминирующих субъектов).

Таким образом, антимонопольные иммунитеты от признания лица занимающим доминирующее положение, на наш взгляд, в настоящее время напрямую не связаны с установлением обладания (отсутствия обладания) соответствующим хозяйствующим субъектом рыночной власти на конкретном товарном рынке. На небольших, локальных рынках, где действует, например, единственный участник, пусть и являющийся субъектом малого предпринимательства, потребители могут быть зависимы от соответствующего производителя товаров, не имея возможности их замены или приобретения у иных поставщиков на иных территориях, что обуславливает возможность злоупотребления соответствующим производителем своим фактически монопольным положением на данном рынке.

Вместе с тем такой производитель, не превышая установленные ч. 2.1—2.2 ст. 5 Закона о защите конкуренции пределы выручки, при соответствии иным установленным в данных нормах формальным критериям, может быть освобожден от распространения на него положений ст. 10 Закона о защите конкуренции, что с учетом объективно имеющейся у такого участника рынка рыночной власти не может, на наш взгляд, признаваться соответствующим целям антимонопольного регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ашфа Д. М.* Антиконтентные практики на цифровых рынках и правовые способы их пресечения // Журнал российского права. — 2024. — № 4. — С. 89—102.
2. *Башлаков-Николаев И. В., Максимов С. В.* Коллективное доминирование: возможно ли индивидуальное злоупотребление доминирующим положением «коллектива» доминантов? // Конкурентное право. — 2020. — № 2. — С. 13—17.
3. *Борзило Е. Ю.* Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2022. — 366 с.
4. *Маслов А. О.* Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. — 2024. — № 1. — С. 34—42.
5. *Полуян Д. А.* О распространении на самозанятых антимонопольного регулирования // Конкурентное право. — 2024. — № 3. — С. 10—13.
6. *Попондопуло В. Ф.* Рыночная власть производителей и потребителей товаров, формы ее проявления и законодательное регулирование // Конкурентное право. — 2021. — № 4. — С. 2—9.
7. *Пузыревский С. А.* К вопросу об отмене антимонопольных иммунитетов в отношении интеллектуальной собственности // Юрист. — 2024. — № 11. — С. 39—45.

8. *Символоков О. А.* Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях // Журнал российского права. — 2021. — № 11. — С. 133—149.
9. *Титов Е. Е.* Административная ответственность за нарушения антимонопольного законодательства РФ: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015. — 250 с.
10. *Хохлов Е. С.* Доминирующее положение хозяйствующего субъекта в конкурентном праве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 298 с.
11. *Чоракаев К.* Особенности антимонопольного регулирования малого и среднего бизнеса // ЭЖ-Юрист. — 2016. — № 32.

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Юридическое наследие

Социалистическое соревнование¹

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**

*главный редактор
журнала «Вестник*

Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА)»,

доктор юридических наук,

профессор

Может ли экономика государства развиваться без конкуренции?

В СССР считали, что конкуренция является исключительно неотъемлемым атрибутом капиталистического хозяйства и в конечном счете представляет собой борьбу предпринимателей за клиентуру. Ограниченность ресурсов и спроса на продукцию делает участников рынка не только соперниками, но и врагами.

Иная ситуация характерна для плановой экономики. В ее условиях существует единый народнохозяйственный организм, каждая клетка которого выполняет возложенную на нее функцию, при этом не в борьбе с другими участниками, а в сотрудничестве. Наличие общего собственника в лице государства, полная обеспеченность на несколько лет вперед предприятий заказами делает бессмысленной конкуренцию, но не исключает созидательное соревнование с целью совершенствования единого хозяйственного механизма, повышения его эффективности.

Однако элементы состязательности в производстве руководители Советского государства не отрицали.

С этой целью 9 мая 1929 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», которое указывало, что «одним из важнейших методов социалистического воспитания пролетариата и вовлечения самых широких рабочих масс в дело хозяйственного управления должно стать дальнейшее и все более широкое развертывание социалистического соревнования фабрик и заводов, шахт и мастерских...».

Толчок к развертыванию социалистического соревнования дала статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», впервые опубликованная 20 января 1929 г. в газете «Правда»². В. И. Ленин писал: «Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом. Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование, ни установление единообразия

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

² В. И. Ленин написал ее в январе 1918 г.

сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается многообразием в подробностях, в местных особенностях, в приемах подхода к делу, в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т.д. и т.п.)».

Уже в феврале 1929 г. шахтеры Донбасса начали соревнование, которое вскоре превратилось во всесоюзное социалистическое соревнование угольных шахт за повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции и укрепление трудовой дисциплины. 5 марта 1929 г. рабочие ленинградского завода «Красный выборжец» обратились через «Правду» к рабочим всех фабрик и заводов Советского Союза с предложением развернуть социалистическое соревнование за снижение себестоимости продукции. Этот призыв положил начало заключению договоров о социалистическом соревновании между предприятиями, коллективами цехов, бригадами, отдельными рабочими.

Принятое обращение XVI партийной конференции «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» отмечало, что развертывание социалистического соревнования — лучшая гарантия выполнения пятилетнего плана. «Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой», — говорилось в обращении.

Партийные и общественные организации повели борьбу за превращение социалистического соревнования в постоянный метод строительства социализма и за внесение большей планомерности и организованности в соревнование.

О том, насколько большое значение И. В. Сталин придавал соревнованию и трудовому подъему масс, видно из его предисловия, специально написанного к книжке Е. Микулиной «Соревнование масс», которое скромно названо: «Соревнование и трудовой подъем масс»³. И. В. Сталин представил свое видение принципиального различия социалистического соревнования и конкуренции.

Можно задать риторический вопрос: действительно ли массами в СССР овладел небывалый производственный энтузиазм в результате социалистического соревнования, основанный только на моральных стимуляторах? Конечно, это не соответствовало действительности. Кроме моральных стимуляторов (красный список, почетная грамота, переходящее трудовое знамя и т.д.), предусматривались и материальные формы поощрения — премии. Для премирования создавался особый фонд.

³ Предисловие было напечатано в газете «Правда» 22 мая 1929 г.

Совет народных комиссаров СССР в сентябре 1929 г. постановил образовать на предприятиях премиальный фонд в размере 40 % экономии, полученной в результате соревнования. Рабочие премировались за повышение производительности труда, увеличение выпуска изделий и улучшение их качества, снижение себестоимости продукции, а также за экономию топлива, сырья и материалов.

Хотя участие в социалистическом соревновании формально было добровольным, однако оно проводилось практически повсеместно во всех отраслях народного хозяйства, в сельском хозяйстве, промышленности, учреждениях, конторах, больницах, школах, в армии и силовых ведомствах.

Важной частью управления этим процессом всегда были так называемые социалистические обязательства. Основным ориентиром был план производства, отталкиваясь от которого, трудовые коллективы и отдельные сотрудники обязывались принимать на себя плановые или даже повышенные соцобязательства.

В большинстве случаев сроки подведения итогов каждого социалистического соревнования в СССР были приурочены к какой-нибудь важной или памятной дате, например, годовщине Октябрьской революции, дню рождения Владимира Ильича Ленина.

Во время Великой Отечественной войны и послевоенный период социалистическое соревнование принимало формы движения многостаночников, совместителей профессий, двухсотников (выполнение двух сменных заданий в один рабочий день) фронтовых вахт, комсомольско-молодежных бригад, движения «гвардейцев тыла».

Формы поощрения постоянного совершенствовались. В числе моральных поощрений существовали почетные значки, почетные дипломы. Портреты

победителей в обязательном порядке вывешивали на доску почета. Передовики социалистического соревнования выдвигались на руководящие должности в государстве и награждались высшим знаком отличия «Герой социалистического труда».

В 1970-е гг., помимо денежных премий трудовым коллективам, отдельные работники — победители соревнования получали дефицитные товары или льготы в виде бесплатных путевок на курорты, права внеочередного получения жилья и приобретения автомобиля.

Среди наград победителям соцсоревнования следует выделить два знака. Первый — это знак «Победитель социалистического соревнования», учрежденный постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ от 5 января 1973 г. № 15. Награжденному вместе со знаком вручалось удостоверение установленного образца, а в его трудовой книжке делалась соответствующая запись. Знаки «Победитель соцсоревнования» входят в перечень ведомственных знаков отличия в труде, дающих право на присвоение звания «Ветеран труда». Это приносило награжденным существенные льготы после выхода на пенсию. Был и еще один знак — «Ударник коммунистического труда».

В СССР в условиях развитого социализма соцсоревнование пронизывало все сферы труда и общественной практики, стало органичной чертой советского образа жизни, оно активно пропагандировалось властями. Однако с постепенным переходом к рыночным отношениям социалистическое соревнование стало упраздняться. В официальных выступлениях и нормативных актах сначала, до 1988 г., стали говорить о «социалистической состязательности», «экономическом соревновании», «социалистической соревновательности», «конкурентоспособности», а с 1988 г. официально стал использоваться термин «конкуренция» («социалистическая конкуренция»).

Сегодня социалистическое соревнование — это уже наша история.

Из периодики прошлого

**Соревнование и трудовой подъем масс.
Предисловие к книге Е. Микулиной
«Соревнование масс»¹**

Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом нашего строительства является в данный момент широко развертывающееся соревнование миллионных масс рабочих. Соревнование целых фабрик и заводов в самых разнообразных углах нашей необъятной страны; соревнование между рабочими и крестьянами; соревнование между колхозами и совхозами; закрепление этой массовой производственной переклички в специальных договорах трудящихся, — всё это такие факты, которые не оставляют сомнения в том, что социалистическое соревнование масс уже вступило в силу.

Могучий производственный подъем трудящихся масс начался. Это вынуждены теперь признать даже самые отчаянные скептики.

«Социализм, — говорит Ленин, — не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами». <...>

«Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь»... ибо «впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя» <...>

«Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование».

Из этих положений Ленина исходила XVI конференция ВКП(б), когда она издала специальное обращение к рабочим и трудящимся о соревновании.

Некоторые «товарищи» из бюрократов думают, что соревнование есть очередная мода большевиков и, как таковая, должна заглухнуть по окончании «сезона». «Товарищи» из бюрократов, конечно, ошибаются. На самом деле соревнование есть *коммунистический метод строительства социализма* на основе максимальной *активности* миллионных масс трудящихся. На самом деле соревнование есть тот *рычаг*, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма.

Другие «товарищи» из бюрократов, будучи напуганы могучей волной соревнования, пытаются создать для него искусственные рамки, вогнать его в берега, «централизовать» дело соревнования, сузить его размах и лишить его, таким

¹ Правда. 22 мая 1929 г. № 114.

Микулина Е. Соревнование масс / предисловие И. Сталина. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 56 с.

образом, самого важного в нем — *инициативы* масс. Нечего и говорить, что расчеты бюрократов не оправдаются. Во всяком случае, партия примет все меры к тому, чтобы превратить их в щепки.

Социалистическое соревнование нельзя рассматривать как канцелярское дело. Социалистическое соревнование есть выражение деловой революционной *самокритики* масс, опирающейся на творческую *инициативу* миллионов трудящихся. Всякий, кто стесняет, сознательно или бессознательно, эту самокритику и эту творческую инициативу масс, должен быть отброшен прочь с дороги, как тормоз нашего великого дела.

Опасность бюрократизма выражается конкретно, прежде всего в том, что он связывает энергию, инициативу и самостоятельность масс, он держит под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, в недрах рабочего класса и крестьянства, он не дает использовать эти резервы в борьбе с нашими классовыми врагами. Задача социалистического соревнования состоит в том, чтобы разбить эти бюрократические путы, открыть широкое поприще для развертывания энергии и творческой инициативы масс, выявить колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, и бросить их на чашку весов в борьбе с нашими классовыми врагами как внутри, так и вне нашей страны.

Иногда социалистическое соревнование смешивают с конкуренцией. Это большая ошибка. Социалистическое соревнование и конкуренция представляют два совершенно различных принципа.

Принцип конкуренции: *поражение и смерть* одних, победа и господство других.

Принцип социалистического соревнования: товарищеская *помощь* отстающим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться *общего* подъема.

Конкуренция говорит: *добивай отстающих*, чтобы утвердить свое господство.

Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, — *догоняй лучших* и добейся *общего* подъема.

Этим, собственно, и объясняется тот небывалый производственный энтузиазм, который охватил миллионные массы трудящихся в результате социалистического соревнования. Нечего и говорить, что конкуренция никогда не может вызвать чего-либо похожего на подобный энтузиазм масс.

В последнее время участились в нашей печати статьи и заметки о соревновании. Пишут о философии соревнования, о корнях соревнования, о возможных результатах соревнования и т.д. Но редко можно встретить такие заметки, которые изображали бы сколько-нибудь связно картину того, как проводится соревнование *самими массами*, картину того, *что переживают* миллионные массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают дело соревнования *своим собственным, родным делом*. А между тем эта сторона дела представляет для нас в высшей степени важную сторону соревнования.

Я думаю, что брошюра т. Е. Микулиной является первой попыткой дать связанное изложение материалов из *практики* соревнования, демонстрирующее дело соревнования как дело самих трудящихся масс. Достоинство этой брошюры состоит в том, что она представляет простой и правдивый рассказ о тех глубинных процессах великого трудового подъема, которые составляют внутреннюю пружину социалистического соревнования.

11 мая 1929 г.

ПОСТСКРИПТУМ

Шутки великих¹

Великие люди нередко были наделены отличным чувством юмора, владели метким словом, о чем и сохранилось множество свидетельств в истории. Однако, когда дело касается юмора, трудно отличить реальные исторические факты от легенд и анекдотов. Впрочем, есть среди них и претендующие на историческую достоверность.

Екатерина Великая

Немка по происхождению, Екатерина Великая запомнилась историкам как правитель, создавший идею о необходимости завоевания Россией Босфора и как «немецкая мать русского Отечества».

Однажды императрице стало плохо, и ее любимый доктор Роджерсон прописал пустить ей кровь. После этой процедуры она приняла графа Безбородко.

— Как здоровье, Ваше Величество? — спросил граф.

— Теперь лучше. Последнюю немецкую кровь выпустила, — ответила императрица.

Павел I и ливень

Павел Петрович с детства питал пристрастие к строгому порядку, военной форме и маневрам. Даже великий полководец Александр Суворов, по слухам, был отстранен от командования армией из-за высказываний о неуместности на русском солдате немецкого напудренного парика и неудобных ботинок с пряжками.

Однажды Павел проводил учебную осаду крепости, защитникам которой было приказано всеми средствами продержаться до полудня. За два часа до конца учений император вместе с полками, осаждавшими крепость, попал под сильнейший ливень. Коменданту крепости было приказано немедленно открыть ворота и впустить Павла, но он наотрез отказался выполнить распоряжение. Император промок насквозь. Ровно в двенадцать часов ворота открылись, и Павел, в гнев ворвавшись в крепость, обрушился на коменданта с упреками. Тот невозмутимо показал императору его же рукой подписанный приказ. Павлу ничего не оставалось, как похвалить полковника за исполнительность и дисциплину. Комендант тут же получил звание генерал-майора и был отправлен нести караул под продолжавшийся дождь.

Александр I и честность

В последние годы жизни Александр I был весьма богобоязненным человеком. В канун Рождества, совершая паломническую поездку, император ненадолго остановился на почтовой станции. Войдя в избу станционного смотрителя, Александр увидел на столе Библию и поинтересовался, часто ли смотритель ее читает. Тот заверил императора, что весьма часто. Выслав под каким-то предлогом смотрителя из комнаты, император вложил между страниц Писания пять сторублевых

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

банкнот (гигантские по тем временам деньги) и вскоре уехал. Спустя двенадцать дней, в Крещение, Александр возвращался в Петербург через эту же станцию. Увидев книгу на том же месте, император снова поинтересовался у смотрителя, читал ли он книгу с тех пор, как они виделись. Смотритель снова горячо уверил его, что читал, и не раз. Александр пролистал Библию — ассигнации были на месте. Он пожурил смотрителя за обман и приказал раздать деньги сиротам.

Николай I

Однажды в Париже решили поставить спектакль об Екатерине II, высмеивая фривольную жизнь этой женщины. Из России была послана нота протеста, однако посол сообщил, что она не подействовала. Французы все равно собирались поставить пьесу, предвкушая скандал.

На это Николай I попросил сообщить французскому правительству, что на премьерный показ он делегирует триста тысяч зрителей, на которых будут серые военные шинели. Понятно, что постановка свет не увидела.

Однажды один из придворных чинов подал императору жалобу на офицера, который выкрал у него дочь и без разрешения родителей обвенчался с ней. Николай на жалобе написал следующую резолюцию: «Офицера разжаловать, брак аннулировать, дочь вернуть отцу, считать девицей».

Николай I любил проверять ночью посты. Однажды навстречу ему попался прапорщик (в то время низший офицерский чин) одной из инженерных частей. Прапорщик увидел императора и вытянулся во фронт.

— Откуда ты? — спросил Николай.

— Из депá, Ваше Величество! — отрапортовал прапорщик.

— Дурак! Разве «депо» склоняется? — поправил император малограмотного служаку.

— Все склоняется перед Вашим Величеством! — льстиво, но предельно искренне заявил прапорщик.

Прапорщик встретил утро капитаном.

Александр III

Великий князь Николай Николаевич, кузен Александра III, решил жениться. Избранницей его стала купчиха, да еще ко всему — разведенная. На подобный союз требовалось согласие главы правящего дома. Император согласился, но с условием: этот союз он будет игнорировать; и у жены кузена не будет официального положения при дворе. Перед свадьбой невеста потребовала, чтобы великий князь добился для нее должности. Когда просьба дошла до императора, тот вообще запретил кузену жениться. Как заметил Александр, он в родстве со всеми европейскими дворами, а вот с петербургским Гостиным двором не был. И быть не хочет.

В 1891 г. Петербург посетила французская эскадра. Торжественная встреча, звучат гимны обеих держав, военные с обеих сторон берут под козырек... Вот только французский гимн — «Марсельеза» — в России запрещен. Представим картину: звучит запрещенный революционный гимн, и российский император Александр III, как полагается военному, берет под козырек... Отказаться нельзя, мероприятие официальное и важное для налаживания отношений с Францией. Гофмаршал Оболенский обратил внимание императора на этот щекотливый момент. Выслушав, Александр сказал: «Мы же не можем дать французам другой гимн? Играйте тот, какой есть. Ничего, после «Марсельезы» они шапки снимут и «Боже, царя храни!» выслушают!»

Потемкин и Суворов

Князь Г. А. Потемкин беспрестанно напрашивался к Суворову на обед. Суворов всячески отшучивался, но, наконец, вынужден был пригласить его с многочисленною свитою.

Суворов призывает к себе искуснейшего метрдотеля, Матоне, служившего у князя Потемкина, поручает ему изготовить великолепнейший стол и не щадить денег; а для себя велел своему повару, Мишке, приготовить два постных блюда. Стол был самый роскошный и удивил даже самого Потемкина.

«Река виноградных слез», как сам Суворов, в одном письме своем, пиитически отзывался, несла на себе пряности обеих Индий. Но сам он, кроме двух блюд, под предлогом нездоровья и поста ни до чего не касался. На другой день, когда метрдотель принес ему счет, простирившийся за тысячу рублей, Суворов отправил к его Потемкину, подписав на нем: «Я ничего не ел». Потемкин тотчас заплатил и сказал: «Дорого стоит мне Суворов».

Сталин и Засядько

В 1948 г. министром угольной промышленности СССР был назначен Александр Федорович Засядько — прекрасный управленец, знающий свое дело, но имеющий склонность к алкоголю. Об этой проблеме все знали, но так как злоупотреблял новый министр только по вечерам, Сталина это, похоже, не волновало. Однако вскоре Засядько пришлось участвовать в очень позднем совещании, на которое его привезли уже из дома. Пытаясь скрыть запах спиртного, министр пытался отворачиваться и закрывать рот ладонью, когда отвечал. Заметив это, Сталин вышел в соседний кабинет, вернулся с бутылкой коньяка и лимоном, налил себе полный бокал и немного плеснул в рюмку Засядько, чокнулся с ним и залпом выпил. После вежливо спросил: «Я думаю, мы теперь с Вами можем на равных разговаривать?!»

Кстати, эту шутку Иосиф Виссарионович использовал не один раз, с разными собеседниками.

Громыко и турки

Вопрос контроля над турецкими проливами всегда был очень болезненным и жизненно важным для СССР. Так, в 1970 г. нарастал еще один кризис с Босфором и Дарданеллами.

Турция приняла решение о закрытии проливов для военных судов СССР. Стоит отметить, что это решение нарушало условия конвенции Монтрё, что, впрочем, не останавливало НАТО и турецкое правительство. И тут пришлось вмешаться А. А. Громыко. Как раз в это время министр иностранных дел СССР был с визитом в США. И журналисты спросили, что собирается ответить Советский Союз на такие недружественные действия турецких властей. А. А. Громыко с улыбкой ответил: «Пара хороших ракетных залпов позволит СССР построить для себя пару новых проливов. У этого метода есть всего один, незначительный, недостаток — он не гарантирует дальнейшего существования Стамбула».

После такой громкой фразы турецкие власти перестали даже думать о закрытии Босфора и Дарданелл. Сразу же сделали вид, что такое решение не принималось, и всё забыли. Фигура легендарного министра иностранных дел СССР Громыко была настолько значима во всем мире, что не считаться с его заявлениями было нельзя.